



Януш Камоцкий

**Встречи
с
Индонезией**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ



Януш Камоцкий

***Встречи
с
Индонезией***



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

91(И5)
К18

Janusz Kamocki
PRZYGODA Z INDONEZJA
Warszawa 1976

Редакционная коллегия:

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Сокращенный перевод с польского
Д. С. ГАЛЬПЕРИНОЙ

Ответственный редактор и автор послесловия
М. А. ЧЛЕНОВ

Камоцкий Я.

К18 Встречи с Индонезией. Пер. с польск. Д. С. Гальпериной, послесл. М. А. Членова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

192 с. («Рассказы о странах Востока»).

Книга представляет собой описание путешествия, предпринятого автором, научным сотрудником Краковского этнографического музея, в начале 70-х годов в Индонезию. Особый интерес вызывают этнографические зарисовки о жизни племен, населяющих места, удаленные от туристских маршрутов, а также картинки, отображающие быт, нравы и обычаи индонезийцев.

К 1905020000-139 143-82
013(02)-82

91(И5)

© Instytut Wydawniczy Pał, 1976

© Перевод и послесловие: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

В четверг 21 мая 1970 года, в 18 часов 55 минут, наш теплоход отошел наконец от причала. До этого сроки отъезда откладывались со дня на день. На борт теплохода, который должен был доставить нас в Индонезию, мы поднялись 19 мая. Наше появление не вызвало восторга у капитана: для команды удобнее, если пассажиры садятся на корабль в последние часы перед отплытием.

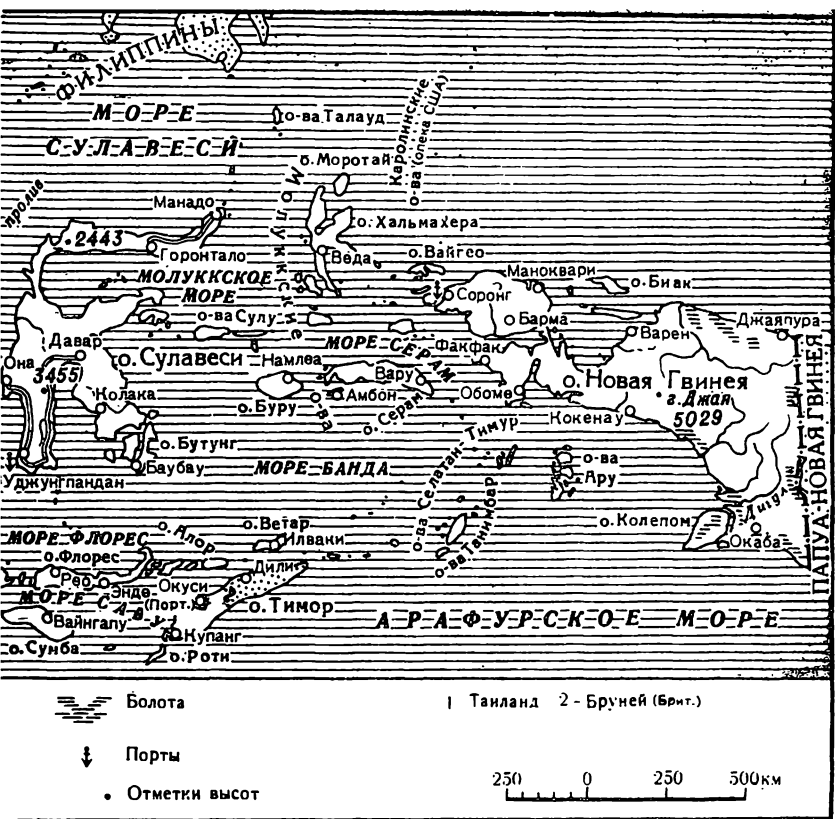
Едва мы ступили на борт, начались поиски моего багажа. В конце концов мое имущество нашлось — кто-то заботливо уложил его в рундуки почтового отделения. Багаж у меня был весьма солидный: два ящика, четыре чемодана, складной велосипед, рюкзак, вещевой мешок с магнитофоном, два фотоаппарата, кинокамера, экспонометр... Хватило бы для серьезной научной экспедиции. Зато денег... Десять долларов в кармане! А в индонезийском посольстве честно предупредили, что стипендия, на которую я могу рассчитывать, будет минимальная. В Джакарте, правда, я смогу воспользоваться гостеприимством милейших супругов Вавжиняк. Но хочется побывать на Суматре, Малых Зондских островах, да мало ли где еще. Вот и приходится везти с собой кучу всевозможных мелочей и сувениров, которые облегчат жизнь в Индонезии и послужат обменным фондом при составлении коллекции, тем более что на покупку экспонатов денег мне не выделили и ничего определенного не обещали. Правда, я получил немалую помощь от различных краковских организаций и учреждений. Так, фирма «Миракулум» щедро снабдила меня кремами и лосьонами. Взял я также изрядное количество флаконов одеколona «Прастары», который, как я слышал, высоко ценят на островах Южных морей. От Краковского кооператива им. Выспяньского я получил прелестных кукол. Фирма «Фотооптика» и Краков-



ский комитет по физической культуре и туризму тоже помогли, чем могли. А министерство культуры и искусства оплатило проезд польским теплоходом в Индонезию и обратно. Таким образом, несмотря на весьма скромные финансовые возможности, поездка состоялась.

В коллекции Краковского этнографического музея, где я руковожу отделом внеевропейской этнографии, имеются и яванские экспонаты-куклы театра теней и марионеток, оружие и ткани, привезенные в Польшу в 1900 году исследователем яванской природы М. Рациборским. В наш музей попали также коллекции М. Седлецкого, автора книги «Ява», рассказывающей об экспедиции 1908 года.

Я увлекся этими материалами и провел большую



работу (составил каталоги, организовал выставки и пр.). В поисках информации об индонезийском искусстве и отдельных персонажах традиционного театра я перерыл массу литературы, неоднократно обращался в индонезийское посольство. В итоге — как это случилось, я и сам не заметил — коллекционирование предметов индонезийского искусства стало важным делом моей жизни, а исследования в области культуры Индонезии превратились в страсть. Разумеется, это были всего лишь теоретические исследования, и я боялся, что по разным причинам они таковыми и останутся.

Но правительство Индонезии согласилось предоставить мне скромную стипендию, чтобы я мог углубить и расширить знакомство с культурой этой страны, все-

возможные препятствия преодолены, и вот я после всех хлопот и суеты стою на борту теплохода «Янек Красицкий». В моем распоряжении уютная двухместная каюта. Единственные мои спутники на теплоходе — польско-индонезийская семейная пара Божена и Анди Кусуманингат с четырехлетним сынишкой Сенди. Малыш сразу признал меня членом семьи и своим «дядей».

С минуты на минуту теплоход отчалил. Все пассажиры на палубе. К мачте подходят два матроса — сейчас они спустят польский красно-белый флаг. Пока теплоход стоял в польском порту, на его мачте реял польский национальный флаг. Теперь вместо него будут поднимать флаги тех стран, чьи территориальные воды мы будем проходить.

Позади Балтийское море, Кильский канал, Северное море. 24 мая проходим Ла-Манш. Видимость плохая. А я так надеялся увидеть берега Англии или Франции! То, что Англия скрыта туманом, кажется мне в порядке вещей. Но Франция! Почему не видно ее берегов? Какая досада! Послать, что ли, жалобу в Управление польских океанических линий?

На следующий день входим в Бискайский залив. Погода чудесная! Трудно поверить, что это то самое грозное «Бискайское море», которое славится своими штормами, уносящими ежегодно по несколько десятков человеческих жизней. Небо ясное, но прохладно. С утра вынес на палубу раскладушку и лежу, читаю, греюсь на солнышке. Правда, в свитере, куртке и под одеялом.

В 16 часов объявляется учебная тревога. Мы с Сенди приписаны к спасательной шлюпке номер четыре, которая расположена по левому борту. Нужно бы спустить ее на воду, но «авария» такова, что левосторонние шлюпки спускать нельзя. Нам приказано перейти на правый борт (пассажиры шлюпки номер четыре имеют резервные места в шлюпке номер три). Матросы начинают спускать обе правосторонние шлюпки, но тут капитан объявляет отбой. Спасательные средства проверены, а больше пока ничего не требуется.

27 мая еще одна учебная тревога, на этот раз противопожарная. Пассажиры в ней не участвуют, так что я могу наблюдать за происходящим со стороны. Должен отметить, что капитан поддерживает на корабле стро-

жайшую дисциплину, требует идеального порядка и чистоты. Говорят, «Янек Красицкий» — одно из лучших польских судов.

Пора приниматься за письма. Как объяснил мне помощник капитана по хозяйственной части, письма пассажиров отправляются в Польшу с капитанской почтой, а там уже Управление польских океанических линий рассылает их адресатам. Члены экипажа тоже могут отправлять письма с капитанской почтой.

В Лас-Пальмасе собираюсь сойти на берег. В карман куртки кладу фляжку для вина. Покупать здесь вино — чистое безумие. Но как можно — побывать на Канарских островах и не попробовать местного вина! Стоить это будет всего один доллар, а у меня их десять.

Спускают трап. Помощник капитана по хозяйственной части, как и все офицеры, прикрепляет к своему летнему кителю синие погоны со знаками различия. Сейчас он выдаст нам пропуски. Странно, но пропуска получаем только Божена и я. Анди почему-то остался без пропуска. Решаем, однако, идти все вместе. Мой пропуск выписан как полагается, а на пропуске Божены проставлено только ее имя. Видимо, полицейский пограничной службы не справился с ее индонезийской фамилией. Сходим на берег. Полицейский у выхода из порта добродушно улыбается и любезно отвечает на вопрос Анди, как пройти в город. О пропусках никто не вспоминает.

Таксисты наперебой предлагают свои услуги, но нам они не нужны. Окинув взглядом порт, мы отправились в город пешком. Хотелось бы взглянуть на кафедральный собор и музей Колумба, который, говорят, размещен в красивом здании, но времени мало — в 23 часа нам следует быть на борту. Придется удовольствоваться осмотром портовой части города. Узкие, зачастую крутые улочки, много машин, но движутся они осторожно — первенство принадлежит пешеходам. Автомобили буквально набиты пассажирами. В четырехместных обычно сидят по пятеро взрослых и по несколько детей. Дома небольшие, двухэтажные, с эркерами. На плоских крышах — длинные телевизионные антенны. Несмотря на поздний час, на улицах много детей. Чуть не в каждом домике лавочка, ларек или закусовая.

Бары «Осака», «Киобе», «Нипура» — что за странная мода на все японское? Однако, если вы рассчитываете увидеть там гейшу, ошибаетесь. Навстречу вам либо выйдет, улыбаясь, дородная матрона, либо, притоптывая в такт музыке, выбежит смуглая черноволосая девушка в брючках. На улицах полно молодежи. Парни в расстегнутых полупрозрачных рубашках, в основном белых в крупный рисунок, девушки в мини-юбках или расклешенных брюках, стройные, изящные.

Лавки торгуют изделиями местных кустарных промыслов. На витринах — быки всевозможных размеров, повсюду разложены и развешаны шпаги — ни дать ни взять арена. Заглядываю в одну, другую лавочку. Делаю вид, будто хочу купить шляпу. За огромную довольно красивую плетеную шляпу с широкими полями и остrokонечным верхом, от которой за версту несет сувенирной продукцией, просят больше двух долларов. В другом месте уличный торговец предлагает шляпу всего за 55 песет. Следует отдать должное вежливости продавцов, которые вовсе не считают, что если вы осмотрели вещь, то обязаны ее купить. Они охотно берут деньги в любой валюте. В результате я купил две открытки, марки и литр местного вина. Последнюю покупку я сделал в мрачной портовой закусочной, хозяин которой любезно предложил мне стаканчик на пробу. Вино оказалось приятным.

На улицах много солдат в мундирах цвета хаки с красными нашивками на воротниках и в смешных шапочках. Один моряк был одет в белую куртку с широкими, расшитыми золотом погонами (среди эмблем я заметил якорь), синие брюки с двойными красными лампасами, на голове — белая фуражка. Не знаю, был ли это матрос линейной службы или курсант морского училища, но вид у него был совершенно опереточный. В отличном настроении возвращаемся на теплоход. Стражник в порту и не думает проверять пропуска.

Канарские острова внесли некоторое разнообразие в наше меню, обогатив его баклажанами и новым сортом хлеба (Анди говорит, что точно такой хлеб выпекают в Индонезии; по-моему, это не хлеб, а вата). Теперь у нас масса фруктов — апельсинов, бананов. Но я консерватор, мне больше всего нравятся яблоки, которые нам ежедневно подают к обеду. Индонезийцы их

чищают. Когда я однажды сделал попытку обучиться этому, у меня ничего не получилось. Единственным специалистом в этой области среди нас остается Анди. Своими необыкновенно гибкими пальцами он ловко срезает кожуру, делая движения от себя, а не к себе, то есть в сторону, противоположную той, которая принята у европейцев.

Подходим к экватору. Сегодня, прощаясь с северным полушарием, я занялся полезной работой: до обеда красил белой краской шлюп-балки, а после обеда зеленой — части бортов, которые один из матросов предвительно очистил молотком и железной щеткой.

Сегодня помощник капитана выписывает документы, необходимые для высадки пассажиров.

Индонезия приближалась. Вечером 24 июня мы войдем в Зондский пролив, а на следующее утро проснемся в Джакарте. К сожалению, это не совсем то, о чем я мечтал. Мне хотелось войти в пролив днем, чтобы полюбоваться конусом вулкана Кракатау и островом Пулу Серибу.

Погода скверная: душно, влажно, жарко, моросит дождик. Ощущение такое, будто дышишь через вату. Достал чемоданы. Металлические обручи, которыми их стянули в Краковской таможне, успели заржаветь.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ЗЕМЛЕ

В джакартском порту меня встретил первый секретарь посольства ПНР, специалист по Индонезии Анджей Вавжиняк, с которым я познакомился во время подготовки выставки «Искусство Южных морей».

Матросы несли вещи, Анджей — фотоаппараты, мне достались лишь кинокамера и магнитофон. С этим небременительным грузом я важно проследовал к ожидавшему меня автомобилю с номерными знаками дипломатического корпуса. Мы с Анджеем сели впереди, багаж разместили сзади. Всякий раз, когда микроавтобус задерживали, Анджей выходил из машины, что-то кричал полицейскому, и мы двигались дальше. Через десять минут такой езды я обалдел настолько, что даже пальмы и женщины в саронгах перестали меня удивлять. При этом я все-таки не мог не обратить внимание

на чрезвычайно оживленное уличное движение. Кажется, в одной только Джакарте автомобилей больше, чем во всей Польше, и все они едут, как мне представлялось, «неправильно», по левой стороне.

Мы подкатили к посольству, разместившемуся в небольшой вилле на улице Дипонегоро. Встречать меня вышла почти вся польская колония. Выпив по бокалу охлажденной кока-колы, мы отправились на улицу Телук Бетунг, в виллу «Поландия», где живет Вавжиняк.

Вечером познакомился с балийским живописцем Ньоманом, очень милым молодым человеком, проживавшим в доме Вавжиняков. На ужин съел с десятков шашлыков, но не подумайте, что это так уж много. Каждый шашлык состоит из трех кусочков мяса, нанизанных на тоненький шампур. Шашлыки здесь доставляют на дом продавцы, торгующие вразнос.

С интересом прочитал о том, что написала обо мне местная пресса. По радио сообщили: в Джакарту прибыл специалист-этнограф из Польши доктор Януш Камоцкий; 29 июня он встретится с деятелями культуры, представителями прессы и работниками музеев, а 2 июля в его честь будет устроен коктейль... Вот какая я, оказывается, важная персона!

К работе приступил на следующий же день. Почти ежедневно бывал в Музеум Пусат (Национальном музее), изучал местные экспонаты, в библиотеке искал литературу о ваянге. На первых порах работа приносила мало плодов: из-за убийственной жары то и дело засыпал над раскрытым фолиантом. Но через неделю я уже привык к местному климату, и он начал казаться мне превосходным.

В посольстве мне поручили вывезти из Бандунга выставку польского плаката. Отправились рано утром на служебной машине. Когда проезжали Богор, водитель показал дворец, где жил Сукарно. В парке мы увидели ланей. Говорят, у Сукарно было столько жен, сколько ланей в этом парке.

В Бандунге имеется польская колония, состоящая из шести человек — пяти инженеров, работающих в местном авиационном институте, и одной монахини из Кракова.

Мы направились к инженерам, которые встретили меня тепло и сердечно и угостили завтраком.

Далее наш путь лежит к вулкану Тангкубанпераху. Дорога идет вверх зигзагами, еще более крутыми, чем на высотах Пунчак. У входа в Национальный парк нас останавливает сторож и, получив 250 рупий, в виде напутствия несколько раз повторяет: «Авас, авас...» («Осторожно, осторожно...»), желая этим сказать, что вулкан дымится и можно отравиться серой. Но сверху идут люди, все целы и невредимы, стало быть, и у нас есть шанс избежать гибели. Погода прекрасная, но кратер в тумане. Надо спешить, иначе упустим время для съемок. А как трудно удержаться и не просить водителя поминутно останавливать машину, чтобы снять особенно красивый вид или какое-нибудь чудесное растение. Наконец подъезжаем к стоянке, где несколько машин ожидает своих пассажиров и где вертятся торговцы, предлагающие удивительно уродливые кубки с грубо намалеванными изображениями Тангкубанпераху.

Спускаемся в кратер. По дороге на нас буквально набрасываются, предлагая услуги, местные проводники. Я охотно обошелся бы без них, но мой спутник берет одного: пусть парень немного заработает. Продолжаем спуск. Красоту окружающей природы трудно передать словами. Спешу запечатлеть на фото- и киноплёнку обгоревшие, выжженные, пепельного цвета стены, застывшую лаву, поднимающиеся со дна кратера клубы дыма. А это что такое? Огромные буквы, выложенные, кажется, из бетона. У самого кратера — рекламы. «Фольксваген», японская фирма, еще какая-то... Поистине нет предела человеческой изобретательности! Инициалы, выложенные из камней студентами, приходившими сюда в разное время, на мой взгляд, выглядят куда симпатичнее.

Внизу жарко. Земля обжигает. Клубы пара поднимаются не только со дна главного кратера, но и еще откуда-то. Пахнет сероводородом. По словам проводника, температура воды в кипящем на дне кратера болотце 150 градусов. Бросаем в одно из отверстий горсть гравия — камешки взлетают в воздух.

Возвращаемся другим путем. В какой-то момент, оступившись, я начинаю ползти вниз. Инженер Градовский испуганно вскрикивает и пытается схватить меня за руку. Но обе руки заняты, и потому я не в состоянии удержать равновесие. И лишь когда Градовский берет

у меня фотоаппараты, я восстанавливаю равновесие и перестаю скользить.

Успел сделать несколько интересных снимков, сфотографировал, например, путь, по которому плыла лава во время последнего извержения вулкана (говорят, тогда погибло четыре человека).

По возвращении проводник требует 1500 рупий, но в конце концов соглашается на 250. На базаре покупаем фрукты — нам сказали, что здесь они лучше, чем где бы то ни было.

На следующий день мы с Анджеем Вавжиняком решили устроить званый ужин. Готовим закуски к вечернему приему гостей. Народу будет много — человек тридцать-сорок, главным образом деятели культуры. С некоторыми из них мне очень хотелось бы познакомиться. В семь часов гости начинают собираться.

Вот появился бывший индонезийский посол в Польше. Мы тепло приветствуем друг друга, вспоминаем нашу выставку в Познани. За ужином собеседники спрашивают меня о планах, о цели поездки, маршруте. Я объясняю, что мне хотелось бы сравнить впечатления Седлецкого об острове Ява с моими собственными. Показываю его книгу «Ява», перевожу названия отдельных глав и подписи под иллюстрациями. Говорю, что хотел бы побывать на Калимантане, но вряд ли удастся: слишком дорого. Заместитель министра и морской офицер, обсудив этот вопрос, попросили меня написать мою фамилию. Даю им визитные карточки. Фамилию они усваивают легко, но имя произнести не могут: им никак не выговорить конечное «ш».

Позднее всех пришел невысокого роста изящный индонезиец с красавицей женой в мини. На вид ей не более 20 (потом я узнал, что ей 36 и что у нее пятеро детей). Маленький индонезиец оказался бригадным генералом военно-воздушных сил. Он обещал мне в случае надобности помочь с билетами на самолет.

Гости разошлись около полуночи. Вечер прошел прекрасно, но я понял, что еще недостаточно хорошо владею индонезийским языком.

На следующий день Анджей устроил коктейль в честь моего приезда. Собралось около сорока человек, в том числе заместитель папского нунция, монсеньер Мариан Олесь — самый молодой в то время епископ ка-

толической церкви, несколько крупных сановников и дипломатов, некий голландский коллекционер. Жаль, что не пришел ни один из приглашенных представителей провинций при центральном правительстве. Их мне особенно хотелось повидать. В течение нескольких часов я расточал улыбки, кланялся, вручал визитные карточки и выпивал очередную рюмку водки с кем-нибудь из гостей. Впрочем, я старался иметь под рукой стаканчик сока, которым в большинстве случаев заменял водку. Больше всего меня мучило сознание того, как страшно я коверкаю индонезийские слова, поэтому я старался по возможности переходить на свой родной язык, обращаясь к своим соотечественникам, русским гостям и к некоторым индонезийцам по-польски.

Накануне приема мне пришлось сходить в парикмахерскую. Анджей повел меня к своему мастеру. Помещение, в котором находилась парикмахерская, было довольно скромным. Однако постригли меня хорошо, и заплатил я немало: 250 рупий. За эти деньги я мог бы отправить два письма в Польшу! А что делать? Патлатый хиппи не может являться с официальным визитом к членам правительства. Единственное утешение: индонезийское правительство решило предоставить мне стипендию в размере 100 тысяч рупий, что, считая по курсу 380 рупий за один доллар, составит 263 доллара. Да я миллионер!

Итак, меня стригут. На затылке толстое полотенце, спереди простыня. Парикмахер орудует ножницами ловко и быстро. Рядом в кресле сидит Анджей. Вот он отдает какое-то распоряжение мастеру, и тот снимает с меня простыню, оставив лишь полотенце на затылке, а его место занимает массажист, который начинает массировать мне голову. Его пальцы движутся вдоль ему одному известных линий, крепко схватывают и сильно нажимают на виски, лоб, за ушами, потом массируют затылок, плечи, руки. Надавливает сильно, я чувствую боль, но вместе с тем проходит усталость, ощущается приток свежих сил.

Вскоре после моего приезда в Джакарту ко мне пришел взять интервью местный журналист. Он не знал английского языка, что сделало это интервью одним из самых мучительных в моей жизни. На вопрос о моих политических взглядах я ответил, что считаю своим дол-

гом знакомить поляков с культурой Индонезии, углубляя тем самым дружбу между нашими народами. Я остался доволен своим ответом и беспокоился только о том, чтобы журналист ничего не перепутал.

Через несколько дней мы отправились на открытие выставки цветов, где я получил необыкновенно интересную информацию о свадебном обряде, существующем в районе Джокьякарты. Об этом обряде живо рассказывали несколько экспонатов выставки. Что же это за экспонаты? Два шарообразных предмета у входа, рядом — кокосовый орех в венке из листьев. Как мне объяснили, родственники невесты плетут такие шары из различных растений, имеющих символический смысл. Изделия, сплетенные из цветов и других растений, выражают советы и наказания молодоженам, порой настолько интимные, что их нельзя передать словами. А кокосовый орех символизирует верность будущих супругов.

Во время свадебного обряда двое парней из семьи жениха и двое из семьи невесты вносят в дом вслед за молодоженами циновки. Затем они меняются местами, так что циновка невесты оказывается на стороне жениха, а циновка жениха — на стороне невесты. После этого до конца свадебной церемонии к ним не прикасаются. В конце свадьбы все выбрасывается, в том числе и цветы, чтобы вместе с ними ушли печали. Кульминационный момент бракосочетания наступает после повторного обмена циновками, когда молодые берут по три листка бетеля и кидают друг в друга. Хорошо, если они попадают в цель. Это означает: как много листьев у бетеля, так много и людей вокруг, но выбирают только одного.

Домой возвращаюсь автобусом. Этот вид транспорта в Джакарте — тема особого разговора. Интересно, каким образом отчитывается обслуживающий персонал, если проездных билетов не продают? Почему кондуктора так кричат? И откуда вообще берутся подобные развалюхи? Не иначе как со свалки металлолома или из какого-нибудь музея старинной техники. Я думаю, на одном из них Ной подвозил к своему ковчегу зверей. Спидометров не было у Ноя, нет их и сейчас. Зато у дверей стоят два кондуктора в форменных фуражках с номерами, нарисованными белой краской. В руках

пачки банкнотов (разменная монета здесь не в ходу). Они зазывают прохожих, предлагают пользоваться автобусами, называют маршрут или пункт назначения. Европейцы считают для себя зазорным ездить в подобных колымагах. Я же охотно это делаю.

Меня давно интересовала технология производства батиков — многоцветных тканей, которые здесь носят все. Хотелось бы своими глазами увидеть, как их разрисовывают. Теоретически я хорошо представляю себе это, но видеть не приходилось. Мне повезло: преподаватели школы, где учатся дети работников консульства ГДР, супруги Герхардт, собрались посетить одно из многочисленных предприятий, вырабатывающих батики. Я присоединился к ним.

Разыскать в предместье Джакарты нужную нам фабричку оказалось нелегко. Мы долго блуждали, пока я наконец не увидел на обочине дороги таблицу с надписью: «Пабрик батик». Директор фабрики отнесся к нам любезно и охотно показал все, что нас интересовало. Мы увидели, как подготавливают материал для обработки (это происходит во дворе), осмотрели помещение, где больше десятка женщин сидят у станин, на которых разложены белые ткани. Изготовление вручную обычного батика (тулиса) при помощи специального инструмента (чантинга) занимает около месяца. Его цена — приблизительно 7 тысяч рупий. Особенно нам запомнилась женщина в желтой блузке, разрисовывающая прелестный узор «мата хари» («солнце»). Рядом с ней на станине лежал только что начатый большой кусок ткани. На его разрисовку уйдет не менее года, и стоит он будет около 75 тысяч рупий.

Кроме месячного оклада батиковальщицы получают премию — около 3 тысяч рупий за каждый готовый батик. Вот почему они нередко задерживаются около своих станин после окончания рабочего дня. У мастериц есть свои любимые узоры или комбинация узоров. Выучиться одному узору можно за три месяца. Полное же обучение батиковальщицы длится десять лет. Искусство это непростое. В нем много тонкостей. Очень важно, например, чтобы узор на обеих сторонах ткани совпал. Дороже ценятся батики ручной работы — тулисы. Их, как правило, изготавливают женщины. Узор для такого батика сначала рисуют на бумаге, а затем переносят

на ткань. Разрисовка тулиса требует много времени, и поэтому мастерицы зарабатывают мало. Зарботки мужчин значительно больше. Мужчины, занятые чаще всего в производстве батиков для массового спроса, чап-батиков, пользуются металлическими штампами. Комплект штампов для одного батика стоит от 16 до 36 тысяч рупий.

При изготовлении батика-тулис ткань покрывают воском. Кистью наносят широкие полосы на то место, которое на данном этапе не подлежит окрашиванию. Некоторые фирмы поставляют штампы. Я, например, видел батиковые косынки с английскими надписями или с гербом государственного банка. Узоры на таких изделиях получены при помощи штампа, а эмблемы нарисованы кистью, смоченной в растопленном воске. Рисунок наносится на ткань тонким слоем растопленного воска, после чего ткань погружается в ванну с красителем. При этом окрашиваются лишь части рисунка, не покрытые воском. Затем ткань опускают в горячую воду, из которой ее извлекают палками. На той фабрике, где мы были, производятся батики с различными традиционными орнаментами. Существует традиция, согласно которой определенные рисунки закрепляются за некоторыми семьями. Молодой директор фабрики — противник этой традиции.

Фабрика сотрудничает с лабораторией, исследующей различные виды тканей с точки зрения их пригодности для изготовления батиков. С удивлением узнаю, что, чем выше качество ткани, тем хуже она поддается окраске.

Поскольку я интересовался вопросами социального обеспечения, мне сообщили, что на фабрику раз в неделю приходит врач, который лечит бесплатно, за счет предприятия.

Все это время я разъезжал по Джакарте без паспорта: затерялся где-то в министерстве иностранных дел. Когда он наконец нашелся, я немедленно отправился в Главное управление по делам иммигрантов хлопотать о продлении визы. Хорошо, что со мной пошел господин Сукирно, индонезиец, сотрудник нашего посольства, имеющий массу знакомых во всех учреждениях. Однако даже с ним с первого «захода» сделать ничего не удалось. Придется поехать завтра. На разъезды ушел день.

О работе в музее сегодня не может быть и речи. К себе возвращаюсь пешком. На балконе одного из домов, в котором живут так называемые весьма приличные люди, или, как здесь говорят, «генеральская интеллигенция», сидит девушка с роскошными распущенными волосами. За ее спиной сидит другая и тщательно ищет насекомых. Это — вполне обычное и вполне приличное занятие, которое называется «менчари куту» («поискать вшей»).

На следующий день снова еду в Главное управление, а оттуда в соответствующее местное управление, где в конце концов добиваюсь того, что мне ставят печать в паспорте. Но как все это происходило, стоит рассказать.

Хлопот с документами было столько, что у меня начались провалы в памяти. Некоторые индонезийские слова самым неожиданным образом вылетали из головы. Так, оказавшись в местном Управлении по делам иммигрантов, я никакими силами не мог заставить себя вспомнить, что означает слово «бесок» (теперь-то я могу сказать, что «бесок» значит «завтра»). Как ни старался чиновник растолковать мне значение этого слова — не понимаю, забыл. Пришлось позвать на помощь коллег. Пошли в ход все языки мира. Может быть, по-немецки: «Морген, битте» — не понимаю. По-французски? Нет. По-голландски? Таращу глаза и протягиваю документы. «Па-русски понимаешь?» — пожимаю плечами. Ну что делать с остолопом, который не знает ни одного языка? Торчит тут со своим паспортом, будто не видит, что у людей чай стынет и газета не читана. Один выход: поставить ему печать. Ставят. И тут меня осеняет: припоминаю индонезийские слова и с изысканным джакартским акцентом сердечно благодарю чиновников за любезное обхождение. Надо отдать им справедливость — они буквально стонали от смеха. На прощание не забываю сказать моим милым собеседникам, пытавшимся на разных языках объяснить мне, что такое «бесок»: «thank you», «merci, monsieur», «danke schön», «спасибо» — каждому на том языке, на каком он ко мне обращался. Да, если бы не провалы в памяти, походил бы я сюда «бесок»...

В посольстве ПНР меня ждала приятная новость: мне выделили 500 долларов на покупку экспонатов для музея. Обсудили с Вавжиняком, что надо приобрести в

первую очередь. Между делом совершенствую свой индонезийский.

На следующий день, облачившись в костюм, еду на джакартскую выставку, где целых полчаса разыскиваю павильон Калимантана. В конце концов нахожу. Внимание привлекает великолепный форштевень лодки, немного оружия. Несколько парней ударяют ступами для толчения риса по камню. Кто бы мог подумать, что таким способом можно создавать мелодию?

Затем иду в павильон Западной Явы, где в этот день устраивает прием губернатор данной провинции. Посетителей выставки сопровождают гиды. Стараясь быть любезным, хвалю все, даже современные батики. Какая-то дама пытается разъяснить мне, что такое батик. Сейчас я покажу ей, что и мы не лыком шиты.

— Будьте любезны ответить,— говорю я,— имеются ли в вашей коллекции кроме представленных здесь штампованных изделий батики-тулис?

Вопрос поражает ее своей неожиданностью, но мне некогда долго разговаривать: нас приглашают во дворик. Угощают цыплятами по-индонезийски. Вкус у них изумительный, но жгут, как огонь. Выпиваю чуть не целую бочку пива, хотя и не люблю его. Не удовольствовавшись пивом, поглощаю огромное количество великолепных соков. И все за счет губернатора! Потом нам показали прекрасный балет. Я искренне аплодирую танцорам, не подозревая, что сразу же после их выступления сам сделаюсь одним из активных участников веселья и что теперь будут аплодировать мне. По окончании концерта игры на англунгах¹ всем гостям раздали эти инструменты. Теперь мы должны были давать концерт сами. Для этого на эстраде установили доску, на которой были написаны цифры. Цифрами же обозначили инструменты. Вначале мне достался англунг с номером 1, но, поскольку он оказался мал для моих рук, его заменили другим, помеченным красной цифрой 3. И вот концерт начался. Руководитель показывал палочкой на тот или иной номер на доске, а обладатель англунга, обозначенного этим номером, должен был потрясти инструмент. Это совсем нетрудно, особенно вначале, когда дирижер не торопясь показывал цифры одну после дру-

¹ Англунг — национальный сунданский музыкальный ударный инструмент из бамбука.— *Примеч. ред.*

гой. Когда же в ход пошли комбинации цифр и цветов, я растерялся. Хорошо, что на помощь пришла только что выступавшая участница хора. Она следила за дирижером и подсказывала мне, когда я должен был трести англунг. Личный инструктор оказался не только у меня. Их приставили ко всем приехавшим иностранным гостям.

После концерта начались танцы. Поскольку официальная часть праздника закончилась, некоторые индонезийские сановники, сбросив пиджаки, взбежали на сцену и пустились в пляс с прелестными музыкантшами. Их примеру последовал кое-кто из европейцев. Можете вы себе представить некоего польского этнографа, который со слендангом (шарфом) своей дамы мелкими шажками кружится под звуки сунданского оркестра кетук тилу?

ПЯТОЕ ЛИЦО БРАХМЫ

В Джокьякарту приехал доктор Тшебский, несколько лет назад преподававший здесь в университете, знаток индонезийской старины. Он пригласил тринадцатилетнюю дочку Вавжиняка Магду и меня, и мы с удовольствием приняли приглашение. До Джокьякарты — 600 километров. По счастливой случайности нас прихватывает старенький «фольксваген», который как раз туда направлялся. Дорога ужасная, всю ночь нас бросало из стороны в сторону, а в воскресенье утром мы прибыли в Джокьякарту. Час был ранний, до встречи с Тшебским еще оставалось время, и мы пошли бродить по городу. И вскоре пришли на улицу, где находилась католическая церковь, духовная академия, протестантский собор, мечеть и медресе. Вот что забавно: улица, на которой сосредоточено столько религиозных учреждений, по вечерам превращается в место сбора проституток.

Еду в музей, где договариваюсь с директором о встрече во вторник утром. Экспозиция великолепна, но нужно еще посмотреть, каковы запасники, как ведется документация и пр. Что же касается сохранности выставленных в музее произведений искусства, то она внушает ужас. При виде картины старинной балийской

живописи хочется плакать. Можно подумать, что их экспонируют специально для того, чтобы как можно скорее погубить. Рассыпающиеся полотна стянуты веревками. А ведь это памятники XVII—XVIII веков! В нашем музее всего две такие картины. Как мы их бережем! Здесь же их рвут, подвешивая на веревках или прикалывая к экранам ржавыми кнопками. Хорошо, что всего этого не видят наши реставраторы.

После осмотра музея мы с доктором Тшебским направляемся в Водный дворец. Никакими силами не удастся отвязаться от кандидатов в гиды. Один из них, особенно настойчивый, занимает в конце концов этот пост. Разглядываю его с любопытством. Он не сунданец, а настоящий яванец и ведет себя типично по-явански: преувеличенно вежливо, почти угодливо, подобострастно. По его словам, дворец некогда действительно был водным: из одного павильона в другой переплывали на лодках или переходили по подводным коридорам. При дворце существовала система сообщающихся между собой плавательных бассейнов. Первым из них пользовался только султан. Из него же брали воду для питья. Оттуда вода переливалась во второй бассейн, в котором купались жены владыки, а затем в третий, предназначенный для девушек из дворцовой прислуги. По углам второго бассейна врыты столбы — к ним привязывали лодки, на которых катались жены султана. На той стороне бассейна для жен, которая примыкает к бассейну для дворцовых девушек, возвышается каменная беседка, откуда владыка мог любоваться купающимися женами. Объективности ради заявляю: со стороны третьего бассейна беседка не имеет окна, следовательно, подглядывать за девушками султан не мог.

Преисполненный любопытства, брожу по системе коридоров, проложенных под этими искусственными озерами. Далее спешим в спальню султана. Пройдя караульное помещение (камар джага), мы оказываемся перед небольшим темным домиком. Входная дверь ведет в прихожую, украшенную изумительной резьбой по камню, символический смысл которой нам не вполне ясен. За прихожей следует спальня — небольшое помещение с двумя каменными ложами: одно — для султана, другое — для дежурной наложницы. По обеим сторонам от спального домика султана выстроены спальные павильо-

ны для девушек. Они почивали на каменных скамьях, внутри которых помещались печи, служившие для обогрева ложа в холодные дни. Рядом с каменными «кроватьями» стояли каменные столики, на которые ставились лампы. В спальне султана печи нет. Вот какие это были добрые владыки и как они заботились о представительницах прекрасного пола!

Когда-то все пространство вокруг дворцовых зданий было залито водой. Сейчас здесь разросся кустарник, появились отвратительные грязные лачуги.

Гид ведет нас в мастерские, где делают самые прекрасные во всей Индонезии батики. Как оказалось, здесь выпускают сувенирную продукцию, в орнаменте которой преобладают фигурки ваянга. Рядом с мастерской батиков находится мастерская, где изготавливают куклы для театра теней (ваянг кулит). Выйдя наружу, мы наткнулись на корзины с петухами. Ну конечно, это же страна петушинных боев!

Пора возвращаться. Прощаясь с гидом, даем ему 25 рупий, которыми он делится с парнем, охранявшим наш автомобиль. Такое скромное вознаграждение его не смутило. Видимо, он получит комиссионные от торговли батиками за то, что привел клиентов.

Обедаем в суматранском ресторане. В таких ресторанах обычно подается масса холодных закусок, стоимость которых не включена в стоимость блюд. Об этом следует помнить — достаточно прикоснуться к какой-нибудь из закусок, как за нее приходится платить. Надо учесть: ведь я собираюсь на Суматру!

После непродолжительного отдыха и ванны в гостинице у доктора Тшебского едем за Магдой — все вместе будем осматривать храмы. Первый из них — Каласан. Вход в это изящное сооружение охраняют каменные драконы, но их присутствие не помешало летучим мышам заполнить все помещение. Драконы невелики по размерам, однако по возрасту это глубокие старики: им более тысячи лет.

Простившись с симпатичными драконами, спешим в Прамбанан. Больше всего в этом храме меня поразила рельефная резьба по камню. Центральный храм посвящен Шиве, который, как и все индусские храмы, отнюдь не отличался скромностью своих изображений. Фотографирую все подряд: храм, Шиву, Магду верхом на свя-

щенной каменной короле в храме Нанди. Что же касается моего патрона, бога-покровителя ученых Ганеши, его я снимаю со вспышкой. Пусть все видят, как он хорош со своим слоновьим хоботом и символами мудрости — четками и сосудом с водой. Далее мы идем в соседний, меньший по размерам храм Брахмы. Тшебский фотографирует меня около статуи Брахмы — бога с четырьмя ликами. Пятый лик бога Брахмы на фотографии должен быть моим. Этим ликом бог хочет увидеть все, даже то, чего не в силах узреть первые четыре его лика.

Четыре раза в году в этом храме разыгрываются сцены из «Рамаяны». Эти представления собирают множество зрителей, среди которых — тысячи богатых туристов.

Тшебский рассказывает легенду о царевне — покровительнице храма. Отец царевны погиб в схватке с предводителем демонов, бросившим его в озеро. Победитель попросил у царевны руки. Она, естественно, не хотела выходить замуж за убийцу отца, но отказать не решилась, а поставила невыполнимое, как ей казалось, условие: пусть претендент на ее руку в течение одной ночи выроет шесть больших колодцев и пусть украсит их тысячью статуй. Демоны с помощью волшебства выполнили эту работу, оставалось установить последнюю статую. Тогда Лара (так звали царевну), сложив большую кучу хвороста, подожгла ее. Петухи подумали, что взошло солнце, запели, возвестив наступивший день. Таким образом демоны не успели закончить работу, и царевна избавилась от нежеланного жениха. Но тот отомстил, превратив девушку в последнюю, тысячную статую.

Такова легенда о происхождении стоящих здесь шести храмовых строений. Что же касается числа статуй — не знаю, не считал.

Последний визит сегодня — в расположенный поблизости буддийский храм с сотней маленьких святилищ-ступ.

На следующий день с утра едем в Боробудур. Тшебский торопит — мы должны добраться до места как можно раньше: в полдень, когда солнечные лучи падают отвесно, невозможно фотографировать. Подъезжаем. Вначале меня ждало разочарование — я предполагал,

Что подход к храму будет выглядеть более величественно, однако все сооружение становится видно только тогда, когда подъезжаешь к нему совсем близко. Оно имеет вид грузной, приземистой пирамиды. На протяжении нескольких столетий храм был занесен песками и обрел вторую жизнь лишь в XIX веке.

Покупаем билеты и получаем квитанцию на право фотографировать. Медленно поднимаемся по ступеням пирамиды. Семь террас на нашем пути символизируют семь буддийских небес. Первое небо, по-видимому, не было достроено до конца. На следующих — изобилие рельефных украшений. Чтобы в них разобраться, сюда нужно прийти не один раз. Барельефы на стенах террас расположены двумя рядами: в верхнем — сцены из жизни Будды, в нижнем — всевозможные символические изображения. Каменная балюстрада тоже сплошь украшена барельефами.

На пятом небе кончаются галереи и начинается открытое пространство с бесчисленными ступами. Назначение первой справа — особое: в ней находится статуя Будды. Если задумать желание и коснуться носа Будды, оно непременно сбудется. Во время предыдущего пребывания в Индонезии Тшебский выразил желание вновь сюда вернуться — и вернулся! К сожалению, сегодня все его попытки коснуться носа Будды не увенчались успехом: Тшебский не смог втиснуться в ступу. Впрочем, стоящий рядом с нами старичок утверждает, что коснуться надо не носа, а руки Будды, сложенной в мандру. Во все щели ступы воткнуты бесчисленные палочки для воскурений, а на платке, разостланном перед нею, лежат деньги. Думаю, что старичку-сторожу нелегко живется под покровительством Будды.

Устроившись на основании самой высокой ступы, любуемся долиной, со всех сторон окаймленной горами. Храм стоит на возвышении. Говорят, раньше это был остров, куда паломники добирались на лодках. Сейчас никаких следов этого не осталось. Видимо, в результате землетрясения вся вода ушла.

Боробудур в настоящее время частично реставрируется. Одна его сторона — в строительных лесах из бамбука. Но, говорят, за последние годы ничего не изменилось. Глядя на фотографии, сделанные несколько лет назад, я убедился, что леса как стояли, так и стоят.

Один раз в году, чаще всего в мае, здесь отмечается большой буддийский праздник, на который съезжаются верующие со всего мира. Главный алтарь расположен под могучим деревом, стоящим у подножия храма и выросшим якобы из ветви священного дерева, под которым родился Будда.

Должен признаться, я немного отвлекся во время осмотра храма. Виной этому — красивая девушка в батиковой юбке, точнее, в каине. Каин — это прямоугольный кусок ткани, который несколько раз обертывают вокруг бедер. На мой взгляд, девушка неправильно носила каин: когда она садилась, у нее обнажались колени. Я решил, что это европейка, не умеющая носить национальную одежду. Впоследствии выяснилось, что я был прав лишь отчасти. Девушка действительно была европейкой, но каин носила правильно, в соответствии с модой, принятой в то время (разумеется не среди индонезиек).

Обратно Тшебский повел нас другим путем. Угадываю его злой умысел — лишить меня возможности еще раз полюбоваться девушкой. Но это ему не удалось — на одном из нижних небес мы все-таки ее встретили, а когда сели в автомобиль, наша прелестная незнакомка подошла к нам в сопровождении бородатого мужчины в шортах. Она спросила, как проехать к храму Мендут. Очевидно, ей хотелось, чтобы мы их подвезли. Девушка оказалась студенткой литературного факультета Сорбонны, ее муж, как и я, был этнографом.

По пути останавливаемся у небольшого храма Павон, на стенах которого везде одинаковый мотив древа жизни. Мы не стали входить в храм, и, когда откуда-то вынырнула женщина с ключами и предложила открыть калитку (ей тоже пригодились бы несколько рупий), мы отказались.

Дальше наш путь лежит к храму Мендут. Тшебский на всякий случай сохранил билеты из Боробудура: раньше они были действительны и здесь. Но времена меняются, и сейчас приходится платить заново.

Построенный на сто лет позднее Боробудура (около 857 года) и восстановленный в 1902 году, храм Мендут существенно отличается от ранее виденных нами храмов. Здесь установлены три статуи Будды, из которых самая великолепная (в центре) изваяна скульптором

индийской школы. Будда изображен одетым в прозрачную тунику, собранную в складки, с орнаментом по подолу, в необычной для него позе, по-европейски сидящим на троне. Перед статуей, огороженной деревянным барьером, разбросаны свежие лепестки цветов, горят ароматические палочки.

На пути в Джокью на одном из перекрестков высаживаем наших попутчиков и заезжаем в деревушку, где живут резчики по камню. Перед каждым домом — надгробия, статуи, фигуры Будды и изображения индуистских богов. Может быть, эти мастера — потомки тех каменотесов, которые высекали статуи для многочисленных храмов? Ведь в те годы скульпторы, создававшие каменные изваяния для этих храмов, были перегружены работой, и правителям ничего не оставалось, как селить их целыми деревнями, поближе к возводимым сооружениям. Один из каменотесов сказал мне, что он и его сородичи действительно унаследовали свое искусство от отцов и дедов.

Много гуляю по Джокьякарте. Какие приветливые и улыбчивые здесь люди! Взять хотя бы вот этого мальчонку. Заметив, что у меня по плечу ползет жук, подбежал ко мне и с трогательной заботой сообщил об этом, обратившись не официально — «туан» («господин»), а как к своему — «ом» («дяденька»).

Нам всем очень хотелось увидеть погребения яванских султанов. Дорога на кладбище, по словам Тшебского, жуткая, через реку придется идти по деревянному мосточку, а дальше добираться на телеге. И все-таки мы рискнули отправиться туда, надеясь, что через реку уже построили новый мост. Дорога оказалась хуже, чем мы предполагали, хотя мост построили, да еще какой красивый!

Вокруг рисовые поля. На различных участках рис посеян в разное время, и мы могли наблюдать все этапы его произрастания. Один участок залит водой, на нем по колено в воде стоит крестьянин и чинит запруду, на другом — женщины сеют рис, на третьем рис растет, желтеет, а немного дальше уже собран урожай — вдоль дороги на полотнищах сушится зерно. За рисом — поля, разбитые на ровные длинные грядки. Здесь растут какие-то корнеплоды, которые индонезийцы охотно употребляют в пищу. Время от времени среди рисо-

зых полей встречаются обнесенные высокими стенами мусульманские кладбища. Неудачное место для захоронений: уж очень здесь сыро.

В деревнях спрашиваем дорогу, но понимают нас не всегда. Старики говорят только по-явански. Кладбище, на котором захоронены яванские султаны, находится на противоположном берегу реки, на холме. Поставив машину, идем осматривать могилы; вход оказался закрытым. Кладбище открыто для посетителей лишь дважды в неделю. В эти дни можно взять напрокат яванский костюм, так как туда не пускают в европейской одежде, а только в полном яванском облачении и в икате (мужской головной повязке). Тогда мы решили, не теряя времени, подняться на холм и осмотреть окрестности.

Лестница насчитывает 360 ступеней. По дороге то и дело натываемся на небольшие кладбища, где похоронены простые граждане, жители кампунгов (деревень), пожелавшие покоемся рядом с останками своих правителей. Ворота, ведущие на главное кладбище, на самом верху. Как мы выяснили, здесь находятся могилы султанов Джокьякарты и Соло. Обе династии родственны между собой и делят кладбище пополам. Отсюда открывается великолепный вид на соседние красноватые холмы и на сверкающий за рисовыми полями Лаутан Хиндиа — Индийский океан.

Нас приглашают осмотреть здешние мастерские по производству батиков (местные батйки очень хвалят), но мы отказываемся, не надеясь увидеть что-либо новое. Очень уставшие спускаемся с холма и прощаемся с проводниками — к концу прогулки к нашему проводнику присоединился еще один, и теперь оба требуют платы. Садимся в машину и трогаемся в обратный путь. Навстречу нам попадаются женщины с неприкрытой грудью и мужчины в национальной одежде на дамских велосипедах: в юбках, какие они обычно носят, ехать на велосипеде с рамой было бы невозможно. Дамские велосипеды преобладают не только в деревнях, но и в городах.

На следующее утро еду в Академию изящных искусств. Знакомлюсь со студентами, которые интересуются, откуда я приехал. Узнав, что из Польши, начинают расспрашивать о польском искусстве. На мое сча-

стве, их волнует прежде всего живопись (если бы речь зашла о скульптуре, я вряд ли смог бы удовлетворить их любопытство). Отвечаю на множество самых разнообразных вопросов, рассказываю о направлениях в польском искусстве, об академиях изящных искусств. Удивляются: подумать только — несколько академий, а у них только одна. Выставка живописных работ студентов отнюдь не привела меня в восторг. Плакаты, плакаты, призывающие к разного рода деятельности, направленной на экономическое и техническое развитие страны в рамках пятилетнего плана. Как при помощи плакатов развивать народное хозяйство, мне лично не вполне ясно.

После выставки нас ведут в мастерскую, где трудятся резчики по камню, создавая главным образом статуи национальных героев. Сейчас полным ходом идет работа над памятником какому-то генералу. Знакомлюсь с одним из преподавателей ваяния, о котором мне с гордостью сообщают, что он является автором памятника в честь воссоединения Ириана и монумента, установленного перед зданием гостиницы «Индонесиа». На мой вкус это далеко не шедевры. Для меня наибольший интерес представляют мастерские резьбы по дереву и металлопластики. Здесь завязывается бурная дискуссия о космополитизме и национальном искусстве. Мне показалось, что слушатели согласились с моим замечанием о связи их творчества с национальной традицией.

С Магдой мы встретились у кратона, дворца джокьякартских султанов. Передвижением туристов здесь руководит какой-то мужчина-полиглот, национальность которого трудно определить. Билетов, как и везде, не продают. Просто вы платите 100 рупий, служащий вписывает в книгу число людей с указанием страны, из которой те прибыли, а руководитель назначает гида из числа дворцовых стражников, которые носят саронги, на голове — платки и вооружены крисами; караульные у ворот держат в руках копья. Самостоятельно, без гида здесь ходить не разрешается. Он не только дает пояснения, но и следит за тем, чтобы посетители не ходили, куда не следует. Поскольку Магда сказала что-то поиндонезийски, распорядитель приставил к нам гида, не владеющего английским языком. Это был яванец, веж-

ливый и приветливый, как и все его сородичи. Именно этими качествами они отличаются от жителей Джакарты. Да еще гостеприимством и, я бы даже сказал, некоторой приниженностью. Я думаю, это в какой-то степени наследие феодальной эпохи. Интересно, что в языке яванцев значительно больше возможностей для передачи иерархических различий, чем в языке сунданцев. Кроме того, яванцы более строги в соблюдении традиций, особенно религиозных.

Должен признаться, от кратона я ожидал большего. В стоящий на резных столбах коронационный павильон, который нам снаружи очень понравился, нас не пропустили. Наш гид, проходя мимо него, склонился в низком поклоне. В зале гамелана, оркестра традиционных ударных музыкальных инструментов, шла репетиция яванского мужского хора. Что еще мы увидели во дворце? Паланкины, клетки с петухами, несколько витрин с изделиями из стекла, несколько старинных портретов султанов, фотографии членов султанских семей...

По внутренним помещениям кратона бродит множество каких-то полуобнаженных людей, внешний вид которых никак не соответствует нашим представлениям о благопристойности, особенно если учесть, что дело происходит в резиденции монарха, ибо султан, как сообщил нам гид, является истинным монархом, потомственным губернатором провинции, пользующейся финансовой автономией. Султан осуществляет свою власть через заместителя губернатора, должность которого также передается по наследству.

Перед входом во дворец находится павильон судебного трибунала, а в стороне — небольшая мечеть без каких бы то ни было украшений внутри. Впечатление запущенности усиливает старый барабан, лежащий у двери. На нем некогда отбивали полдень. Истлевший и прогнивший, с продырявленной кожей, он служит теперь складом для молитвенных циновок. По словам гида, эта мечеть предназначена для дворцовых слуг. Султан молится в самом кратоне, в особом зале, куда посетителям входить не разрешается.

Наш поезд на Джакарту отправляется после полудня. Нам взяли билеты второго класса (экономия!). Однако Магда и Тшебский хотят их обменять. Оба боятся тесноты и неудобств.

— Будем ехать с курами на головах,— сказала Магда.

Подчинившись большинству, меняю билеты. Вагон первого класса весьма комфортабельный, оборудован кондиционерами и обставлен раскладными диванами. Можно ехать, сидя в креслах (купе становится четырехместным) или лежа на диванчиках (тогда купе делается двухместным). По европейским меркам удобно, но тесновато. Проводница, в зеленом костюме и темно-синей пилотке, разносит чай. Позднее она подает кофе с молоком и булочки с джемом и с яйцами на стеклянных тарелочках. А кроме того, маленький пакетик с орешками. Надпись на пакетике: «селапат датанг» («добро пожаловать») и «терима касих» («благодарим»). Завидная вежливость!

Я, конечно, заглядываю в другие вагоны, в том числе во второй класс. Здесь действительно тесновато, не так светло и чисто. Но если мне случится ехать одному, обязательно поеду вторым классом и с удовольствием вместо булочек погрызу печенье.

НЕПРИВЕТЛИВАЯ СУМАТРА

Моя поездка на Суматру, которую я ждал с таким нетерпением, откладывалась несколько раз. Сначала я получил приглашение посетить Медан, где специалисты из Польши построили сахарный завод. Предполагалось даже лететь на его открытие самолетом, который должен был доставить в Медан сотрудников посольства ПНР, высоких индонезийских чиновников, журналистов, ну и меня. Однако по каким-то неизвестным мне причинам поездка не состоялась.

После того как возможность поехать в Медан отпала, осталась Южная Суматра (Суматера Селатан), куда меня пригласил тамошний губернатор.

Итак, готовлюсь посетить Южную Суматру, собираю в Индонезийском университете, ведущем джакартском высшем учебном заведении, материалы, весьма, к сожалению, немногочисленные, о племени кубу, обитающем на территории южносуматранских провинций.

И вот я на борту самолета. Билет, который стоит очень дорого, достался мне бесплатно. Если бы не это

обстоятельство, моя поездка сорвалась бы. Бортпроводница в хлопотах: продает сигареты и газеты, разносит коробочки с завтраками, кофе и джеруки (мелкие индонезийские апельсины). В иллюминатор хорошо видны маленькие островки, при этом просматривается не только надводная, но и подводная их часть. Иногда можно увидеть дом, одиноко стоящий на острове в окружении пальмовых деревьев. Над Суматрой картина меняется. Джунгли сверху выглядят малопривлекательно. Мутные реки — вижу устье одной из них (впадая в море, она оставляет в морской воде длинный грязный след); их русла напоминают обомшелые деревянные корыта. Поляны среди джунглей похожи на коричневые ржавые лишай. Не очень-то туда тянет.

Оказалось, что в аэропорту Палембанга меня никто не встречает. Но когда я справился, нет ли кого-нибудь из дипломатического корпуса, вопрос возымел действие: кто-то побежал звонить по телефону, кто-то завел со мной беседу, предложил кофе. Вскоре приехал директор здешнего департамента науки и культуры. Извинился, сказав, что ожидал меня позднее. Мы сели в его джип (другими машинами здесь почти не пользуются) и отправились в резиденцию местных властей, где договорились о встрече с губернатором на послезавтра (завтра в связи с каким-то военным праздником никто не будет заниматься делами).

Я рассказал о своих планах сотрудникам департамента науки и культуры, местному этнографу и директору музея. Говорил по-английски, вставляя индонезийские и немецкие слова. Директор департамента Мукминин со времен голландского господства свободно владеет немецким языком.

После встречи меня отвезли в правительственную гостиницу, где у входа стоит часовой, а несколько поодаль — танкетка, правда, без экипажа. Гостиница — часть какого-то большого комплекса, принадлежащего военным. Среди постояльцев многие носят военную форму.

Спать ложусь в роскошных апартаментах. В моем распоряжении небольшая гостиная, спальня с двумя кроватями, ванная комната. Отель с полным пансионом, причем к услугам гостей как индонезийская, так и европейская кухня. Я выбираю индонезийскую.

Оказывается, мне предстоит не просто нанести визит губернатору, а принять участие в совещании местных властей. Вхожу в зал, знакоюсь с одним, потом с другим высшими сановниками. При появлении губернатора все встают. Произнеся несколько слов приветствия, губернатор предлагает в качестве рабочего языка английский. Мне предстоит рассказать о цели приезда, о планах дальнейшей работы. Чтобы подчеркнуть ее значимость, отмечаю, что ЛИПИ (учреждение в Индонезии типа Академии наук) заинтересована в результатах моего труда. В заключение еще раз говорю о важности сохранения традиционной культуры и вручаю губернатору куклу в польском национальном костюме. В итоге губернатор направляет меня к мэру, с которым я провожу очередную беседу, на завтра — еще одну. Все идет в истинно индонезийском темпе — пьем чай, беседуем, обсуждаем всевозможные варианты. Бог знает, до каких пор все это тянулось бы. Думаю, долго. Помог случай: придя в полное отчаяние, я уронил на пол фотографии из Богоников², прямо к ногам председательствовавшего на нашем заседании главного архитектора провинции, а он — один из ведущих мусульманских деятелей. Узнав, что в Польше есть мусульмане, архитектор очень удивился и охотно включился в разговор. Я пообещал ему прислать брошюру о польских мусульманах, после чего все сложные вопросы благополучно разрешились.

Дальнейший мой план таков: утром еду поездом до Лубуклингау, а оттуда автобусом в Тугомулио. Хочу осмотреть несколько деревень, жители которых относятся к племени кубу. А сегодня нужно побывать в мусульманском университете в Палембанге, поискать кое-какие материалы об интересующем меня районе. Казалось бы, чего проще. Но нет. Мне, обыкновенному смертному, нельзя запросто забежать в университетскую библиотеку и спросить нужную книгу. Вместе со мной на двух автомобилях едут директор департамента науки и культуры, директор департамента социального обеспечения, чиновник, которому предстоит сопровождать меня в

² Богоники — местечко в Северо-Восточной Польше, населенное преимущественно польскими татарами, исповедующими ислам.—
Примеч. ред.

Лубуклингау, еще один чиновник неизвестно какого ведомства и польский миссионер в роли советника и помощника в трудных языковых ситуациях. Одну машину ведет шофер (хоть одно неофициальное лицо!), за рулем второй — сам директор департамента науки и культуры. Всей компанией входим в кабинет ректора университета, с которым подробно беседуем о моей работе. Пьем чай, фотограф делает памятные снимки, после чего я и члены сопровождающего меня эскорта вписываем свои фамилии в книгу почетных посетителей.

Ректор предлагает мне осмотреть университет. В комнате декана знаколюсь с преподавательским составом — несколькими мужчинами в бархатных шапочках и женщиной в индонезийской одежде — то ли секретарем деканата, то ли преподавательницей. Когда мы входим в аудиторию, профессор прерывает лекцию, студенты встают и вежливо приветствуют нас. Факультеты — богословский, коранического права и светских наук — размещаются в нескольких одноэтажных строениях барачного типа. Рядом актовый зал, нечто вроде деревянного сарая, у стены которого свалена груда деревянных скамеек. Немного поодаль стоят небольшие аккуратные домики доцентов (так называются все преподаватели университета).

После осмотра аудиторий заходим в «асрама ванита» (женское студенческое общежитие). Нас принимают в вестибюле, который является одновременно и салоном для гостей. Девушки-учащиеся с любопытством разглядывают нас через приоткрытую дверь. С нами беседует пожилая дама — начальница-магистр (ибу асрама). Две студентки приносят чай и сразу уходят. После чая мы прощаемся со всеми «ибу», которые скромно сидели в сторонке у стены, не вмешиваясь в разговор. Признаюсь, посещение женского учебного корпуса не произвело на меня особого впечатления, хотя сам факт существования студенток в этих местах свидетельствует о несомненном прогрессе. Ведь даже в Европе совсем недавно девушкам весьма трудно было поступить в высшее учебное заведение.

И вновь я на улицах города, хожу не спеша, заглядываю во все закоулки и переулки. Ребятишки просят сфотографировать: «Мистер, фото!» Делаю вид, что снимаю то одну, то другую группку. Кто-то кричит вслед:

«Оранг беланда» («голландец»). В этом возгласе нет никакой враждебности — просто информация. Мое появление в маленьком книжном магазинчике, куда я зашел в поисках карманного словаря, вызывает сенсацию. Три девочки-подростка допытываются: откуда я, давно ли в Индонезии, когда приехал в Палембанг, чем занимаюсь, сколько у меня жен. Последний вопрос задан в шутку: здесь все знают, что в Европе можно иметь только одну жену, но я тем не менее любезно говорю, что у меня всего одна жена. В ответ мне весело и даже чуть хвастливо сообщают, что здесь можно иметь четырех жен. Девушки дружно кокетничают со мной. Полагаю, что и в качестве жен они вели бы себя вполне лояльно по отношению друг к другу. Словаря я не купил, но с продавщицами подружился. Всякий раз, когда я во время следующего моего приезда в Палембанг проходил мимо книжного магазина, все трое радостно приветствовали меня.

О моем приезде в Лубуклингау губернатор уведомил телеграммой руководителя администрации (бупати) района Муси Равас. Поэтому я и сопровождавшие меня чиновники очень удивились, не увидев на станции машины. Переночевав в одной из захудалых гостиниц, наутро пытаемся разыскать бупати. Но сегодня воскресенье, и в канцелярии никого нет. С трудом находим каких-то чиновников, которые ничем помочь не могут: бупати спит, поскольку вчера он принимал гостей по случаю замужества сестры. Надо ждать до завтра, однако я настаиваю, убеждаю, объясняю, что мне необходимо сегодня же встретиться с бупати. После долгих препирательств мои спутники, два местных чиновника и я оказываемся во дворе его дома. Стоим, ждем, пока бупати соизволит проснуться. Наконец он выходит, удивленный моей настойчивостью и тем, что я не понимаю простых вещей: сегодня воскресенье и учреждения не работают.

— Но позвольте,— говорю,— я приехал сегодня, а не вчера только потому, что губернатор не мог послать телеграмму, так как была пятница, праздничный день. Какой все-таки день здесь считается выходным? А у меня времени в обрез, я не могу терять его попусту.

У бупати дома нет служебной печати. Пустяки, пусть напишет своим подчиненным письмо. Думаю, они по-

считаются с ним не меньше, чем с официальной бумагой. Уломал. Получаю написанную на официальном бланке записку к чамату (руководителю уездной администрации). Завтра бупати обещает послать ему же официальное письмо. Из двух моих просьб (письмо и машина) удовлетворена только одна. Автомобиля не дали. Поехали автобусом, притом мои спутники — за мой счет.

С чаматом удалось договориться довольно быстро. Однако он сможет рекомендовать старостам кубу принять меня как гостя только после того, как получит официальное письмо. В его округе есть небольшой городок Муарарупит и деревня Синкут. К сожалению, больше всего интересующая меня деревня Травос находится в соседнем уезде, на который власть «моего» чамата не распространяется. Пока не придет бумага, чамат решил поселить меня у местного миссионера-католика, а поэтому мы отправились к нему и в ожидании расположились на веранде, которая, как о том свидетельствовали стоящие в углу школьные парты, является классным помещением, где обучают закону божьему. Находящийся тут же небольшой гамелан говорит о том, что хозяину не чужд интерес к этнографии.

Ждать пришлось недолго. Буквально через минуту на веранду вышел и приветливо поздоровался мужчина, на вид весьма энергичный. Чамат объяснил ситуацию и попросил оказать помощь и гостеприимство. Миссионер распорядился снять с повозки мои вещи и, когда я стал извиняться за вторжение, прервал меня, сказав, что рад моему приезду, и добавил, что если я хочу заняться вопросом миграции, то здесь для этого представляется прекрасная возможность: вокруг живут яванцы, переселившиеся сюда несколько десятилетий назад. Если же меня больше интересуют кубу, миссия сможет стать моей базой. Нечего и говорить, с какой радостью я согласился воспользоваться приглашением. Без особых сожалений я распрощался с моими очень симпатичными, но совершенно беспомощными «адъютантами» и остался в миссии.

После полудня священник собирался поехать в один из ближайших кампунгов служить мессу, и когда я попросил разрешения сопровождать его, он согласился. Он поехал первым, а я и еще один желающий присут-

ствовать на богослужении отправились немного погодя на велосипедах. Приехали в кампунг. Поставив велосипеды у стены какого-то дома, вошли. Скромный алтарь, несколько скамеечек, у одной стены — топчан — вот и все убранство. Сквозь щели в крыше видно небо. Двери в остальные помещения занавешены. На стенах — портреты папы и президента Сухарто, картина, изображающая сердце Иисусово, изображения кукол ваянга, два карандашных портрета неизвестных мне лиц, цветная открытка с котом и попугаем. Светло. На алтаре вместо свечей — обычная керосиновая лампа. Перед алтарем — маленький столик, накрытый батиковой салфеткой, на нем — пластмассовая коробочка с неосвященными облатками и кружка.

Началось богослужение, в котором я мало что понял, так как оно велось на яванском языке. В церквушке кроме меня было двадцать шесть взрослых и подростков. Детей пересчитать не удалось, поскольку они ни минуты не стояли на месте.

На следующий день бродил по кампунгу. Священник пригласил меня после ужина на прогулку. Отправились компанией: впереди две монахини с большими фонарями, сзади я и священник, а за нами несколько хихикающих девушек, которые привели нас к большому крестьянскому дому. Вошли, сняв у порога обувь. Девушки сразу отправились на кухню, а мы по-турецки уселись на пол, устланный циновками. Вдоль стен уже расположилось больше десятка мужчин. Некоторые из них были в брюках, большинство же — в саронгах. У многих на головах черные шапочки, у двоих — типично яванские батиковые повязки — икаты. На стенах — фотографии, какие-то вырезки из газет и журналов, крест и изображение сердца Иисусова. Ясно, что здесь живут христиане. Собрались одни мужчины. Две монахини, которых пригласили только потому, что сочли их существами, лишенными пола, и маленькая дочка хозяйна, спящая у него на коленях, не в счет. Самый старший — седой мужчина в икате с удивительно подвижным лицом, самый молодой — восьмилетний мальчуган, степенно восседающий в компании взрослых. Все ведут себя свободно — шутят, смеются. Когда разговор заходит о языковых трудностях, которые меня здесь ожидают, я смеюсь: сложностями произношения поляков не

устрашить. Тот, кто может выговорить: «Piotr pierzacy wierza pierzetz»³, может все.

Между тем из кухни принесли стаканы с чаем и тарелки с какими-то сладями. Женщин, готовивших угощение, не видно. Они подают блюда сидящим ближе к двери, а те передают по кругу. Перед едой собравшиеся произнесли короткую молитву. Миссионер предупредил меня, что не все присутствующие — христиане. После молитвы одни осеняют себя крестом, другие лишь слегка склоняют головы. Кстати сказать, католический миссионер состоит в самых прекрасных отношениях со своим соседом, имамом.

После чая и сладкого принесли полные тарелки риса с мясом и овощами, а в конце ужина — еще два больших блюда с рисом, но все уже наелись. Снова короткая благодарственная молитва, после которой тарелки тем же путем, каким были доставлены сюда, исчезли. Поболтав немного, мы отправились домой. Оставшиеся, очевидно, еще долго будут толковать о своих делах, шутить, курить.

На следующий день меня пригласили в один из соседних кампунгов на крестины. Поехали поздно вечером. Мое появление вызывало естественное любопытство. Нас усадили в маленькие плетеные кресла. Другие гости расположились на скамейках, на полу, на циновках. Мне предложили сигареты — отказался: не курю. Но, может быть, все-таки попробую — собственное изделие! Ничего не поделаешь — нельзя обижать хозяев. Впервые после войны делаю самокрутку. Отламываю кусочек прессованного табака, кладу его на бумагу, подсыпаю несколько зернышек (по-моему, это гвоздика), добавляю немного смолы. Бумажку скручиваю — и папирота готова.

Пока местный учитель записывает данные о ребенке, священник готовится к обряду. Я пересаживаюсь на скамейку, а кресла занимают родители. Мать держит на руках удивительно крошечный сверток. Трудно поверить, что в нем не кукла, а живой человечек. Католики громко читают молитвы, мусульмане почтительно склоняют головы...

³ Польская скороговорка, означающая в переводе: «Петр, перчащий борова перцем» и звучащая приблизительно так: «Петр пепшонцы вепша пепшем».

После совершения обряда женщины вносят огромные плетеные подносы и тазы с рисом, обложенным листьями. Особо почетным гостям — священнику, учителю, крестному отцу и мне — рис подают на тарелках. Вместо ложек — большие листья какого-то растения. После риса — кофе с чем-то вроде мамалыги, напоминающим по вкусу жевательную резинку. Короткая молитва после еды — и гости расходятся. Каждый уносит с собой порцию риса, завернутого в листья.

Моя работа была в самом разгаре. Я намеревался пробыть в селении еще два-три дня, познакомился с интересными для меня людьми, приготовился сделать серию фотографий различных местных обрядов, хотел снять фильм о работе на рисовых полях, как вдруг пришлось все прервать. Местный бупати счел мое дальнейшее пребывание на территории подведомственного ему района нежелательным. Он запретил что-либо снимать. Но почему? В интересах военной безопасности. Так он сказал. Нельзя фотографировать даже ваянг!

Размышляя о причинах подобного, как мне показалось, нелепого решения бупати, я пришел к выводу, что в этом отрезанном от всего мира уголке (отсюда до Палембанга, где находилась резиденция губернатора, ежедневно ходил один лишь поезд, покрывающий это расстояние за десять с лишним часов) чиновники воровали без зазрения совести. Естественно, что они боялись, как бы я, наткнувшись на злоупотребления, не развонил об этом на всю Индонезию, тем более что в стране как раз велась кампания по борьбе с коррупцией. Любопытно, что жители спрашивали меня, сколько я заплатил за то, чтобы мне не мешали работать.

Короче говоря, мне приказали покинуть территорию района в течение двадцати четырех часов. Но поскольку я сумел убедить власти в том, что это невозможно: я попросту не успел бы съездить в Тугомулио и вернуться в Лубуклингау, к поезду, о котором я только что говорил, — срок моего пребывания продлили до сорока восьми часов.

Дальнейшее сопротивление было бессмысленным, не помогли даже хлопоты миссионера, человека, прекрасно ориентировавшегося в обстановке и имевшего большие связи. Моя попытка протестовать кончилась лишь тем, что пригрозили вызвать полицию.

Итак, меня выдворяют из соображений военной безопасности! И вообще мое пребывание в Лубуклингау носит незаконный характер, потому что мой паспорт дает мне право находиться только в Джакарте, а насчет Лубуклингау там ничего не сказано. Если же мне так уж хочется остаться в Лубуклингау, я должен съездить к губернатору и получить от него сурат (официальное письмо, документ). Фотографировать без сурата тоже нельзя. Почему? Из соображений государственной безопасности. Но ведь на территории Тугомулио нет никаких военных объектов, а изучение национальной культуры не представляет угрозы для страны. К тому же относительно меня была телеграмма от губернатора, и я приехал сюда в сопровождении губернаторских чиновников. Все это так, но сурат необходим. На мои увещевания я слышал одно: «тутуп» («вопрос исчерпан»). В самый разгар полемики мои оппоненты внезапно перешли на немецкий язык и заявили, что они голодны и больше не могут вести беседу. Тогда я потребовал письменного распоряжения о моем выдворении. Сначала никто не желал об этом слышать, потом выдали мне копию письма к губернатору, в котором говорилось, что, поскольку до сих пор не получено письменного подтверждения того, что я могу находиться на территории района, бупати просит выслать соответствующий сурат. О выдворении ни слова. Еще бы: ведь подобный документ мог бы стать поводом для дипломатического конфликта и вмешательства посольства ПНР.

Миссионер, прочитав эту бумагу, развел руками и сказал, что он бессилен что-либо сделать. Хотя в ней ни слова не говорилось о необходимости моего немедленного выезда, отказ подчиниться может навлечь на меня крупные неприятности. Уж он-то знает, что к чему — повидал здесь немало.

На следующий день я уже был в Палембанге. Поскольку губернатора на месте не оказалось, меня принял его секретарь и попросил подробно написать обо всем случившемся. Если верить секретарю, бупати был должным образом уведомлен о приезде официального гостя провинции, то есть меня, — текст радиотелеграммы, который разыскали ради такого случая, не оставляет в этом ни малейших сомнений. Позднее, когда я уезжал, секретарь, прощаясь со мной, извинился.

В Палембанге я прежде всего подробно разузнал, где еще кроме закрытого для меня района Муси Равас живут кубу. Оказалось, что представителей этого племени можно увидеть в кечаматане⁴ Баюнлинчир района Муси Баньюасин. Мне сказали, что кубу — бродячие племена, не признающие над собой никакой власти, и что они вообще «очень плохие люди». На мою просьбу пустить меня к этим «плохим людям» я получил отказ. Что скажут местные власти польскому посольству, если меня убьют? Поездка опасна, и разрешить ее никак нельзя. Эти разговоры меня только раззадорили. Подумать только: первобытное племя! Попасть в Баюнлинчир мне хотелось еще и потому, что он расположен поблизости от того места, где несколько десятилетий назад побывал голландский ученый-исследователь ван Донген, обнаруживший у кубу черты первобытного атеизма. (Бедные кубу! Служащие голландской администрации, малайцы, их чуть ли не силком выволакивали из джунглей и допрашивали. Могли ли они подумать, что привлекут к себе внимание историков религии и этнологов всего мира и что о них будет написана уйма статей и рефератов?) Мне хотелось бы самому на месте разобраться в этих вопросах. Не все казалось вполне достоверным.

Преодолев бесчисленные препятствия и сделав заявление о том, что слагаю с правительства Индонезии ответственность за мою жизнь, получаю разрешение на поездку к кубу. Во время путешествия меня будут сопровождать те самые чиновники, которые уже ездили со мной в Лубуклингау. Надо надеяться, что результаты на сей раз не окажутся такими же плачевными, какими были в прошлый раз. Один из моих спутников — педагог по образованию, автор исследования о племени кубу. Правда, увидев его труд, я испытал некоторое разочарование, ибо ожидал, что он гораздо больше по объему. Но, как бы то ни было, автор много знает о кубу — правда, только об оседлых, кубу-кампунг.

Из Палембанга автобус по расписанию отправляется в девять утра. Почему-то мы должны явиться на стан-

⁴ Кечаматан — мелкая административная единица, примерно соответствующая уезду. — *Примеч. ред.*

цию в половине восьмого. После долгого ожидания все наконец втискиваются в автобус.

Тесновато. Если верить табличке, в автобусе всего двадцать пять мест, а набилось человек сорок. Внешне машина выглядит вполне прилично, но техническое состояние ее оставляет желать лучшего. Сломан гудок, не действует спидометр. На бешеную скорость, с которой мы сейчас помчимся, намекают тигры, изображенные на обоих бортах. Тигр — эмблема компании, которой принадлежит автобус, названный «чап мачан» («тигровый»).

Итак, уже десять, а мы все еще стоим на месте. Наконец в начале одиннадцатого тронулись. Первую сотню километров проехали довольно спокойно. Правда, один раз на границе уезда нас задержала полиция. Предъявили сурат.

Дороги здесь жуткие, машины быстро выходят из строя. Глубокая наезженная колея в красной глине то и дело упирается в огромные лужи и наполненные водой ямы. Первое дорожное происшествие я снял на кинолентку. Дальше они стали случаться так часто, что интерес к ним пропал. В наиболее рискованные моменты, когда автобус особенно резко кренится набок и, казалось, вот-вот перевернется, я старался занять такую позицию, при которой бы меньше пострадала голова. Триста километров мы ехали двадцать четыре часа! А сколько сломали росших у дороги деревьев! А сколько раз тянули автобус канатом! И это в сухую погоду. Легко себе представить, что бывает во время дождей. Но в дождь, оказывается, автобус вообще не ходит.

В конце концов мы все-таки доехали до административного центра кечаматана. Весь первый день ушел на бюрократические дела и сбор сведений о кубу. Здесь кое-что знали об оседлых кубу и почти ничего о бродячих, но они-то интересовали меня больше других. В канцелярии чамата меня подробно расспросили о цели поездки. Никто не возражал — пожалуйста, поезжайте, но только к оседлым кубу. Я же категорически настаивал, чтобы меня допустили к бродячим. Да не убьют они своими страшными куджурами (копьями)! Ну хорошо, чамат согласен отправить меня к моим кубу, но только непременно под охраной. Этого мне еще не доставало! Этнограф под конвоем! Мыслимо ли вести иссле-

дования в таких условиях! Но как убедить чамата? Верит ли он в Аллаха? Конечно, конечно, чамат мусульманин. Если Аллах уготовил мне скорую смерть, ничто меня не спасет. Выходя из дому, я могу споткнуться и разбить себе голову о камень. Если же бог своей милостью даровал мне долгую жизнь, ни яд, ни куджуры мне не опасны. Разве можно противиться священной воле Аллаха? И что вы думаете? Чамат согласился. Сбитый с толку моими разглагольствованиями, он даже не сообразил спросить, с чего я взял, будто Аллаху угодна моя поездка к кубу.

У меня много сведений об этом народе, но все они отрывочны и бессистемны. Большинство кубу уже перешло к оседлости. Оседлых кубу в этом районе около 1500 человек, бродячих — в десять раз меньше. О бродячих говорят, что они «очень плохие» и ни с кем не желают знаться — ни с окружающим миром, ни со своими оседлыми братьями, на которых часто нападают. О, если так, иметь при себе одного проводника из деревни оседлых кубу недостаточно. Нужен военный эскорт — иначе убьют!

Бродячие кубу кочуют небольшими группами по 15—20 человек. Они подчиняются только кепала суку (вождю, предводителю группы). Кепала ни на какой государственной службе не состоит и нигде не зарегистрирован. Бродячие кубу сохранили древние анимистические верования. Они не изменили своему образу жизни. Известен всего один случай, когда кубу ушел из леса. Это был некий Чучик, который поступил учиться в специальную школу, созданную правительством для бродячих кубу с расчетом на то, что ее выпускники станут чем-то вроде связующего звена между государственной администрацией и племенем. Со временем Чучик вернулся в лес и теперь живет на реке Медак. Я надеялся его встретить, потому что направлялся именно в те места.

Об оседлых кубу имеются более или менее подробные сведения, но кто знает, в какой мере они правдоподобны? Здешние чиновники — народ приезжий, а многочисленные специалисты еще не накопили достаточно опыта.

Наконец сборы закончены, я нанял большую лодку с каютой, и в одно прекрасное утро мы отплыли. Экипаж состоял из двух человек — один работал веслом,

другой стряпал. Лодка сколочена из досок, щели ниже ватерлинии законопачены, борта закреплены десятью парами шпангоутов. Лодка имеет палубу, поэтому просачивающаяся в нее вода не слишком мешает пассажирам. Кроме того, доска на палубе съемная, благодаря этому воду, скапливавшуюся на дне, можно было легко вычерпать. Каюта выстлана циновками. Она удобна — можно сидеть, прислонясь спиной к одному борту лодки и упираясь ногами в другой. Двускатная деревянная крыша каюты покрыта пальмовыми листьями. На корме — помост, на 20—30 сантиметров возвышающийся над палубой. На нем находятся переносная глиняная печка и небольшой запас дров. Это «камбуз». Такой же помост на носу лодки служит рулевой рубкой; к перекладине с левой ее стороны стеблями ротанга привязано весло.

Плывем медленно. Грозу переживаем под деревьями на берегу. Дождь льет сплошными струями, так что противоположный берег реки почти не виден. По воде прыгают серебристые шарики, как при крупном граде. Обедаем тем, что приготовлено в нашей маленькой кухне. Забавно наблюдать, как наш капитан-яванец огромным ножом-парангом режет к обеду мелкие луковицы. Гребец — тоже яванец. Вообще же в этих местах живут три этнические группы: оранг-сини (здешние люди), составляющие большинство населения, яванцы и немногочисленные кубу. Оранг-сини говорят на «бахаса Палембанг», точнее, на палембангском диалекте малайского языка.

Подплываем к Баюнлинчиру, деревне, расположенной в устье реки Медак, в 70 километрах от административного центра кечаматана. Деревенский староста принимает меня весьма любезно в своем домике, стоящем, как и другие дома, на плоту, заякоренном у берега. Устраиваю совещание с участием моих спутников и нескольких гостей старосты. Обсуждаем, как подготовиться к экспедиции, что взять с собой и прочее. Кубу живут в каких-нибудь 30 километрах отсюда. Здешние жители о них совсем иного мнения, чем официальные лица. Их не считают опасными или плохими людьми, напротив — спокойным, мирным народом, который подвергается такой же беспощадной эксплуатации со стороны скупщиков, как и жители деревни Медак, поддерживающие с

кубу постоянные контакты. Амин Бурхан, председатель совета марги (территориальной общины) Лалан у палембангцев, на чье попечение передают меня мои спутники, решившие на всякий случай держаться от кубу подальше и подождать меня в Баюнлинчире, отвезет меня в деревню кубу на реке Медак и через два-три дня привезет обратно.

В лодке-лавочке покупаю запас риса на дорогу, табак, кусочки специально подрезанных листьев для самодельных сигарет, немного бетеля для женщин и отправляюсь в путь. К деревне кубу подплываем ночью. На берегу мелькают огоньки. Амин говорит, что это горят костры возле шалашей. Однако это еще не конечная цель нашего путешествия. Мы хотим добраться до самого большого селения кубу. В начале третьего причаливаем к берегу. Темно, костры едва тлеют. Выхожу на берег, заглядываю в одну из хижин. Хозяин — он, кажется, не совсем проснулся — смотрит на меня с некоторым смущением. Со всей возможной любезностью объясняю ему, что очень устал и хочу спать. О цели своего приезда расскажу завтра. Парень попался, видимо, толковый. Он сразу понял меня и немного подвинулся, освободив краешек циновки.

Спал я крепко, а когда проснулся и вышел из хижины, солнце стояло уже высоко. Амин о чем-то совещался с кубу. Как я напугал ребятишек, с какими криками они кинулись врассыпную! Достая коробку (жестяную, конечно: никакие другие не выдержали бы здешнего климата) с польскими конфетами, открываю и протягиваю ребятишкам. Те опять в крик и бежать. Я не сдаюсь — сажусь около хижины и, причмокивая, съедаю конфетку. На моем лице восторг и наслаждение — очень вкусно! Подхожу к детям. Убегают, но теперь уже не так далеко. Съедаю еще одну конфету, выразительно поглаживая себе по животу. Победа — самый храбрый из малышей начинает двигаться в мою сторону. Чтобы не спугнуть его, медленно протягиваю руку с конфетой. Малыш опасно приближается. Наконец любопытство берет верх, и он издали протягивает ручонку, хватая конфету, быстро отходит на несколько шагов, сперва осторожно, а потом с большим удовольствием съедает конфету и уже смело является за второй. Его примеру следуют дети, за ними появляются мамы. И вот мы уже

подружились. Когда все конфеты съедены, преподношу хозяйке той хижины, в которой ночевал, бесценный дар — пустую коробку из-под конфет.

Немного позднее пошли в ход сигареты. В результате хорошие отношения установились и с мужчинами. Меня тут же переселили в другую, более удобную хижину на высоких сваях (значит, более сухую). В прежней сильно тянуло холодом от земли. Хозяева хижины — бездетная пара. На одной циновке будут спать хозяева, на другой — я, Амин и его племянник, нанятый в качестве повара и прачки.

Нелегко мне было избавиться от своих опекунов, и все-таки я это сделал. Сперва я спровадил Далана, а затем и Амина. По прошествии трех дней, когда они надумали возвращаться домой, я заявил, что уже познакомился с людьми, очень хорошо себя здесь чувствую и никуда отсюда не поеду. Но Амина ждет жена с недавно родившимся младенцем, она — я уверен — скучает и нуждается в его помощи, поэтому пусть он съездит на несколько дней домой, а через некоторое время вернется за мной. Я же пока займусь своими делами. Немного поартачившись, Амин уехал. А я вздохнул с облегчением. Так туан доктор Януиз Камоки, как меня представил здесь Амин, остался в деревеньке кубу.

Без помощи Амина мне иногда трудно было объясняться с кубу. Но в то же время я убедился, что он не всегда точно переводил. Недостаточно хорошо разбираясь в общественной организации деревни, он часто давал мне ложную информацию.

Для меня осталась неясна роль местных попечителей кубу, таких, как мой Амин. Между ними действительно существуют добрые взаимоотношения: Амина хорошо приняли, он был знаком почти со всеми жителями деревни. Но связывают ли его с кубу только деловые интересы, или он опекает их как председатель совета марги, я не понял.

Кубу живут группами. На реке Медак собралось несколько групп, образующих единое целое. Они вместе кочуют и пользуются одними стоянками в лесу. Вождя кубу — кепалу — местное оседлое население иногда называет раджей. Власть вождя традиционно наследственная, переходит от отца к сыну, как в европейских династиях, или, если вождь умирает бездетным, к его

старшему брату. Нынешний вождь кубу, Соманд,— брат моего хозяина и мой сосед. Его хижина стоит напротив нашей. Он ничем не отличается от своих сородичей. Ходит в такой же рваной одежде, живет в такой же хижине, как и все, как все, собирает стебли ротанга. Единственное, что возвышает его над остальными,—это трубка, предмет безумной роскоши. Соманд — сын Пилу и внук Дуллмбума. Он сын и внук вождей. Вождь обладает абсолютной властью, но в важнейших вопросах совещается с соплеменниками. Я неоднократно видел, как Соманд обсуждал какие-то вопросы с моим хозяином, своим братом. Играл ли брат вождя в таких случаях роль «сенатора» или просто оказывал вождю чисто братскую помощь, мне неизвестно.

Скорее всего, кубу, живущие на берегах одной реки и вместе кочующие по одной территории, состоят в родстве друг с другом.

О местах своих кочевий кубу не говорят. Когда я спросил, знают ли они хотя бы, в какой провинции Индонезии находятся их стоянки, ответом было: никаких провинций и никакой Индонезии в джунглях нет, а есть только бог и кубу. (Кстати, стоянки моих кубу расположены вблизи северной границы Южной Суматры.) На прощание вождь пообещал, что в следующий мой приезд меня возьмут на кочевье. Вот какого я удостоился доверия! А ведь закон кубу суров: человека, который захотел бы выдать их тайны, они немедленно карают смертью. В отношении же меня они поняли, что я не преследую никаких коварных целей, не буду выслеживать их и доносить властям. Почему они этого так боятся? Вероятно, потому, что они больше всего дорожат независимостью.

Как жаль, что я не могу себе позволить побродить с кубу по джунглям! Вот когда я мог бы по-настоящему познакомиться с жизнью этого племени.

Контакты кубу с внешним миром ограничены. Это редкие визиты жителей соседних селений, приезды странствующих торговцев и скупщиков. Они приплывают по реке за ротангом, смолой, кожей и прочими товарами.

Власти пытаются установить какой-то контроль над кубу, хотя бы на время их стоянки на реке, для чего была предпринята даже попытка обращения кубу в ис-

лам. Об этом мне подробно рассказали в социальном отделе правительственной администрации Южной Суматры, где всех кубу считают мусульманами. По рекам, на которых живут кубу, направили специальное судно, груженное учебниками ислама. Учебники раздали. Кубу они понравились: тонкая бумага куда лучше подходит для самокруток, чем листья, которыми они обычно пользуются.

Я видел этот учебник. Он состоит из четырех частей. В первой части дается текст на арабском языке, во второй — латинская транскрипция текста, в третьей — перевод его на индонезийский язык, в четвертой — комментарии. Но ведь кубу не умеют читать! Странно, что никого это не смутило.

Слушая рассказы о подобных акциях правительства, я недоумевал, почему вождь кубу не входит в состав совета марги, и лишь позднее сообразил, что ему просто нет дела до какой-то там марги и ее совета.

Соседи кубу, утверждающие, будто представители этого народа не знают семьи, ошибаются. Кубу живут небольшими моногамными семьями. Молодой человек, пожелавший создать семью, переходит в ту деревню, где живет его избранница. Где-нибудь в сторонке молодые сооружают собственный шалаш, а вечером жених объявляет жителям деревни о своем решении взять девушку в свой шалаш. Сам факт, что девушка живет после этого под одной крышей с мужчиной, означает, что они вступили в брак. Никакие дополнительные обряды или церемонии не практикуются. К сожалению, проверить это мне не удалось: за время моего краткого пребывания у кубу никто не сочетался браком. Брак здесь носит матрилокальный характер, исключая следующие случаи: если умирает жена, вдовец, взяв детей, возвращается в свою деревню; если женится вождь, жена поселяется у него — не бросать же ему своих подданных.

Никаких преступлений, даже краж, у кубу не бывает, однако смертная казнь существует и применяется в двух случаях: в случае шпионажа, если кто-то выследил кубу во время их кочевья по джунглям, и когда у мужчины уведут женщину. Такое, видимо, иногда бывает, хотя адюльтера в европейском понимании этого слова как будто нет. Как я понял, отношения между пола-

ми строятся на основе строгой нравственности. Муж редко бросает жену, но, если это случается, он должен уйти из племени. Если мужчина ушел и не собирается вернуться к жене, последняя считается вдовой и может вторично выйти замуж. Мне, правда, приходилось слышать и другое: будто покинутая жена обязана хранить верность мужу до конца дней своих и будто мужчина, который захотел бы на ней жениться, рискует головой.

Соманд сказал мне, что на его памяти никто из племени кубу не ушел в другое племя и никто не пришел извне. «Мы прогнали бы чужого», — сказал Соманд. А как же быть с версией, согласно которой бывают случаи, когда мужья покидают жен и уходят из племени? Может быть, существует лишь теоретическая возможность подобного развода, а на практике такого не бывает? Или мужчина уходит в другое племя, но остается в общине? А может быть, бросивший жену мужчина родом из другого племени и, расставшись со своей половиной, возвращается к своим? К сожалению, недостаток времени не дал мне возможности узнать обо всем более подробно.

Достоинство всяческих похвал отношение кубу к старикам и больным. Рассказывают, что в случае тяжелой болезни кого-либо из своих членов племя приостанавливает кочевье и ждет, пока тот не выздоровеет или не умрет. Ждет, сколько бы ни потребовалось времени. Когда однажды пара престарелых супругов вынуждена была остаться на реке, племя, прежде чем отправиться в джунгли, на кочевье, соорудило для них большую хижину с таким расчетом, чтобы она продержалась в течение всего сезона дождей и старики могли спокойно дожидаться возвращения соплеменников. Такая система общественной опеки вступает в действие, когда умирает мужчина, оставив семью без пропитания, или кто-нибудь заболевает. На помощь приходят все члены группы. Обычно же мужчины ежедневно ходят на охоту, доставляя пищу своим семьям. А если кому-нибудь попадется большая добыча, ее делят между всеми.

Кубу охотятся с копьями. Благодаря им мужчины справляются даже с крупным зверем. Когда я спросил, не боятся ли они тигров, то услышал в ответ: «Тигры боятся нас». Мне приходилось видеть убитых на охоте маленьких зверьков, напоминающих длинноногих крыс.

Кубу не охотятся лишь на обезьян, змей, кабанов и буйволов (у последних слишком толстая кожа). Пойманных при помощи панчинга (удочки) крокодилов забивают копиями, а шкуру продают в пераху-токо (плавающей лавке) странствующим по реке торговцам.

Панчинг — это обыкновенный железный крюк, которым пользуются не только кубу, но и сини. Крюк с насаженной на него приманкой привязывают к стоящему на берегу реки дереву длинным, иногда до 20 метров, ротанговым канатом. Крокодил хватается за мясо и заглатывает вместе с ним крюк. Каната ему не перегрызть — стебли ротанга волокнисты и застревают между зубами. Животное долго мечется, потом устает, слабеет, и тогда его добивают копиями.

Кубу вынуждены покупать много различных вещей: наконечники для копий, одежду, алюминиевую посуду, которую легко носить во время кочевий, лески для удочек и т. п. Поскольку денег в джунглях нет, они расплачиваются связками стеблей ротанга (икатами)⁵. Один икат состоит из ста стеблей. Самая мелкая «монета» — икат-кечил (маленький) — 50 стеблей. Рубашка стоит 20 икатов, платье для ребенка — 4, пять пачек папиросной бумаги — 1, плитка табаку — 3. Мужчина в состоянии собрать за день от двух до трех икатов. Ясно, что при существующих ценах им не скопить состояния. Вот почему вся жизнь на реке подчинена заготовке ротанга. Поскольку поблизости стебли на пальмах уже срезаны, приходится отплывать подальше.

Сегодня я вместе со всеми поплыву на заготовку ротанга. Отправились утром, без четверти восемь, в 8 были уже на месте. Кругом девственные джунгли. Пронзительно кричат обезьяны. Темно, о фотографировании не может быть и речи. Возможно, позже станет чуть светлее. Лианы плотно оплели все — приходится прокладывать дорогу ножом-парангом.

Видно, меня считают еще большим недотепой, чем я есть на самом деле. Когда я выхожу из лодки, протягивают весло, чтобы я мог опереться. Гордо отказыв-

⁵ Слово «икат» (*ikat*) в индонезийском языке имеет несколько значений, среди них — «вязать, связывать». Поэтому икатом называют как любую связку, так и головную повязку на Яве и даже способ окраски ткани, при котором перевязывают нитки основы.—
Примеч. ред.

ваюсь, хотя нахожусь в более трудном положении, чем другие: обвешан фотоаппаратурой. А у них только паранги. В еще худшем положении находится единственный в компании мужчина (все остальные мои спутники — женщины) — он несет на спине ребенка, зато его паранг несет жена. Во время работы люди не отдаляются друг от друга. Все трудятся одинаково — мужчины, женщины, дети. Самые маленькие спят на спинах родителей, чаще всего отцовских. Папы вообще трогательно заботятся о своих малышах.

Срезанные стебли очищают от листьев и коры все теми же парангами. Работают интенсивно приблизительно с десяти до трех, затем погружают добычу в лодки и возвращаются в деревню.

Покрытые колючей корой гибкие побеги ротанга обрабатывать нелегко, в чем я убедился на собственном опыте. Проработав до седьмого пота, я заработал всего несколько рупий.

Нет, не зря я получил пособие от краковского комитета по туризму! Сегодняшняя вылазка в джунгли, когда я прокладывал себе путь парангом, переходил вброд ручьи и болота, — туризм высокого класса. Мало того — я научился ходить по джунглям босиком, хотя и боюсь микробов, которыми кишит каждая лужа.

Работаем, время идет. В одиннадцать я уже сильно проголодался, но сделать ничего нельзя: вернемся только в три часа, а обед будет в четыре. До четырех никакой еды. Придется потерпеть. И что еще будет на обед? Хорошо бы какая-нибудь рыба! Скорее всего, купленный у торговцев рис с невероятно кислыми мелкими плодами мамау или приправой. Из чего эта приправа делается, не знаю, но один ее вид внушает мне отвращение. А кубу ее очень любят. Хотя, думаю, и они предпочли бы съесть по куску рыбы.

Во время работы кубу перекликались друг с другом. Казалось, вот-вот хлынет ливень. Мужчины быстро соорудили шалаш, прикрыв его сверху листьями. Заморосил мелкий дождичек. Сильно усталый, я вздремнул. Влажно и душно. И все же неплохо спится в джунглях, на куче листьев в шалаше.

В этот день собрали немного фруктов — будет приправа к рису. Плоды мамау похожи на круглые, величиной с крупную черешню шишки, желтые внутри и с

большой косточкой. И такие кислые, что лицо сводит судорога. А кубу смеются, им нравятся эти плоды, к тому же они полезны, в них много витаминов.

Кубу едят два раза в день: утром — перед уходом на работу и вечером — по возвращении. Ужин — это всегда интересно, потому что неизвестно, что подадут. Зато завтрак без сюрпризов — доедаем то, что осталось от ужина.

Стебли ротанга складывают по 100, иногда по 50 и редко по 150 штук. Подсчет для кубу представляет известные трудности, поскольку они не имеют представления о сложении и считают только до десяти. Счет так и ведется: десяток, потом еще один и т. д. Срезанные стебли ротанга кладут в воду и придавливают камнями. Там они и лежат, пока в деревне не появятся лодки скупщиков.

Одна такая лодка пришла при мне. Повезло, потому что нужно было пополнить запас сигарет и купить немного сладостей детям, а также бетель для женщин. Я подплыл на лодке, вскочил на палубу. Что такое? Треск? Совсем забыл — местные лодки не рассчитаны на такой вес, как у меня. Палуба прогибается под моими ногами. Напрасно я надеялся похудеть на скудном рационе кубу. Нет, мой вес и габариты — не для этих условий. Никогда не думал, что я такой бегемот! Однако торговцы ничуть не испугались за судьбу своего судна и пригласили даже выпить чашку кофе, побеседовать. Европейец в деревне кубу — редкость.

В свободное время много купаюсь в реке. Крокодилы близко не подплывают, да и вообще говорят, что они здесь не опасны. Не было ни одного случая нападения крокодила на купающихся людей. Секрет такого смиренного поведения я выяснил позже. Оказывается, на Суматре наряду с опасными крупными гребнистыми крокодилами водятся другие крокодилы, которые сами на людей не нападают. А вот комары — те хуже крокодилов. Жрут беспощадно. Вот почему на улицах городов и в деревнях по вечерам жгут мусор. В хижинах комаров должен отгонять костер, тлеющий под полом. Но от него проку мало.

В дождливые дни у всех много свободного времени: идти в джунгли за ротанговыми стеблями нельзя. Сегодня как раз такой день. Встали, позавтракали — как

всегда, рис с плодами мамау и приправой из рыбы. Попили так называемый чай — желтоватую воду, которую используют также для мытья рук после еды. Повсюду в Индонезии варят прекрасный кофе, а чай никуда не годится.

Воспользовавшись свободным временем, мои хозяева принимаются за «косметические» операции. Отрезав парангом от пола большую бамбуковую щепку и заострив ее, жена хозяина Лин кладет голову мужа себе на колени и начинает искать в ней насекомых. На ее лице выражение высочайшего блаженства. Той же щепкой она соскабливает шелушащуюся кожу с его рук. Далее супруги меняются ролями.

Жители деревни сегодня отдыхают, а у меня уйма работы. Трое простудились, в том числе маленькая девочка, милое, веселое создание; у бедняжки жар, сильный озноб. Даю лекарства, делаю компрессы, лечу от расстройства желудка и малярии. Тяжко видеть, как людей трясет лихорадка. Разве им помогут те скудные средства, которые я привез с собой? У кубу нет ни врачей, ни знахарей. Говорят, что даже женщины у них рожают без посторонней помощи. Трудно поверить, но это действительно так. Многие в этой деревне страдают кожным заболеванием: шелушится кожа, чаще всего на руках. Лечатся каким-то бальзамом, втирая его в кожу. Кроме того, согрев над огнем больные ноги или руки, деревянными палочками снимают с них чешуйки. Эту процедуру проделывают, сидя на циновках в хижинах у переносных глиняных печек. Мне кажется, эта болезнь имеет инфекционный характер. На руках у сборщиков лиан много трещин и порезов. Человек заболевает, оттого что в ранки попадает инфекция, переносчиком которой, по-видимому, являются чешуйки больного. В соседних деревнях этого заболевания нет — еще один аргумент, говорящий о его инфекционном происхождении. Я обратил на это внимание вождя племени. Он согласился со мной и, очевидно, отдал соответствующее распоряжение, потому что на следующий день я уже не видел, чтобы кто-либо соскребал чешуйки над спальными циновками. Каждый делал это над своим костром, и чешуйки сыпались либо в огонь, либо на землю.

У одного мальчика я заметил глубокий шрам вокруг уха. Похоже, что когда-то ушная раковина у него висе-

ла на волоске. Сейчас, правда, кроме шрама, никаких следов не осталось. Оказывается, несколько лет назад с ребенком произошел несчастный случай: ударом паранга ему чуть не отрубили ухо. На его счастье, поблизости оказался приезжий врач, который ухо не то пришил, не то прикрепил скобами. По подсчетам кубу, это произошло восемь лет назад. Явное преувеличение: в мой приезд мальчику едва ли исполнилось восемь лет. Проверив их сообщения, я выяснил, что два с лишним года назад в этих местах работали трое французских инженеров и врач — члены экспедиции, искавшей месторождения нефти. Надеюсь, что нефти не нашли, иначе гибель кубу стала бы неизбежной.

Вождю очень понравилась моя пижама, и он предложил в обмен за нее рыболовную острогу, которая ему не понадобится, поскольку он собирается на кочевье. Я согласился, прибавив к пижаме пачку сигарет. Любопытно, что кубу совершенно правильно назвали пижаму «каин тидур» («одеждой для сна»). Сомневаюсь, что Соманд будет в ней спать.

Теперь у меня есть острога, но управляться с нею так ловко, как это делают кубу, я вряд ли смогу. Однажды я присутствовал при ловле рыбы острогами, правда неудачной.

Мы поехали втроем — сзади грёбец, посередине я, на носу человек с лампой и острогой. Ее бросают только ночью при свете лампы. Ходим кругами, объезжая заросли, светим во все стороны. Рыбы нет. Плыдем обратно, и тут мои спутники начинают петь. Мелодия сопровождается вскрикиваниями и напоминает мне песни польских горцев. Значит, кубу умеют петь. А танцев я пока у них не видел. Нет и музыкальных инструментов, даже самых примитивных. Песню я услышал впервые, и то благодаря ночному лову. Прошу их спеть еще, взамен обещаю исполнить польские песни. Думаю, на реке Медак до сих пор не звучали польские партизанские и молодежные песни. На следующий день записываю пантуны⁶ и их перевод на индонезийский язык. Мне кажется, эти песни — единственный вид искусства, известный кубу.

Очень красивы джунгли ночью. А их звуки напоми-

⁶ Пантуны — своеобразные однострофные короткие песни, напоминающие частушки. — *Примеч. ред.*

нают звуки польских лесов. Лишь один раз мне послышалось что-то очень тревожное, будто тигр боролся с буйволом. Оказалось, это просто бегали взапуски обезьяны.

Как-то я нанес визит Чучику, который жил вдвоем с женой Садией. Он был неприветлив, говорил неохотно и мало, не признавал никаких нововведений, в том числе и крыш из листьев, скрепленных стеблями ротанга. Такие крыши здесь стали делать по образцу крыш домов на лодках торговцев. Его шалаш был меньше тех, какие обычно делают кубу в прибрежных селениях. Подобные шалаша ставят также в джунглях, во время кочевий. Его площади (2,5×1,5 метра) вполне достаточно для бездетных супругов. Будь у Чучика дети, он соорудил бы рядом со своим шалашом еще один.

Нелегко было вызвать Чучика на разговор. Но когда он все-таки состоялся, я узнал много интересного о жизни в джунглях и о передвижениях по ним. Выяснились любопытные детали относительно имущества Чучика, его хозяйственного инвентаря. Я узнал, что у моего собеседника и его жены имеются одни короткие штаны, один саронг, который служит также головным платком, один женский саронг, одна нитка бус для жены, два паранга, два копья, одна циновка, три плетеные сумки, одна жестяная кастрюля, семь удочек с нейлоновыми лесками, один моток тонких ниток, используемых для удочек, одна жестяная тарелка, одна миска, один деревянный черпак, одна жестяная ложка, три уже упомянутых нейлоновых мешочка для продуктов, две бамбуковые трубы для хранения воды, одна корзина, одна жестяная лампа, три пустые бутылки, одна добротная лодка, сколоченная из досок, и одна старая лодка, так называемая одноподеревка, уже износившаяся и негодная. Вот и все хозяйство Чучика. В других семьях — то же самое, ничуть не лучше. Впрочем, кубу не стараются обзаводиться хозяйством: ведь во время кочевий приходится все носить на себе: на левом плече — оружие и трубу с водой, на спине — ребенка, привязанного таким образом, чтобы он не мешал при бросании остроги, в правой руке или за поясом — паранг. Так выглядит бродячий кубу в джунглях. Женщина же несет прикрепленную к голове корзину со всем имуществом, в руке у нее паранг, на бедре — ребенок, а на пле-

че также бамбуковая труба с водой. На реке кубу оставляют лодки-однодеревки, закрепив их у берега (лодки эти делают обычно оранг-сини), куда складывают все, что понадобится через полгода (печи из обожженной глины и пр.).

Я подружился с Чучиком и купил у него для своего музея кое-какие предметы: дорожную сумку, бамбуковую трубу для воды и кое-что еще. Красивую циновку, приобретенную в плавучей лавке, обменял на старую. Обе стороны остались довольны обменом. Особенно радовалась Садия. А мне, естественно, нужны были экспонаты, наиболее точно отображающие жизнь кубу.

По словам Чучика, бродячие кубу в джунглях ни с кем не контактируют. Любопытно, что, живя маленькими группами, они все-таки устают от общения и уходят в джунгли (обычно это бывает осенью) отдельными семьями. Лишь после длительных странствий по джунглям семьи встречаются и объединяются в группы по несколько семей в каждой и дальше уже кочуют вместе.

Несколько групп, кочующих вдоль одной реки, образуют племя, во главе которого стоит потомственный вождь. Его права и обязанности четко определены — он не столько вождь (это звание звучит слишком по-военному для кубу, которые не ведут никаких войн), сколько судья и хранитель традиций.

Чучик, как и все мужчины, ходит в джунглях в коротких штанах. Голову повязывает саронгом. Согласно обычаю, позаимствованному у сини, мужчины-кубу обертываются саронгом только в деревне, на реке. Вся одежда жены Чучика состоит из саронга, повязанного на груди; иногда добавляются бусы или еще какая-нибудь безделушка.

Мое знакомство с кубу не ограничилось одной деревушкой на реке. Я побывал еще в Пелантар Пангеран — так называли деревню соседи кубу. Сами же кубу не употребляют никаких наименований для своих селений. Не имеют названий и мелкие племена — их именуют по рекам, вдоль которых они кочуют. По сравнению с деревенькой, являющейся моей базой, здесь было чисто. Может быть, поэтому в Пелантар Пангеране меньше страдают от кожных болезней. Малярия, конечно, косит одинаково и тех и других.

При моем появлении дети испугались, заплакали,

значит, здесь никогда не видели европейцев. Осмотрел деревню и отдельные хижины. Жилища вполне приличные — крыши соломенные, полы выложены древесной корой. Заходят в них по наклонной балке или своеобразной приставной лестнице. Правда, лестницу я видел здесь только одну — перед входом в хижину вождя.

О зажиточности этого селения говорит наличие большого электрического фонаря на батарейках. По здешним понятиям фонарь — очень дорогая вещь, но, говорят, вполне окупает себя, давая возможность ночью ловить рыбу.

Заглянув в шалаши, я увидел в одном пластиковый бидон для воды, в другом две бутылки с приправами, в третьем люльку, сделанную из куска материи и стеблей ротанга. Люлька прикреплена к перекладине, на которой лежит крыша. Когда женщина укачивает ребенка, все жилище сотрясается.

В одном из шалашей живет маленький, забавный, неуклюжий черный зверек с большой головой и длинными острыми когтями. Название его — бруанг⁷ — мне незнакомо. Позднее я догадался, что это суматранский медвежонок. Взрослый бруанг достигает размеров большой собаки. При помощи длинных когтей бруанги лазают по деревьям. Питаются фруктами. Вообще-то кубу не любят бруангов, но этот сделался для них чем-то вроде талисмана. Сидя в корзине, медвежонок издает звуки, похожие на стоны. Мне приходилось слышать такие звуки в джунглях. Теперь буду знать их происхождение.

Когда пошел дождь, мы укрылись в уединенном шалаше, где жили две небольшие семьи. Нас угостили кофе, его кубу иногда покупают в пераху токо.

Интересно было наблюдать, как насаживают на рукоятку лезвие паранга. Делалось это так: разогретый на огне острый конец паранга с силой вбили в заранее приготовленную деревянную чурку. Ударами чурки о землю вогнали лезвие как можно глубже. После этого лезвие вынули, снова раскалили и опять вбили в чурку. Операцию повторяли до тех пор, пока чурка не была насажена достаточно прочно. Тогда ее обработали другим парангом, чтобы она приняла вид рукоятки.

⁷ Бруанг (*beruang*) — индонез. «медведь». — *Примеч. ред.*

В шалаше, где мы пили кофе, жила обезьянка. Она была привязана стеблем ротанга такой длины, которая оставляла довольно большую свободу передвижения. Прыгая, обезьянка попала в ячейку нейлоновой сетки и запищала от боли. Хозяевам, видно, надоела эта возня, и они тут же решили продать зверька. Девочка взяла обезьянку и понесла в плавучую лавку, а потом возвратилась с куском материи и серьгами. Хозяева объяснили мне, что обезьянка стоит гораздо больше и торговцы продадут ее с большой выгодой.

В отличие от местных мусульман, которые не любят собак, кубу относятся к этим животным благосклонно. Они кормят их рисом и остатками от завтраков и обедов. Из четырех собак, живущих в нашей деревеньке, одна отличается злым нравом. В наказание за что-то ее привязали около хижины. А может быть, это сделали из-за меня? Своих она знает хорошо, а меня может покусать. Кроме собак в деревне есть две кошки и две курицы. В отличие от кошек и собак, которые во время кочевий следуют за своими хозяевами пешком, куры путешествуют в специальных плетеных клетках.

В нашей деревне всего шесть семей — 24 человека. На реке Медак в шестнадцати шалашах живут 20 семей — 80 человек. На ближайших реках Канданг и Мансау проживает соответственно около 150 и около 75 человек. Речь идет только о бродячих кубу. Оседлые в это число не включены. В отличие от обычных индонезийских семей, семьи кубу малодетны. По-видимому, они пользуются каким-то противозачаточным средством. Нормой считается два ребенка. Третий появляется лишь после того, как первые два уже подросли.

Многое о жизни кубу и их верованиях я узнал во время ночных бесед у костра с Сомандом и Маулахиром. Разговаривать было нелегко. На языке кубу, например, нет слов для обозначения таких понятий, как «дух», «душа», «божество». Для них существует одно слово: «рох». Лишь после долгих бесед я понял, что есть один великий рох и множество малых и что у каждого человека имеется свой рох, который, если человек хороший, после смерти отправляется к великому роху, а если плохой — к злому духу адо. Адо обитает в лесу или в реке, но не в селении и является причиной всех бед и болезней. Он — олицетворение зла. В противопо-

ложность адо великий рох — это добрый дух, существо, относящееся к людям благожелательно. Поэтому кубу часто называют его «рох хутан» («лесной дух»), что означает также и «добрый дух», поскольку для них лес — символ добра.

Другой объект почитания у кубу — души предков, которым они молятся и приносят жертвы в виде пищи, различных растений с сильным и приятным запахом, цветов. Отойдя в какое-либо укромное место, кубу зажигают маленькую витую восковую свечку. Пока она горит, дух находится около них. Оплывающий воск служит свидетельством того, что он рядом и принимает приносимую ему жертву. При этом они говорят: «В присутствии духов наших умерших предков мы утоляем голод и приносим им в жертву пищу».

Каков обряд погребения у кубу? Завернутого в циновку покойника зарывают в землю, не насыпая на могиле холма. Усопшего снабжают в последний путь пищей, бетелем или сигаретами — тем, чем он пользовался при жизни. Рядом с мужчиной кладут оружие, с женщиной — посуду. Все это мало похоже на первобытный атеизм, который приписывался племенам бродячих кубу. Провожаящие умершего люди некоторое время молча стоят у могилы — то ли молятся, то ли прощаются.

Пополняя свою коллекцию: за жестяной чайник, купленный в плавучей лавке, приобретаю у Мауви копьё, доставшееся ему от отца. Сам он еще слишком молод, чтобы пользоваться им. Второе копьё, со сломанной рукояткой и сточившимся острием, получаю в обмен на нож из Закопане. Отдал мне его Далан из селения Малого медвежонка (это быстро привившееся название принадлежит мне). Он же сделал для меня новое острие и рукоятку. Третье копьё я приобрел у Салина. Этого мне было достаточно. Нельзя же совсем обезоруживать племя. А три копия мне пригодятся (одно подарю нашему музею в Кракове, второе оставлю у себя дома, тем более что именно от такого копия мне пророчили гибель по приезде в селение кубу, третье подарю Анджею Вавжиняку: в его великолепной коллекции индонезийского оружия нет ни одного экземпляра оружия кубу.

На обратном пути останавливаемся в маленьком селении, где живут всего две семьи. Все селение состоит

из одного дома, но какого! Настоящий дворец на высоких сваях — не то что обычные шалаши кубу. Такое жилище вполне может продержаться в течение всего сезона дождей. Нас встречают молодой человек и два милейших старичка, которые не пойдут в джунгли. Получаю в подарок пару необыкновенно красивых птичьих перьев. Позднее обнаруживаю в своей лодке половину большой рыбыны.

Снова проезжаем мимо деревни Малого медвежонка. На этот раз мужчины дома. Покупаю копые у молодого человека с татуировкой. У кубу нет обычая татуироваться. Это был первый и единственный человек с татуировкой, которого я встретил, живя среди них. Завожу нескончаемый спор с красавицей женой этого человека. Она надела новую, купленную несколько дней назад блузку и ни за что не хочет переодеваться в свой обычный наряд. Ну как ей втолковать, что мне интересно сфотографировать ее в традиционной одежде!

Вот и опять деревенька, где живут две семьи. Все ушли в лес — в доме пусто.

Кубу пользуются репутацией людей грубых и неотесанных. По мнению сини, это самые настоящие хамы, не признающие никаких норм вежливости. Они, например, никогда не благодарят за подарок. И правда, всякий раз, как я дарил кому-нибудь что-либо при Амине, он напоминал: «Скажи терима касих» («спасибо»). Сами кубу не ощущают потребности благодарить. Для необычайно вежливых индонезийцев это признак полного неумения себя вести, невоспитанности, отсутствия культуры поведения. А по-моему, всему причиной их абсолютная детская непосредственность. Получив от меня кое-какие подарки: дети — конфеты, женщины — кусочки бетеля, мужчины — сигареты, они без прощальных слов и выражения признательности один за другим подходили ко мне, говоря: «Мне пора в лес» — и... уходили. А я, сделав последние снимки, сказал: «Мне пора ехать» — и... уехал.

У ЖИТЕЛЕЙ РЕК

Я покидаю кубу. В селение Муара Медак мы прибыли около восьми часов вечера. В тропиках уже давно наступила ночь. Мне нравятся эти ночные поездки:

небо усыпано звездами, видны какие-то неизвестные мне созвездия, из джунглей доносятся крики обезьян.

Меня в качестве гостя и постояльца принял здешний староста, которому я некоторое время назад был передан с рук на руки сопровождавшими меня чиновниками из канцелярии губернатора.

Поужинав, приступил к врачебной деятельности. Пациентов видимо-невидимо. Хоть создавай поликлинику. Моему хозяину, как он, смеясь, говорит, остается только повесить на своем доме флаг с красным крестом.

Ночую в комнатке (то ли в доме отсутствует специальная комната для гостей, то ли хозяева уступили мне свою) на большом, купленном еще при голландцах квадратном ложе с рамой для москитной сетки. Сетки нет, зато вместо простыней — батики. И — боже, какая роскошь! — чистые подушки.

Вместе с другими жителями кампунга мой хозяин прямо около дома ловит рыбу удочкой, используя в качестве наживки либо шарик из риса, либо кусочек рыбы. Для этого берут маленькую, непригодную в пищу рыбку, разрывают ее на несколько кусков и насаживают на крючок. Удочки без поплавков — это обычные палки, к которым привязывается нейлоновая леска с крючком на конце. Пойманную рыбу кладут в ящики, сколоченные из досок, со щелями. Ящики погружены в воду. Когда нужно, их вынимают и достают рыбу.

Основным предметом питания здесь является рис со всевозможными приправами и дополнениями, например с жареной рыбой или плодами, напоминающими лесные каштаны, и, конечно, с крупуками⁸, маленькими лепешками из рыбной или креветочной муки. Я обратил внимание, что по мере удаления от Джакарты вкус этих лепешек ухудшается. В Джакарте они восхитительны, в Палембанге — уже не то, ну а здесь просто отвратительны, толстые и невкусные. Охотно едят тут густой рисовый отвар.

Еду ставят на циновки. Как это делается? На циновки, которыми устлан пол, кладется еще одна, вместо скатерти. В особо торжественных случаях поверх циновки-скатерти стелят белую салфетку. Все сидят вокруг скрестив ноги (во время приема гостей, разумеется,

⁸ Крупук — вид печенья, приготовленный из рисовой муки с добавлением тертого сушеного мяса креветок. — *Примеч. ред.*

только мужчины). Перед каждым — полная тарелка риса, а в центре — подносы со всевозможными дополнениями, которые иногда зачерпывают ложкой, но чаще берут руками. Перед едой руки окунают в мисочку с теплой водой (одну на двоих), после еды их поливают слабым «чаем». Вода с рук стекает в тарелку, где только что лежала еда. Остатки чая допивают, хорошенько прополоскав рот.

Основная масса жилищ в деревне стоит на пьотах, прикрепленных ротанговыми канатами к берегу. Есть довольно большие жилища. Особенно велик дом старосты, состоящий из двух построек, соединенных крытым переходом. В первой размещается нечто вроде канцелярии и официальной резиденции, вторая — жилая. Домов такого типа — как-никак в нем живет официальное лицо — мало. Остальные вдвое меньше. Между домами перекинута многочисленная мостки, выполняющие функции тротуаров. К тем, что расположены подале, плывут на лодках. Мостки решительно не рассчитаны на мой вес — они сильно прогибаются подо мной. Это меня сильно беспокоит, особенно когда я несущу фотоаппаратуру. Перед каждым домом устроен помост для лодок. Иногда он бывает и за домом, где расположена уборная — отдельная клетушка, а иногда — очень редко — маленькое строение в половину человеческого роста. Зубы полощут водой из реки. Некоторые сибариты пользуются «ванной» — пространством между бревнами помоста, где можно окунуться. Все жители деревни умеют плавать, но боятся крокодилов, хотя никто не помнит случая, чтобы крокодил на кого-нибудь напал.

На берегу стоит мечеть, имеющая вид крытой платформы на сваях, с башенкой и под крышей. Еще одна платформа, поменьше, выдвинута по направлению к Мекке. Во время богослужений мужчины стоят на платформе, а женщины рядом, на земле. Староста, как он сам мне признался, в мечеть ходит редко, а предпочитает молиться у себя дома.

Плотники из Палембанга сооружают на берегу большую красивую постройку на сваях, которая будет выглядеть на фоне примитивных строений весьма эффектно. В ней разместится, как здесь говорят, «дом леса» — здание, имеющее какое-то отношение к лесной промышленности.

Хижины на реке имеют высокие пороги, чтобы злой дух не мог через них перешагнуть. Но кто сказал, что у злых духов короткие ноги? А вот для детей порог очень нужен: благодаря ему они не могут незамеченными выбраться из хижины и свалиться в воду.

Не все деревни этого района расположены на воде. Наиболее крупные, имеющие смешанное население, состоящее из аборигенов оранг-сини и яванцев, построены по берегам рек. Дома стоят на довольно высоких сваях, перед каждым — плот, на котором рядом размещаются две будки: одна — камар манди (ванная), другая, под крышей — камар кечил (уборная). Эти плоты, выполняющие также роль прачечных, рядами выстроились вдоль обоих берегов рек, так что мимо умывальни нередко проплывают кое-какие не вполне благовонные предметы из уборных. Но это никого не смущает. В той же воде чистят зубы. Мои спутники говорят, что, поскольку вода все уносит, здесь чисто. Я же никак не могу привыкнуть к этой мысли.

Вечером отправился на небольшую лодочную прогулку вверх по реке Медак. Хотелось вдоволь поплавать в чистой воде, но она и здесь кажется грязной, хотя селений поблизости нет. Наверное, это от речного ила.

Плыть в лодке тяжело, грести очень трудно. Пару раз, уже вдали от деревни, лодка перевернулась. На спокойном и широком Лалане все было в порядке, и там на глазах всей деревни я греб наилучшим образом. Оказалось, что за мной организовали погоню. Сначала это были двое парнишек в лодке, которых я благополучно спровадил, а потом, когда я в маленьком заливчике пристал к берегу, появилась лодка старосты, который очень вежливо, но настойчиво попросил меня не рисковать жизнью и вернуться. Пришлось послушаться. Обрато плывем неторопливо, беседуем. Мой собеседник — простой, но по-настоящему мудрый человек. Жаль, что он решительно запретил мне купаться: крокодилы! Серьезно опасаясь, как бы его гостя не съели, староста на всякий случай вручает мне амулет против этих животных; более того, старик (на другой день я узнал, что этот «старик» — мой ровесник!), выдав мне амулет, вписывает в мою тетрадь свидетельство о том, что амулет обладает большой силой. Получаю также официальное удостоверение о том, что я действи-

тельно жил среди кубу и собирал там экспонаты. Под удостоверением — подпись главы совета марги Амина. Здесь еще верят в магическую силу документов!

Подолгу беседую с людьми, многое узнаю об их жизни. Меня особенно интересовал вопрос о школе. Оказалось, что ближайшая начальная школа (секола дасар) находится в Бакунлинчире, в семидесяти километрах отсюда. Староста, мулла и еще кое-кто из деревенских грамотеев организовали здесь нечто вроде маленькой школы «на общественных началах». Они учат детей читать, писать и немного арабскому языку. — настолько, насколько это нужно в религиозных целях. Не думаю, чтобы здешний мулла был силен в арабском языке.

Оранг-сини не выращивают рис, у них есть лишь небольшие огороды. Они живут только за счет леса и отчасти — реки. Круглый год они собирают ротанг и каучук — в деревне лежат груды кусков каучука, издающих невыносимую вонь. Каучук вывозят в Палембанг. Каждые три дня туда плывет груженная этим сырьем моторная лодка. Как люди, сидящие в ней, выдерживают этот смрад, не понимаю.

О кубу-асли (настоящих кубу) ходят самые разнообразные слухи. Просто удивительно, как близко от прочих населенных пунктов они живут и как мало о них знают. Говорят, например, что они носят волосы до плеч и, только идя за чем-нибудь в деревню, подстригаются.

Любопытно то, как относятся жители этих отрезанных от мира деревенок к индонезийскому государственному аппарату и традициям государственности. Повсюду здесь я вижу фотографии президента и плакаты с лозунгами панчасила⁹ — пять основных принципов индонезийской национальной идеологии. Почтовые открытки с портретами генерала Насутиона продаются повсюду. Особое почтение к нему связано с тем, что он — суматранец. С гордостью говорят о том, что Суматра дала Индонезии двух выдающихся политических деятелей: Хатту и Насутиона. Создается впечатление, что индонезийская государственность принимается без ого-

⁹ Эмблемой панчасила является щит на груди индонезийского орла. На ней звезда означает веру в бога, голова буйвола — единство народа, дерево варингин — демократию, цепь — справедливую гуманистическую традицию, а побеги риса и хлопчатника — стремление к социальной справедливости.

ворок. На самом деле это не совсем так. Есть одно «но»: жители речных районов не могут простить властям ниспровержение султана, который во все годы господства голландцев в Палембанге сохранял свой трон. Они были бы рады восстановить султанат, но без отделения от Индонезии. Больше всего их устроило бы такое положение, при котором здесь, как в Джокьякарте, властвовал бы султан, подчиняющийся верховному правительству в Джакарте. Здешние жители вообще остро ощущают свою связь с прошлым Палембанга, с его давними правителями. Они настойчиво подчеркивают, что их язык отличается от прочих языков Индонезии, гордятся славным прошлым палембангского государства и тем, что последний султан происходил из знаменитой династии правителей древней империи Шривиджайя, играющей здесь такую же роль, как Пясты в Польше, с той разницей, что в Польше именем династии основателей государства называют сигареты, некоторые гостиницы и рестораны, а в Палембанге название Шривиджайя носят университет, военная дивизия и многое другое. О кинотеатрах я уже не говорю. Впрочем, как мне позднее сказали в палембангском музее, последняя правившая династия Палембанга происходила не от прославленных Шривиджайя. Рассматривая в этом музее великолепно нарисованное генеалогическое древо, на котором красной краской выписаны имена правителей, я обнаружил, что в одном пункте красное дерево соединяется с зеленым — кто-то из правителей Шривиджайя женился на девушке, родословная которой восходила к Мухаммеду. До этого имена царских жен не назывались, но как не похвалиться тем, что в жилах правителей потекла кровь пророка?

О всех этих генеалогических перипетиях деревенские старики, преподающие мне историю своего государства, ничего не знают. Для них султан — потомок династии правителей Шривиджайя, в жилах которых течет кровь еще более достойной династии правителей Маджапахита. Поразительно, что эти славные люди, так хорошо ориентирующиеся в вопросах истории, совсем ничего не знают о своих ближайших лесных соседях. И не только о бродячих кубу, но и об оседлых, живущих на противоположном берегу той же реки.

В кечаматане Баюнлинчир, кроме деревень, жители

которых называют себя оранг-сини, есть много населенных пунктов, где живут оседлые кубу. На территории марги Лалан, находящейся на реке с тем же названием, имеется десять селений, неподалеку от четырех расположены деревни кубу. «Мои» пренебрежительно относятся к оседлым соплеменникам, считая их какими-то полукубу. Подобным же образом реагируют на них здешние оранг-сини. Только бродячих кубу они называют «асли» — коренными. Их они уважают и побаиваются. Около деревни Муара Медак есть деревня кубу, о которых мне почти ничего не удалось узнать. Их до такой степени не принимают всерьез, что даже говорить о них не хотят. Но я кое-что все-таки выведал. Ими управляет заместитель старосты пунгава, есть там и пожизненно избираемый вождь. Зовут его Тусаваль. Некоторые именуют его раджей кубу, однако никакой реальной властью он не располагает, а лишь является посредником между властями и кубу — кепала суку. Не беседовать же властям с каждым жителем деревни в отдельности!

Тусаваль как раз приехал по каким-то своим делам в деревню (кажется, привез ротанг), и я мог познакомиться с ним и поговорить. Однако разговор не клеился. Да кто такой, собственно говоря, был Тусаваль? Крошечный винтик в местном административном механизме, безоговорочно подчинявшийся старосте. Его и сравнить нельзя с истинным вождем племени, таким, как Соманд.

Оседлые кубу говорят на палембангском диалекте весьма плохо. Пожилые люди изъясняются на наречии, сильно отличающемся от языка «моих» кубу, поэтому я понимаю их с трудом и вынужден обращаться к помощи переводчика.

Что побудило их перейти от бродячего образа жизни к оседлому? Голод? Не думаю, как я сам убедился, в джунглях они всегда могут найти достаточно пропитания. Может быть, жажда знаний, стремление учиться? Тоже нет. Единственная маленькая школа на весь кечаматан не в состоянии вместить всех желающих. Вера? Нет. Если они и принимают ислам, то лишь формально. Никаких социальных или экономических льгот они не имеют. Остается поверить сотруднику отдела просвещения губернии господину Табрани Асмуни.

— Переходя к оседлому образу жизни,— сказал он,—кубу ничего не выигрывают, зато становятся полезными членами общества и трудятся для экспорта.

Чего я только не наслышался! Говорили, будто кубу охотно идут служить в индонезийские суды и в армию, что они считают себя индонезийцами. Последнее я слышал от чамата, мнению которого не придаю слишком большого значения, хотя в данном случае оно совпадает с информацией, какую я получил в Муара Медак от тестя моего хозяина, шестидесятипятилетнего Амина Бурхана.

По словам старика, кубу, насколько он помнит, всегда приходили в свой нынешний кампунг только на полгода. Постоянно они здесь живут недавно, с 1961 года. Процесс перехода кубу к оседлости усилился в последние 25 лет.

Неприязнь между оседлыми кубу и оранг-сини очень велика. Последние даже слышать не хотят о каком-либо родстве с первыми. Спрашиваю Амина, выдал бы он свою дочь за кубу, когда она подрастет.

— Никогда!

— Почему?

— Букан агама. (У них нет религии.)

Действительно, кубу сохранили древние анимистические верования, оранг-сини же исповедуют ислам.

Однако я не сдаюсь:

— А если жених дочери познает основные догматы ислама, станет мусульманином? Станешь ты считать его правоверным мусульманином?

Между прочим, я знал, что кубу, формально приняв ислам, остаются анимистами.

— Да.

— И выдашь за него дочь?

— Нет.

Значит, дело здесь не только в религиозных взглядах. И все же в канцелярии чамата мне недавно сказали, что в этих местах случаются смешанные браки, когда мужчина оранг-сини женится на женщине кубу. Браки между мужчинами кубу и женщинами оранг-сини более редки. Согласно традиции мужчина переселяется в их селение. Женщина кубу редко идет в селение оранг-сини. Если женщина оранг-сини выходит замуж за кубу, молодая пара поселяется в деревне кубу. На мой вопрос,

почему мужчины оранг-сини довольно охотно женятся на кубу и переезжают в их деревни, мне ответили, что женщины-кубу, когда они хотят, чтобы мужчина пошел за ними, прибегают к гуна (магии).

Приезжаю с Амином в кампунг кубу. Пусто, нет никого, кроме детей и одной старушки. Фотографирую жующую сири (бетель) бабулю. Такая славная старушка, но до чего похожа на бабу-ягу! Где остальные жители? Собирают ротанг. В один сезон кубу заняты ротангом, который они срезают в джунглях на берегах реки Лалан, а в другой валят деревья. Здешние хижины на сваях не выглядят такими прочными и добротными, как хижины оранг-сини, но это и не шалаши на плотках, как у кубу-асли. В хижинах много горшков, корзин, кое-где можно увидеть даже шкафы. Около хижин — тщательно обработанные палисаднички. Деревца, которые местные жители пренебрежительно именуют дичками, оказались молодыми, недавно посаженными банановыми деревьями.

Возвращаемся в Муара Медак. После знакомства с бродячими кубу оседлые, как мне казалось, особого интереса для этнографа не представляют. Каково же было мое удивление, когда, уже покинув селение на реке, по пути в Палембанг я узнал от моих спутников, что у кубу, живущих в Баюнлинчире, имеется собственная письменность, что в качестве писчего материала они используют бамбук и что их письмо уходит корнями в эпоху Шривиджайя! Тщательно переписываю значки. А что, если отдельные группы, которых сейчас без долгих размышлений объединяют под общим названием «кубу», происходят от цивилизованных народов, оттесненных в джунгли во время победоносного наступления ислама? Еще одна загадка... Чтобы ее разгадать, нужно по крайней мере еще раз приехать в Индонезию.

Живя в Муара Медаке, я неоднократно убеждался, что оранг-сини, как и все индонезийцы, довольно легкомысленный народ. Как-то я дал лекарство парнишке, у которого в течение десяти дней не прекращалось кровотечение, и строго наказал прийти за лекарством на следующее утро. Лекарство, видимо, помогло, и парень больше не появлялся. Точно так же вела себя женщина, у которой я лечил загноившуюся рану на ноге. Положив пенициллиновую мазь и сделав перевязку, я при-

гласил ее прийти ко мне завтра на осмотр. Конечно, она не пришла. Наверное, ее напугало мое требование не только выстирать с мылом бинты (это ей было понятно, так как одежду здесь стирают с мылом), но и прополоскать в кипяченой воде. Слыхано ли такое!

Запасы лекарств иссякли, нет больше пенициллиновой мази и средств от кожных болезней, поэтому мой отъезд, я думаю, никого не опечалит. Когда на реке появился «Салуанг» — кораблик, плывущий из Баюнлинчира в селение, откуда на автобусе можно добраться до Палембанга, — я погрузил на него свои лары и пеналы и сел сам.

Перед отъездом произошел пренеприятный разговор с Амином. Он, дескать, для себя ничего не желает, ему достаточно подарков, которые я ему оставил, он, мол, ездил со мной по дружбе, но вот его племянник (парнишка, какое-то время состоявший при нас поваром и прачкой)... Ему я должен заплатить пять тысяч рупий. Оторопев от этой неслыханной наглости, я все-таки даю немного денег, хотя прекрасно понимаю, что никакому племяннику они не достанутся.

На корабле много молодежи, направляющейся на учебу в среднюю школу. Среди плывущих много мусульман, но, хотя сегодня пятница, молящихся мало. В полдень свои молитвенные коврики расстилают всего двое мужчин и одна женщина, которая отбивает низкие поклоны, предварительно облачившись в какое-то сложное белое одеяние и повязав тесемкой платок на голове. Остальное время она перебирает четки и безуспешно пытается склонить к молитве весело щебечущих девушек.

Река Лаланг — двести, а может быть, и меньше километров длиной — впадает в морской залив, так глубоко врезающийся в сушу, что скорее напоминает реку. Тем не менее на карте он обозначен как залив.

Сойдя на берег, сразу же кинулся на поиски попутной машины до Палембанга. Нашел грузовик, владелец которого согласился меня прихватить, и даже бесплатно. Пока ждал шофера, разговорился с другими пассажирами, среди которых был один офицер административной службы. Он был затянут в мундир, на голове фуражка военного образца, под мышкой тросточка — ни дать ни взять английский офицер. И изъяснялся он исключительно по-английски. Индонезийский употреблял

только в разговоре с местными жителями, но при этом всем своим видом старался показать, что он человек цивилизованный, не то что «эти»... Меня его скверный английский раздражал, и я отвечал ему по-индонезийски.

Но вот мы наконец тронулись с места и поехали через лес. Глазам открылось поразительное зрелище — горели джунгли. Но что меня удивило больше всего: ни на кого это не произвело ни малейшего впечатления. Горит и горит — обычное дело. Километрами тянулось пепелище, временами то тут, то там вспыхивали языки пламени, правда, не настолько большие, чтобы представлять для нас опасность. Лесные пожары, объяснили мне, полезны: после них легче корчевать землю, строить дома, охотиться на дичь, которая бежит от огня, рубить упавшие деревья.

В Палембанг прибыли поздно вечером и подкатили к самой семинарии, где меня тепло встретили, помогли снять багаж, накормили ужином. В преподавательской столовой подали как индонезийские, так и европейские блюда. Обычно я предпочитаю индонезийскую кухню, но тогда, увидев рис, попросил какой-нибудь европейской еды.

Перед самым отъездом мне представилась возможность осмотреть дворец одного местного магната. Это настоящий музей, построенный богатым палембангцем, служившим в голландской администрации на Суматре и влюбленным в ее национальную культуру. Поехали туда с миссионером Бюхлером и двумя преподавателями. На высокой лестнице нас встретила свояченица хозяина, голландка, исполнявшая обязанности хранительницы дворца-музея. У порога сняли обувь: пол устлан коврами и циновками. В огромном холле — роскошные кресла, похожие на троны монаршей пары в зале для приемов, но это были кресла для новобрачных, в которых они восседали во время бракосочетания. Перед креслами на столике — книга для посетителей, куда и мы вписали свои имена. Потом побывали в комнате, где невеста провела последние часы перед бракосочетанием. Все сохранилось в том виде, как было во время свадьбы хозяев дома. Однако в этом музее царил атмосфера жилого дома. Действительно, здесь кто-то жил. В серванте мы увидели коллекцию кукол — хобби хозяина. Не было только хозяйки. Во дворе нам показали рос-

кошный и вместе с тем по-мусульмански скромный склеп. Под двойной крышей — низкое каменное надгробие и два камня. Рядом оставлено место для мужа.

В парке олени, статуи. Скульптор, как оказалось, жил в доме своего хлебо-, а точнее, рисодавца.

Поблагодарив за любезный прием, вышли на улицу. Было невыносимо жарко. Если бы мы побывали в настоящем суматранском, а не голландском доме, подумал я, нас непременно бы угостили чаем со льдом, кофе или чем-нибудь еще. К счастью, в семинарии не было недостатка в питьевой воде прямо из холодильника.

ПОТОМКИ МАДЖАПАХИТА

Хотя моя главная база находилась в Джакарте, Яву я видел лишь тогда, когда уезжал подальше от её столицы. И дело здесь не в том, что Джакарта, расположенная в западной части Явы, населена не собственно яванцами, а родственными им сунданцами¹⁰. В этом огромном шестимиллионном городе, как в горне, переплавились сотни различных племен и народов. Вот почему нередко случается, что иностранцы, много лет прожившие в Джакарте и повидавшие Богор, Боробудур и Пунчак, не знают Явы и яванцев. Ознакомление с островом и его населением, помимо всего прочего, затруднено чрезвычайной языковой сложностью. Для того чтобы научиться свободно говорить по-явански, нужно фактически овладеть тремя языками: на одном вы будете беседовать с теми, кто занимает одинаковое с вами социальное положение, на другом — с вышестоящими лицами, на третьем — с людьми, находящимися ниже вас на социальной лестнице. Я уже не говорю о том, что существует четвертый язык — кромо-ингил — придворный. Яванцы свято хранят традиции и бережно относятся к своему языку. Среди жителей Суматры яванского происхождения я встречал людей, приверженность которых ко всему яванскому так велика, что они, зная индонезийский язык, не желали им пользоваться.

Однажды мы с миссионером Леховичем зашли к одной вдове, женщине весьма интеллигентной, энергичной,

¹⁰ На самом деле джакартцы — это отдельная от яванцев и сунданцев народность. — *Примеч. ред.*

поразительно много знавшей о Яве и ее жителях. Прекрасно владея яванским языком, она старалась без крайней нужды не употреблять индонезийских слов. Как я ни старался вынудить ее говорить по-индонезийски, какие провокационные вопросы ни задавал, она весьма любезно отвечала по-явански, а Лехович переводил. В конце концов и я научился говорить «монго» и «матер» вместо «селаMAT» и «терима касих» (приветствие и выражение благодарности). Во время бесед с простыми людьми, крестьянами и рабочими, нередко заходила речь о языке. И всякий раз мои собеседники подчеркивали изысканность («халус») яванского языка и грубость («крас») индонезийского. Особые трудности возникают у яванцев, когда они, говоря по-индонезийски, пытаются что-либо уточнить или выразить свое особое уважение к собеседнику. В этих случаях их родной язык просто незаменим.

Когда яванцы спрашивают, владею ли я их языком, я не говорю «нет» — это прозвучало бы невежливо. Я говорю «пока нет». Звучит обнадеживающе, хотя я глубоко убежден, что временное «нет» таковым останется навсегда.

Еще одной, очень важной для меня поездкой в глубь Индонезии была поездка на Малые Зондские острова. На Флорес время от времени ходило небольшое судно, принадлежавшее миссии и приписанное к порту Сурабая. Узнав о времени отправления, я поспешил на вокзал за билетами. Приобрести билет до Сурабаи оказалось делом непростым. В окне, где продавались билеты на экспресс малам (ночной экспресс), мне сказали, что я должен обратиться в окно № 5 (справочное). В окне № 5 выдали бумагу, с которой я пошел к начальнику станции и которую тот подписал, направив меня в окно № 9, то, с которого я начал свои скитания. В окне № 9 на моей бумаге сделали какую-то пометку, после чего я проследовал к окну № 5, откуда вышел сотрудник, взявший в кассе № 9 билет и вручивший его мне. С этим билетом я снова побывал у начальника станции, где получил плацкарту. Так я приобрел билет до Сурабаи.

Экспресс малам состоял из одних вагонов второго класса. Билет вместе с плацкартой стоил всего тысячу рупий. Меня это вполне устраивало — как-никак эконо-

мия. В дневном поезде кроме вагонов второго класса есть и вагоны первого класса (2 тысячи рупий). Вздумаю я ехать дневным поездом во втором классе, это произвело бы неблагоприятное впечатление. Есть здесь еще настоящий экспресс (3600 рупий) и безумно дорогой поезд со спальными вагонами и всяческими удобствами (около 6 тысяч рупий). И все же мое намерение ехать экспрессом малам вызывает у всех недоумение, думают, что я что-то перепутал, чего-то не понял. В посольстве меня отговаривали, на вокзале старались втолковать, что мне нужен другой поезд и меня ввело в заблуждение слово «экспресс», что в Индонезии экспресс не такой, как в Европе, и мне следует ехать лимексом или бимой (шикарный ночной экспресс с удобствами). Мои доброжелатели успокоились лишь после того, как я сказал, что прекрасно знаю все об индонезийских экспрессах, но мне, специалисту по национальной культуре Индонезии, подобная поездка даст прекрасную возможность ознакомиться со страной и ее жителями. Если так — другое дело. Если я иду на жертвы во имя науки, меня не будут отговаривать от поездки избранным мной поездом.

Вагон набит до отказа. На лавках, сплетенных из ротанга, мест не хватает. Несколько человек расположились на полу, и никого это не удивляет. Все время снуют разносчики. Торгуют напитками, всевозможной едой, плетеными веерами. Пришел даже бродячий книготорговец. Предлагает какие-то детективы, индонезийские газеты, английские журналы. Когда я отказываюсь, молодой человек доверительно шепчет: «Не хотите ли порно?» На положительный ответ он, по-видимому, не рассчитывал, так как, не дождавшись ни слова, исчез. Спросил так, на всякий случай.

За окном вагона сельский пейзаж, напомнивший мне Польшу. Желтые поля чередуются с зелеными. Плантации риса пока не видно. Они появятся ближе к Сурабае. В ручьях, мимо которых мы проезжаем, часто можно увидеть сердцевидные, похожие на польские нереды загоны для рыбы.

В Сурабае я поселился в лосмене — небольшой дешевой гостинице — и сразу отправился к редактору «Сурабая пост» господину Абдул-Азизу, с которым у нас есть общие знакомые. От него узнал, что завтра в связи

с праздником урожая на острове Мадуро будут происходить традиционные гонки бычьих упряжек — излюбленный национальный спорт мадурцев. Мой новый знакомый сказал, что мне непременно нужно туда съездить.

На следующий день бемо¹¹ привез меня в порт. В поисках причала, от которого отправляются суда на Мадуро, наткнулся на пост — не то армейский, не то полицейский. Солдатам, видно, хотелось поболтать. Они угостили меня кофе, жареными бананами. Посмеялись, пошутили. Потом комендант дал одному из парней ключи от своего автомобиля, и меня отвезли прямо на корабль.

Суденышки, курсирующие туда и обратно по Мадурскому проливу, были набиты битком. Впрочем, для Индонезии это обычное явление. Крупногабаритный багаж лежал даже на крыше, там же разместились некоторые пассажиры. Кондуктор, которому приходилось, словно кошке или обезьяне, лазать по всему судну, во время пути собирал плату за проезд (25 рупий). Никаких билетов, никаких формальностей.

Сойдя на берег, узнал, что мне предстояла еще поездка на автобусе или такси. 113 километров! Знал бы — не поехал. Нашел автобус, который, как водится, набит людьми. Однако втиснулся, кто-то всей своей тяжестью лег на мою спину, от духоты нестерпимо захотелось пить. По пути ни разу не попались мои любимые джеруки! Были какие-то неизвестные мне мелкие плоды, которые едят неочищенными. Но их покрывал такой слой пыли, что я не решился попробовать, а манго не люблю.

Несколько человек вышло, меня приглашают сесть на освободившееся место. Но куда там! Пока я протискивался, его заняли пожилой мужчина и юноша. Через минуту освободилось место около меня. Я уж совоём было собрался сесть, как вдруг к нему подлетел молодой человек и, опередив меня, уселся. Но тут один из пассажиров сделал ему замечание: так вести себя некрасиво, второй раз молодые люди не дадут сесть человеку постарше. Юноша, смутившись, встал, а вступившийся за мои интересы пассажир извинился передо

¹¹ Бемо — маленькое трехколесное такси. — *Примеч. ред.*

Мной по-английски. Я поблагодарил его по-индонезийски. Завязалась общая беседа. Меня спросили, откуда я, куда еду. Наверное, на гонки в Памекасан? Ну что ж, я приеду вовремя: состязания начнутся в одиннадцать. Карапан сапи (бычья бега) будут проходить на стадионе. Выйдя из автобуса, попрощался со всеми, пожав не менее десятка рук.

К сожалению, я не мог в пути фотографировать: вначале мешала толча, а потом я оказался у окна в левой стороне автобуса, где ничего любопытного не было. Все интересное проплывало справа — поля, террасами спускавшиеся к морю, берег моря с бесчисленными рыбацкими лодками, солеварни.

Пляжей на берегу нет, хорошо видна топкая, заливаемая во время приливов прибрежная полоса и стоящие неподалеку от берега на якорях небольшие суда, среди них прелестная белая лодочка с двумя гребцами по бортам. Впервые видел, как делают лодку-долбленку.

Наконец въехали в город. Остановились на небольшой базарной площади около католической церкви, которую я сначала принял за протестантскую. Меня сбил с толку большой щит с надписью «Gereja katolik». Подобными щитами оснащены все индонезийские учреждения, а также протестантские церкви. На костелах они встречаются сравнительно редко. К стадиону меня подвозит бечак (велорикша).

Купив за 25 рупий билет, прохожу на переполненный стадион. Решив, что самое удобное место около судейской трибуны, направляюсь туда. Вместо пропуска держу кинокамеру. Перешагиваю через ограждение и оказываюсь перед трибуной. Какой-то чиновник в форме наклоняется ко мне, кричит, чтобы я шел к месту старта — оттуда удобнее снимать. В ту же минуту рядом со мной вырастает солдат в полном обмундировании (правда, без винтовки). Чиновник бросает какую-то бумагу, солдат поднимает, и мы с ним идем до ближайшего поста, где меня вместе с бумагой передают следующему солдату, тот ведет меня дальше, до третьего солдата. И вот я на старте. Здесь уже вертится несколько человек с кинокамерами: какой-то толстяк, немец или австриец, без умолку болтающий со своей спутницей, японец, идонезиец с Мадуры, оказавшийся кинооператором-

любителем, и молодой человек, студент из ФРГ, изучающий производство батиков в Джокье.

Но вот на стадионе появляется группа людей — в широких брюках, блузах и в одинакового цвета головных платках. Они сопровождают пару быков, спокойно идущих к старту. У стартовой линии их, дергая и толкая, устанавливают, гладят головы, морды, время от времени какому-нибудь быку вливают в ухо воду и потом выливают. Смысл этой процедуры для меня остался неясен — то ли она доставляет животному удовольствие, то ли раздражает его, побуждая бежать быстрее. На быках яркая, многоцветная упряжь, местами позолоченная, увешанная флажками и зонтиками. Животные впряжены в повозки — нечто вроде коротких саночек, на которых сидит возница.

Итак, обе участвующие в забеге упряжки стоят на белой стартовой полосе. Раздается сигнал, возницы усаживаются поудобнее, погонщики поднимают палки, снабженные шипами, судья взмахивает флажком, и на бедных животных обрушивается град ударов. Обезумевшие от боли, они берут с места в карьер, все увеличивая скорость. Возницы держатся за хвосты. Упряжки несутся по полю, пересекают линию финиша, поворачивают и останавливаются. Мегафоны сообщают результат забега. Победители ликуют. Солдаты прогоняют темпераментных болельщиков, выбежавших в пылу состязания на поле. Мне понятен их азарт — зрелище так возбуждает, что и мне трудно устоять на месте. Остаться равнодушным просто невозможно. Я был увлечен не меньше, чем остальные зрители, мысленно подгонял животных, горячился. А ведь мне, по существу, должно быть все равно, кто выиграет, какая упряжка придет первой. Другое дело — мадурцы. Это их традиционный спорт, у каждого свои фавориты, за которых они болеют. Страсти накаляются до предела.

Во втором туре случилось так, что измученные животные легли на землю, отказываясь бежать. Служителям пришлось оттащить всю упряжку за линию старта. Быков подняли на ноги, ласково что-то сказали. Их нужно было заставить снова встать у стартовой полосы в ожидании сигнала и снова принять серию ударов. А погонщики не жалели сил, о чем свидетельствовали кровавленные бока животных.

Погонщики хлопочут около быков, упряжки мчатся по полю, а я бегаю вдоль стартовой линии — пот заливает глаза, капает на аппараты, стирать его нет времени, — снимаю фильм, фотографирую, меняю пленку.

Финальный забег, в котором участвуют победители всех предыдущих забегов, я смотрю, стоя на бочке, подпирающей ограду. На поле три упряжки. Объектив не в состоянии охватить все сразу. Один из возниц вываливается из возка, хромая, идет по полю, а его разогнавшийся бык мчится дальше.

Наконец — раздача призов. Снимать невозможно — на поле плотной толпой сгрудились возбужденные зрители. Победитель буквально сгибается под тяжестью призов. Даже самые сдержанные люди вопят от восторга. В воздух несколько раз взлетает велосипед — одна из многочисленных наград. Чтобы оценить важность и значительность этого соревнования, достаточно посмотреть на призы. Первый приз — кубок от президента Индонезии. Кубками меньших размеров согласно занятому месту награждают победителей губернатор Восточной Явы, мадурец, почетный руководитель сегодняшних состязаний и страстный любитель этого вида спорта, а также местный бупати.

Призов много — кубки, ящики с лимонадом, велосипеды, транзисторы, — но самые интересные из них — телята, которые привязаны у забора, демонстрируя прикрепленные к шеям таблички с надписями: «I приз», «II приз», «III приз». На спинах — те же цифры, нарисованные белой краской. Победители гонок получают этот традиционный подарок: из сегодняшнего молодняка вырастут могучие быки — участники будущих соревнований. А пока в ожидании того часа, когда они в роскошной упряжи станут перед трибунами стадиона, их будут холить, поить пивом, ласкать и любить.

Телят и взрослых животных под звуки музыки уведут с поля, а мне пора подумать о возвращении в Сурабаю. По дороге со стадиона знакомлюсь с сотрудником одного из ведущих журналов, «Компас», приехавшим сюда специально на состязания. Сейчас он сообщит по телеграфу о результатах в свою редакцию в Джакарте. Недавно я послал в «Компас» заметку о своей работе среди кубу. Журналист представил мне своих детей — красивую девушку и юношу, и все вместе мы направи-

лись в ресторан. Но в такую жару о еде невозможно и подумать, поэтому я пью чай со льдом. Мои спутники, не в состоянии съесть блюда, которые заказали, отдают их нищенке, молча стоящей с протянутой пустой мисочкой. Нищих здесь много. Пока мы обедали, вокруг нас топталось человек пять. Трудно сохранять на лице выражение спокойствия и безразличия. Вот двое ходят с носилками, на которых сидит калека-карлик.

Переехав пролив на пароме, далее до Сурабаи наняли такси.

Отдохнув и приняв ванну у себя в номере, позвонил по телефону Абдул-Азизу и его жене. Немного позже Азиз приехал ко мне, и мы отправились к нему домой.

Его дом — это настоящий дворец. Хозяйка с гордостью показывает комнаты. Осматриваю богатейшую коллекцию резных рукояток для крисов. Их семнадцать, одна прекраснее другой. Все они подарены хозяином жене в дни ее рождения. Вместо цветов. Коллекция смешанная, но подобрана со вкусом. Видно, что хозяйка обожает свой дом-музей. Среди прочих «мелочей» — телефонный аппарат из чистого золота.

— Он здесь как будто не к месту, — смущенно замечает хозяйка.

— Почему же, — говорю я, — разве не по этому телефону Клеопатра звонила Цезарю?

Подают яванский ужин, холодное пиво, кофе с коньяком. Разговор вертится вокруг моих исследований, потом речь заходит о мусульманах в Польше. Господину Абдул-Азизу эта тема очень интересна. Он — хаджи, совершил паломничество в Мекку. Беседуем на индонезийском языке. Хозяевам нравится мое стремление научиться хорошо говорить по-индонезийски. Зная, что я свободно говорю по-английски и по-немецки, Абдул-Азиз и его жена, которые также владеют этими языками, предпочитают вести беседу на языке своей страны. Они уважают его, и мне это по душе. Многие их сородичи, заметил Азиз, пренебрегают индонезийским языком, стараются щеголять английским. Это они считают снобизмом, унаследованным от колониальной эпохи.

Вечер окончен, Азиз отвозит меня в лосмен. Я настолько устал, что заканчиваю свои заметки только на следующий день.

Я решил осмотреть местный музей, но оказалось, что

музея, как такового, здесь пока нет. Существует лишь несколько экспонатов, хранящихся в небольшом зале одной из школ. Инвентаризация не ведется, о реставрации и консервации и говорить не приходится. Мне, конечно, хочется помочь, что-то посоветовать. Взяв в руки две старинные, судя по всему, XVII века, карты Явы, объясняю, что нужно сделать, чтобы уберечь их от разрушения.

Второй «отдел музея» находится в другой части города, где под открытым небом разместились старинные изваяния, над которыми возвышается огромная статуя Будды, стоящая на цоколе. Шея Будды увешана четками, в руках свежие цветы, в кадилънице пепел: этот каменный Будда для посетителей — не только памятник старины.

После осмотра едем к одному из деятелей культуры Индонезии, судя по всему, занимающему высокое положение. В ходе беседы о моей работе, о постановке музейного дела и консервации памятников старины на Яве выяснилось, что мое мнение целиком совпадает с мнением собеседника. Времени у моего хозяина мало, он должен принять еще множество важных гостей: празднества на Мадуре сильно оживили интерес к Сурабае, сюда приехала масса разных чиновников. Прощаясь, хозяин обещает предоставить в мое распоряжение машину.

Зоопарк в Сурабае считается лучшим в Индонезии. Ну как туда не зайти! Большинство животных мне хорошо известны, однако есть такие, ради которых стоило сюда специально приехать. Взять хотя бы знаменитых «драконов» острова Комодо, о которых в первую минуту я подумал, что это маленькие крокодилы. Или казуары с Молуккских островов — огромные черные птицы, шеи которых словно повязаны красно-голубыми шарфами со свисающими концами. Ни дать ни взять увеличенная карикатура на индюка в костяном шлеме на голове. Увидев в зоопарке суматранского медведя, подумал, что таким будет мой маленький любимец из селения кубу, когда подрастет. Как во всех зоопарках на свете, здесь также играют, шалют, попрошайничают медвежата, большие любители бананов. Есть несколько интересных птиц. По некоторым из них можно судить о том, как выглядят в натуре те или иные символы. Так, например,

великолепная легендарная птица Гаруда на деле оказалась обыкновенным крупным малосимпатичным морским орлом.

Обедаем в маленьком ресторанчике на территории зоопарка, а вечером я встречаюсь с разными людьми, у которых могу приобрести нужные для музея вещи. Мне предлагают комплект кукол для ваянга клитик¹², показывают копье, относящееся к эпохе Маджапахита. Вот что удивительно: эпоха Маджапахит миновала несколько столетий назад, а древко копья выглядит как новенькое... Какой-то молодой человек пытается всучить мне под видом памятников старины несколько современных поделок. К счастью, я сразу определил, что его «оригиналы» созданы в годы правления «раджи» Сухарто. Мне кажется, слово «Маджапахит» перестало для них означать какой-то конкретный период истории, а сделалось символом всего того, за что турист должен платить деньги.

Наутро я отправился в отдел культуры вместе с директором музея, господином Прайого на машине господина Крисно Хартоно, милого, скромного человека, владеющего кроме индонезийского двумя яванскими, английским, немецким, голландским и, как он говорит, немного французским языками. Должен отметить, что яванские интеллигенты вообще знают много языков. Возможно, лингвистические способности развивает у них невероятно сложный яванский язык.

Мы побывали в нескольких учреждениях. Понятно, почему триста визитных карточек здесь легко разошлись за три месяца, тогда как в Польше какой-нибудь сотни хватает на несколько лет.

Посетили музей Моджокерто. Музейные залы здесь весьма интересно отделаны и буквально забиты изваяниями. Мне особенно понравилось стоящее в центре скульптурное изображение Вишну на Гаруде. Хотелось бы приобрести открытки или каталоги, однако сотрудники музея ни о чем подобном и не слыхивали. Затем нанесли визит бупати, где нас угостили чаем со льдом, пирожными. Во время беседы я выразил сожаление по поводу того, что музей никак не рекламируется. Нет даже почтовых открыток с фотографиями наиболее инте-

¹² Ваянг клитик — театр плоских деревянных кукол с кожаными подвижными частями без теневого экрана. — *Примеч. пер.*

ресных статуй. По всей Индонезии продаются открытки с одними и теми же видами: Бали, мечеть в Джакарте, гостиница «Индонесиа», Прамбанан, Боробудур. Почему бы не выпустить открытки с изображением местных достопримечательностей? Пусть индонезийцы редко пишут письма и открытки, но туристы, особенно американцы, посылают их буквально отовсюду. Бупати загорелся моей идеей, начал размышлять о возможностях рекламы, а я пообещал прислать в качестве образцов каталоги Краковского этнографического музея.

В доме бупати я увидел четыре прелестные статуэтки — прекрасно выполненные копии. Одна из них изображает покровителя ученых Ганешу. Хорошо бы посмотреть мастерские, где их изготавливают! При виде фигурки восьмирукой богини все смеются и смотрят на меня: мол, вам бы столько рук — можно было бы одновременно фотографировать, снимать фильм, писать. Разговор заходит о моей поездке на Мадuru. Эта тема живо интересует всех. Говорят, что гонки быков имеют не только мадурскую, но и общую восточнояванскую традицию. На Мадуре же они получили особенно яркое выражение.

Далее наш путь лежит в Травулан. Осматриваю музей и археологические раскопки, которые ведутся на месте древней столицы Маджапахита. Памятники старины здесь находятся преимущественно под открытым небом. Рядом со статуями высятся горы щебня. Сторожа (честь им и хвала) зорко следят за тем, чтобы ни один камешек не попал ко мне в карман. А если сюда придет сразу несколько больших групп туристов? Я думаю, не только обломки, но и целые фигурки могут перекочевать в их сумки. Перед зданием музея висит карта-план древней столицы.

За оградой мальчишки торгуют предметами, изготовленными в мастерской напротив. Идем туда. Должен сказать, что выполненные здесь бронзовые копии ничем не отличаются от оригиналов, насчитывающих несколько сотен лет. Парнишки поменьше продают керамические головки, сделанные не в мастерских, на устройство которых требуются определенные капиталовложения, а кустарно, их собственными руками. И, надо сказать, головки очень хороши.

Когда мы уже сели в машину, к нам присоединился

гид из музея. После блужданий по каким-то закоулкам и переулкам мы наконец подъезжаем к Варингин Лаванг — воротам XIII века. Обнаруживаю здесь нечто весьма знаменательное — в одной из щелей в стене торчат цветы и обгоревшая ароматическая палочка... Что это значит? Видимо, мусульмане-яванцы хотят жить в мире со сверхъестественными силами.

Мы осмотрели также еще одни ворота XIII века, Баджанг Рату, построенные в балийском стиле. Это понятно — остров Бали входил в состав империи Маджапахит. На красной кирпичной стене четко выделяются рельефы. Особенно порадовали мое сердце музейного работника крепкие металлические конструкции, которые предстали моим глазам, когда я вошел в храм. Значит, здесь все-таки занимаются консервацией памятников старины!

За машиной гурьбой бежали ребяташки, маленькие смешные обезьянки, следом за ними — взрослые. Здесь я впервые столкнулся с тем, что за согласие позировать перед кинообъективом просят вознаграждение. Сначала девушка, потом пожилая матрона. Мои спутники протянули им пять рупий, и те приняли с радостью. После этого, к великому огорчению детворы, громко кричавшей «Present, present!», мы уехали.

По пути я с любопытством рассматривал заборы, какими крестьяне огораживают здесь свои усадьбы. Изгороди, построенные из кирпичей, сохранившихся с эпохи Маджапахит, выглядят весьма основательно. Среди кирпичей изредка попадались огромные тесаные камни. Я имел возможность убедиться, что использование кирпича в домашнем хозяйстве отнюдь не ушло в прошлое. Только раньше кирпич производили, а теперь его добывают. А как это делается, я видел собственными глазами во время осмотра сорокаметровой кирпичной башни, на верху которой в XIV веке сжигали покойников. Поскольку это интереснейшее сооружение с одной стороны обвалилось, его можно было осмотреть не только снаружи, но и изнутри. Здесь, как и в других постройках Центральной Явы, кирпичи каждого последующего ряда с внутренней стороны слегка смещены, сдвинуты к центру по отношению к кирпичам предыдущего ряда. В высшей точке конструкция завершается огромным замком. Хотя в верхней части сооружения стены скреплены ско-

бами, кажется, что кирпичи держатся на честном слове. Вокруг башни бродило несколько молодых людей с серповидными ножами. Надо полагать, что в одном из близлежащих селений надумали строить стену или забор.

ПО ПУТИ НА ФЛОРЕС

В Сурабае я сел на корабль, который должен был доставить меня на остров Флорес. И вот мы уже подходим к Энде, главному городу острова. Матросы на шлюпке перевозят на берег канаты, которые прикрепляют к тумбам. Здешний порт представляет собой длинный помост, уходящий далеко в море. На него шлюпка поочередно перевозит нас и наши вещи.

Несмотря на то что судно прибыло прямо из Сурабаи, не заходя по пути ни в свои, ни в чужие порты, должен состояться таможенный досмотр. Чтобы упростить процедуру, мы берем только мой ручной багаж — рюкзак с аппаратами. Запертый чемодан пока оставляем в каюте знакомого офицера. Так спокойнее: вдруг таможенники захотят к чему-нибудь придраться. Напрасная предосторожность — таможенный досмотр не состоялся. Благополучно покинув порт, садимся на мотороллер и, подгоняемые дождем, едем в мужской монастырь. От монастыря открывается прекрасный вид на вулкан. Сейчас вулкан спокоен, но могу себе представить, какое зрелище он являет собой во время извержения. И какая возникает здесь паника. На фоне таких драматических событий иногда случаются курьезы. Так, во время одного из последних извержений в городе был страшный переполох, люди в таком ужасе перебежали с одной улицы на другую в поисках безопасного места, что один солдат в спешке забыл как следует одеться и ехал на крыше грузовика в каске, с винтовкой, но без брюк.

Польские миссионеры в Энде пережили только одно извержение, во время которого они глубоко возмутили горожан своим поведением. Вот как это было.

Изучив описания предыдущих извержений, составленные еще голландцами, поляки установили, что вулкан не представляет опасности для города, ибо он извер-

гается в сторону моря. Поэтому они не волновались, а, запаковав на всякий случай все необходимое (вдруг лава изменит направление), спокойно наблюдали за происходящим. Пообедав консервами, они сели играть в карты... И тут прибежал какой-то человек и попросил деятелей церкви взять священные масла и поспешить в церковь соборовать ожидающих смерти людей. Что же он видит? Миссионеры режутся в карты!

Извержение не прошло для города бесследно, было разрушено немало домов. Польские священники приютили многих бездомных людей. Давая человеку ночлег и еду, они, конечно, не спрашивали, католик он или мусульманин. Это произвело впечатление на многих мусульман.

Для Флореса религиозный фанатизм нехарактерен. Энде в этом смысле исключение. Там время от времени бывают неприятные эксцессы, выступления, направленные против польских миссионеров. Между тем поляки приносят здешнему обществу большую пользу. Так, миссионер Клеменс руководит большой кожевенно-обувной мастерской, в которой трудится восемь работников. Они не только чинят старую обувь, но и шьют новую, а также изготавливают упряжь, седла. Кто-то из миссионеров содержит столярную мастерскую, еще кто-то — прекрасно оборудованную типографию. При типографии имеется книжный магазин.

Дождь на время прекратился, и мы с миссионером Клеменсом поехали в сустеран (женский монастырь) урсулинок, где меня ждет монахиня из Кракова сестра Франциска Лобода. Хорошая поначалу дорога, построенная какой-то австралийской компанией, вскоре переходит во «флоресовскую», как здесь говорят. И эта еще не так плоха. Что ни говори, асфальтовое шоссе. Разве может с ним сравниться транссуматранская дорога, по которой я ехал из Палембанга к моим кубу?

У урсулинок — светопреставление. Бесперывно идет дождь, а их дом наполовину без крыши. Бедняжки как заведенные бегают с тазами и тряпками.

Когда я сказал сестре Франциске, что с первой оказией еду в Ледалеро, она посоветовала подождать — после такого дождя опасно ехать по скользкой дороге, можно упасть в пропасть. Поездку действительно отложили. Нередко случается, что из-за плохой погоды путе-

шественники застревают в Энде на десять дней и больше. Сообщив о том, что наш отъезд откладывается, брат Клеменс предлагает съездить на экскурсию. Прекрасно! Завтра поедем.

Утром после завтрака совершаю небольшую прогулку — еду в епископскую курию. Дорога ведет вверх. Внезапно над цветущими кустами появляется церковь, небольшая и очень аккуратная. Перед резиденцией епископа бьет фонтан в окружении гномов, стоящих возле старинных (португальских) пушек.

Люди здесь ходят в национальных костюмах, сшитых из прекрасной коричневой ткани. Кругом — кокосовые пальмы, вокруг деревьев высятся горы кокосов. В самых неожиданных местах бродят козы, на шеи которых надето нечто вроде ярма. По краям дорог тут и там роятся в земле черные поросята. Видно, что мы находимся в Восточной Индонезии, где мусульмане составляют меньшинство. Приверженцы Мухаммеда селятся главным образом на побережье.

Автомобиль до Маумере отправится сегодня в час дня, дорога займет около шести часов, стало быть, в Ледалеро я приеду в семь, ну в восемь часов. До отъезда остается два часа, и я прошу брата Клеменса подвезти меня на мотороллере до сустерана. Сестра Франциска вызвалась сопровождать меня в прогулке по кампунгу. Фотографирую ее с группой очень молоденьких мусульманок. У всех на головах белые платки: сегодня пятница, девушки спешат к двенадцати часам в мечеть. Увидев сестру Франциску, которую они, по всей видимости, хорошо знают и любят, зовут ее с собой, тем более что она тоже в белом платке.

Вместо часа машина приходит в три часа, а выезжаем мы в пять. Здесь никто не спешит, времени у всех достаточно...

Вид из окна прекрасный. Какие пропасти! Дух захватывает.

Около восьми вечера совсем темно. Делаем остановку в Воловаре. Рядом какое-то строение из бамбука. Это столовая. Есть не хочется, пью кофе. Над буфетом висит табличка с надписью, которую можно перевести так: «Сегодня за наличные, завтра в кредит».

В Ледалеро приезжаем в час ночи. Тьма кромешная. Кое-как разбудили миссионера Пайонка. Хорошо, что

один из моих спутников, знакомый с расположением комнат в семинарии, сообразил, где его искать.

После обеда просматриваем мои вещи с точки зрения их пригодности на подарки и обмен. Неплохо!

Один из польских миссионеров едет в отдаленный приход Ватубала на праздник тела господня, который отмечается в различных приходах на Флоресе в разное время. Я могу с ним поехать. По пути разглядываю местных жителей. Волосы у большинства вьются, лица папуасского типа, кожа темная. А вот совершенно рыжий ребенок — то ли альбинос, то ли один из его предков был белым. А может быть, существует такой папуасский тип?

Многие встречные — верхом на лошадях. Почти у всех к седлам прикреплены длинные бамбуковые трубы для хранения и переноски воды. У большинства мужчин в руках грозные на вид паранги. Проезжаем мимо жалких домишек. Перед каждым входом стоят гробницы, часто более фундаментальные и дорогостоящие, чем сами дома. Поля усыпаны мелкими и крупными камнями, что говорит о близости действующего вулкана. Наконец приезжаем на место. Сарай из бамбука с крестом на крыше — это церковь. Позади нее виден фундамент будущей «настоящей», каменной церкви. Внутри над алтарем большой крест с деревянной фигурой Христа. Стены украшены гирляндами из свежих пальмовых листьев. Жара, священники и прихожане обливаются потом. Среди молящихся есть необычайно интересные типы. Взять хотя бы вот того элегантного господина в белой рубашке, темном пиджаке и в галстукке. Вместо брюк на нем липа, здешний саронг. Это учитель. Хору вторит оркестр. Музыканты — местные жители. Во время мессы дважды выступают танцовщики — девушки, девочки и юноши. Одетые в белые платья девушки выглядят как балерины.

В Ледалеро, куда мы возвращаемся после полудня, готовится какой-то праздник.

Вечером приезжает епископ — темнокожий, худощавый, небольшого роста, веселый человек. Он — горец, а у здешних горцев кожа темнее, чем у жителей приморских районов. Епископ одет в белую сутану с фиолетовой окантовкой. Все очень хвалят польских миссионеров — они не только прекрасные священники и велико-

ленные организаторы, но и хорошие педагоги, перед которыми раскрываются сердца индонезийцев.

С утра начинаются спортивные игры. С интересом наблюдаю, как молодые индонезийцы, следуя традиционным спортивным обычаям, подают друг другу руки, как команды выходят на поле и т. д. Даже в самом бедном кампунге спортивные правила строжайше соблюдаются. Соревнования проходят неподалеку от кладбища; которое привел в порядок Пайонк. Теперь можно праздновать день поминовения усопших, что очень любят местные жители. В здешних деревнях кладбищ, как таковых, обычно нет. Вместо них перед домами ставят две-три гробницы. При этом дом — маленький, бамбуковый, а гробница большая, бетонированная, с большим крестом или мусульманскими столбиками. Хоронят сразу же, как только человек умирает, зато потом в течение пяти дней в его доме бодрствуют. Родственникам это обходится недешево. Приходится забивать борова, варить для гостей кофе и т. п. Что делают гости? Одни плачут, другие, устав от всего происходящего, играют в карты, третьи едят и шумят. В общем обстановка как на христианских поминках.

Если похороны происходят по католическому обряду, на шестой день вечером сколачивают крест из заранее приготовленных досок и вырезают табличку, на которой написано имя покойного и даты его рождения и смерти. Все это торжественно устанавливается на могиле. Пайонк поддерживает этот традиционный обряд, называемый «установлением креста».

Миссионеры стараются организовать не только религиозную, но и хозяйственно-культурную жизнь местного населения. Они, например, ввели террасное земледелие, которое уже существовало в Бали. Нелегко было убедить жителей в целесообразности этого мероприятия, идущего вразрез с местной традицией.

У меня с Пайонком возникает интересный разговор о формах благотворительности. По-настоящему полезным делом он считает построенный им для семинарии водопровод, из которого берут воду и деревенские жители. Давать же деньги взаймы и знать наперед, что они никогда не будут возвращены, по его мнению, вредно. Это только разлагает людей. Другое дело одолжить инструмент и т. п. Но люди просят денег, они не могут

понять, как это у человека, имеющего огромный дом и столько книг, нет денег. Ксендз Пайонк нашел выход из положения: он раздал пятерым нуждающимся какую-то сумму и, когда к нему приходили просить, говорил: «Я охотно одолжил бы тебе, деньги у меня есть, но в данный момент они находятся у такого-то и такого-то. Как только кто-нибудь из них вернет, я дам тебе». Действительно, пока один человек не вернул деньги, другой не может их получить. Проситель не обижается. Важно терпеливо и внимательно выслушать человека, дать ему почувствовать, что его понимают.

Иногда приходится прибегать к уловкам. Когда Пайонк строил водопровод, он должен был выкупить участок земли вокруг источника, оцененный в 30 тысяч рупий.

Владелец участка (учитель, работающий в отдаленной местности и приезжающий сюда по воскресеньям к жене) меньше чем о 300 тысячах не хотел и слышать. К этой сумме надо было еще добавить 35 мешков цемента. Сообразив, что семинарии эта земля необходима, он даже не торговался и твердо стоял на своем. Во время одного из бесчисленных разговоров ксендз спросил его:

— У тебя есть сын?

— Да.

— Было бы хорошо, если бы он вырос и стал священником.

— Да.

— Ты хотел бы, чтобы он учился в Ледалеро?

— Конечно.

— А что ты скажешь сыну: «Иди, сын, в Ледалеро, мы на нем здорово нажились?» Или: «Иди, сын, в Ледалеро, мы им здорово помогли, благодаря нам у них есть хорошая вода»?

Парень оторопел, потом немного подумал и сказал:

— Вы правы, отец.

И продал участок за 35 тысяч плюс цемент.

Миссионер в Индонезии — это не только священник. Он и врач, и учитель, и механик, и медик, и строитель. Один из миссионеров сказал, смеясь, что, если в Польше его спросят, сколько он окрестил язычников, он вынужден будет сказать: ни одного (если не считать тех, кого приносили на руках родители). К нему приходили

совсем с другими проблемами: починить радио, прокрутить фильм и т. п.

Из Ледалеро на семинарской машине еду в Маумере, откуда буду держать путь на Палуе, небольшой островок в море Флорес. В Маумере, на мое счастье, находится пераху¹³ с Палуе, которая вот-вот отправится в свою родную деревеньку.

НА БЕЗВОДНОМ ОСТРОВЕ

И вот я уже в пераху плыву на этот островок. В какой-то момент наша лодка, сильно накренившись, зачерпнула воды. Наблюдая, как матросы возились с парусом, стараясь не дать нашему суденышку перевернуться, убеждался в том, что индонезийцев нельзя считать людьми абсолютно спокойными, уравновешенными. Команды следовали одна за другой и в мгновение ока выполнялись. В результате все обошлось благополучно, если не считать того, что мои магнитофонные ленты поплавали на дне лодки.

В пути решили перекусить. Едим уби каю (маниоку), запиваем водой из большого глиняного кувшина. Уби каю по вкусу похожи на чуть недоваренный подмороженный картофель.

Восход солнца на море необычайно красив. Солнечный диск поднимается из-за гор Флореса. Вода настолько прозрачна, что видно дно. Рядом с нами плывет сампан, парусная лодка с двумя балансирами. Я всегда считал, что сампан более устойчив, чем пераху, но наш шкипер утверждает обратное. Не в состоянии вынести жару, убегаю в кабину, под навес. Впрочем, сдался не один я. Из всей команды только шкипер-рулевой терпит зной.

Мои спутники являют собой истинно меланезийские типы: темнокожие, с вьющимися шевелюрами и довольно богатой растительностью на лице, что отличает их от западных индонезийцев. Время от времени они поют, в основном церковные песни. То ли хотят показаться набожными, то ли такие и есть на самом деле?

¹³ Пераху — большая малайская лодка с кабиной. Используется для плавания как по морю, так и по рекам. — *Примеч. ред.*

Спрашивают, не священник ли я. Получив отрицательный ответ, называют меня «брудер» вместо «патер» (по-голландски). Что ж, брат так брат!

Утром плывем на веслах. Вода прозрачная, голубая, видно дно. Впрочем, это только кажется, что мелко — глубина здесь около ста метров. Рыбы мало. Я увидел всего несколько мелких рыбешек. По словам моих спутников, в районе Флореса много акул, а вблизи Палуе их нет, можно купаться спокойно.

Впереди прямо из моря появляется конус. Это остров Палуе, который с каждой минутой виден все яснее. Приближаемся к берегу. Видны навесы, под ними строят лодки. Похоже, что на здешних верфях нет недостатка в работе.

Став у берега и передав якорь какому-то парню, выходим. Нас окружает толпа женщин и детей. Вынимаю коробку леденцов. Ну и ну — детям ничего не достается: женщины вмиг все расхватали. Одна из них с неприступным видом держит банку, а на лице написано: «Моя, никому не дам». Я, естественно, не собираюсь отнимать у нее добычу. Достаю еще банку и раздаю конфеты детям. Но банка оказывается в руках женщины с ребенком. Как отличаются эти островитяне от деликатных жителей Явы!

Утром, искупавшись в море и уложив в рюкзак фото- и кинопринадлежности, немного провизии, обувь на деревянной подошве, смену белья, отправляюсь в путь. Дорога идет в гору, поэтому приходится останавливаться для отдыха. Чтобы преодолеть каких-нибудь пятьсот метров, мне потребовалось целых полтора часа. Двое сопровождающих меня молодых людей тоже едва переводят дух. По пути мы наткнулись на хижину и попросили у хозяйки кокосовый орех, чтобы утолить жажду. Получаю два — один для себя, другой для моей свиты.

Угостив радушных хозяев сигаретами, отправляемся дальше. По пути встречаем людей, которые несут цемент на строительство церкви в деревне Леи. Идем вместе — то они меня обгоняют, то я их. В Леи входим одновременно. Должно быть, я выгляжу довольно экстравагантно во главе процессии из мальчишек и носильщиков.

Пожилой седовласый человек, стоящий на веранде

дома приходского священника, при моем появлении просто столбенеет. Кое-как ответив на мое приветствие и с трудом придя в себя, он спрашивает, кто я такой. Потом приносит мне питьевой воды, советует отдохнуть, искупаться. Выпив целое море и немного передохнув, снимаю с себя совершенно мокрую от пота одежду и отправляюсь в ванну, потом снова пью, на этот раз лимонад (из американских таблеток) и кофе. После обеда меня провели в комнату для гостей. Вскоре здесь разместится больница, а пока поживу я. Спешу закончить свои заметки при электрическом свете, пока работает движок. В комнате, правда, есть керосиновая лампа, но это совсем не то. В миссии имеется генератор, работающий на керосине. Он дает энергию для освещения миссии, церкви, когда это нужно, и, самое главное, для водокачки. На Палуе нет воды. Крыши церкви, миссии и больницы, в которой я поселился, покрыты листовым железом. Дождевая вода, стекая с них по водосточным трубам, попадает в подземное водохранилище. Оттуда при помощи насосов она подается в кухню и ванную. Местные жители приходят сюда и вручную накачивают для себя воду.

Внизу у самого моря есть нечто вроде колодца. По сути дела, это лишь углубление в земле, обложенное камнями, где скапливается профильтрованная почвой, но непригодная для питья морская вода. Женщины черпаками, сделанными из листьев, берут из него воду. Первый и единственный настоящий колодец построил здесь миссионер. Он сделал все своими руками, без посторонней помощи, если не считать одного мальчика с кухни. Колдуны предсказывали, что до воды удастся добраться только в том случае, если будут принесены в жертву хотя бы три человека. Поскольку миссионер от жертвоприношения отказался, люди боялись, что злые духи сами выберут себе жертву.

Помимо этого колодца и подземных хранилищ дождевой воды на Палуе имеются своеобразные фабрики воды. Они используют пар, который местами бьет из-под земли: ведь остров — это своего рода один большой вулкан. На некоторых участках можно, зарыв в землю, испечь мясо или клубни маниоки. Скалистый грунт, на котором я стою, так раскален, что ноги в ботинках на толстой подошве едва выдерживают жар.

Трещина в земле, откуда идет пар, затыкается толстым стволом бамбука, в который вставляется более тонкий бамбук. В него, в свою очередь, вставляется следующий и так далее. Создается система труб. По этим трубам, часто прикрываемым листьями от перегрева, движется пар, который конденсируется и по капле стекает в подставленные сосуды. Когда воду не берут, трубы тщательно закрывают пробкой из растительного волокна. Островитяне не могут позволить себе потерять хоть каплю влаги.

Однако пора приниматься за работу. Прежде всего я отыскал контурную карту острова и срисовал ее в свою тетрадь. Работаю на веранде, которую буквально осаждает толпа любопытных. Следят за каждым моим движением. Однако, как только я поднимаюсь, чтобы сходить за фотоаппаратом, зрители куда-то исчезают.

Отметив на карте одно селение, расположенное недалеко от Леи, жители которого ведут довольно примитивный образ жизни, отправляюсь в деревню Чавалау, где есть школа и так называемый учительский дом, ничем не отличающийся от других домов деревни. В нем имеется три помещения: комната учителя, комната учительниц и небольшое складское помещение. Сбоку построена кухонька.

В этой же деревне находится тубу, место, где совершается жертвоприношение кербау (буйвола). Это земляной холм, на вершине которого — круглая площадка, обрамленная камнями. В центре лежат большие камни; здесь же на воткнутых в землю столбиках устроен плетеный помост. Ниже главного помоста расположен другой, поменьше. Кербау забивают на главном помосте. В жертвоприношениях участвуют три деревни: Чавалау, Нитунг и Леи. Последний раз этот обряд состоялся две недели назад в Чавалау. Следующее жертвоприношение будет через пять лет. Я не видел всего собственными глазами, но знаю, как все происходит, по описаниям. В последний раз в жертву было принесено два буйвола. Торжество длилось неделю (с перерывами на ночь). Все это время никто не выходил в море, а те, кто плывал, вернулись на остров. Мне сказали, что христиане не участвовали в обряде, но я не очень поверил в это.

На Палуе довольно много языческих жрецов: только в Леи их три; в Чавалау, Нитунге в Косе, на морском

побережье живут жрецы, которые приносят в жертву свиней.

Национальной одеждой местных женщин является саронг. Его носят как пожилые островитянки, так и девочки. Последние иногда обматываются тканью, иногда перебрасывают концы через плечо, как это делают юноши с липами. Саронг уже липы и плотнее закрывает тело. Девочки постарше носят саронг, сложенный вдвое, и обертывают вокруг талии, не закрывая грудь, или, подогнув одну треть саронга, приподнимают его верхний край до половины груди. Обычной будничной одеждой считается саронг, которым обертывают нижнюю половину тела. Его носят с блузкой. Под тонкую прозрачную блузку надевают лифчик. Саронг в виде юбки распространен довольно широко, но чаще все-таки можно видеть саронги с переброшенными через одно или через оба плеча концами.

По праздникам девушки и женщины делают высокие прически, волосы скалывают костяными, а в последние годы пластмассовыми заколками, на руки надевают браслеты из слоновой кости, от одного до пяти на каждую. Девушки обычно носят по одному-два браслета, замужние женщины — больше, часто браслеты из слоновой кости соседствуют с серебряными. В ушах большие «адатные»¹⁴ серьги в виде колец. Говорят, золотые, но, по-моему, это сплав серебра с золотом. Серьги носят в основном пожилые женщины, молодые редко прокалывают уши.

Мужчины чаще всего ходят в рубашках и липах, кто постарше — иногда в одних липах. В будни носят темные липы, в праздники иногда надевают светлые или клетчатые. Мальчики ходят в штанишках или, чаще, в липах, а малыши обоего пола бегают голышом, причем все они чрезвычайно грязны. Вообще одежда жителей Палуе весьма однообразна, что кажется странным для народа мореплавателей.

Местные ткани необычайно красивы, но сколько труда уходит на их изготовление. Нити, из которых делается материя, окрашивают перед тем, как начать ткать, причем в соответствии с будущим узором нити, идущие

¹⁴ А д а т н ы й, т. е. традиционный, соответствующий местному обычному праву — адату.— *Примеч. ред.*

на те части материи, которые должны остаться неокрашенными или будут окрашены в другой цвет, ткачиха обвязывает лыком, защищая их таким образом от проникновения красителя. Вот почему эта красильно-ткацкая техника называется «икат» («вязать», «связывать»).

Когда, вернувшись в Польшу, я рассказал об этом производстве одному из наших специалистов по народному ткачеству, он мне вначале не поверил и, лишь осмотрев мою коллекцию, сказал:

— Я не могу не верить, потому что вижу своими глазами, но понять, зачем люди так усложняют себе жизнь, я не в состоянии.

Была еще одна проблема, которая меня очень интересовала: с кем и когда вели войны местные жители. Как выяснилось, два года назад деревня Нитунга выступила против Рокинроля, который потерял трех человек, Нитунг — одного. Закончить войну помогла полиция, но отношения между деревнями и даже между сторонниками каждой из них и сейчас натянутые. Если прежде молодой человек из одной деревни мог прийти к девушке в другую, то теперь это невозможно.

В качестве оружия на войне использовались бамбуковые луки, отличающиеся от охотничьих тем, что их подвергли воздействию магии. Рассказывают, что врачам в госпитале было необычайно трудно извлекать из ран наконечники стрел с зазубринами. Иногда предпочитали не трогать рану, и пострадавшие ходили с наконечниками, пока они не выпадали.

Для охоты и для военных целей использовались разные стрелы: вока — для охоты на дичь, хубе — на кабана. И те и другие использовались как оружие. Наиболее универсальные стрелы называются рубарабаба. С ними можно идти и на птицу, и на кабана. У рубарабаба и хубе наконечники железные с зазубринами. Недавно, лет десять-двадцать назад, получил распространение еще один вид оружия — сенджата, или подводный самострел, служащий только для охоты на рыбу и распространенный в прибрежных поселках, а также в Туду.

Обедал я вместе с учителями. Женщины ели отдельно, в кухне. На Палуе работают несколько учителей с Флореса и несколько местных. В последние годы девочки-островитянки едут учиться на Флорес. Прежде с

Этим были большие сложности, поскольку, согласно обычаю, женщины не должны покидать остров.

На Палуе одиннадцать школ, которыми руководит миссия. Дети христиан и язычников обучаются совместно. Смешанные браки очень редки, хотя и поддерживаются добрососедские отношения. Когда я спросил Магдалену, местную учительницу, есть ли среди ее подруг хотя одна язычница, она ответила отрицательно. Но это, может быть, нехарактерный пример, потому что Магдалена принадлежит к «сливкам» общества. Она утверждает, что католики не обращаются к языческим жрецам. Вечером я спросил об этом у миссионеров. Обоим точно известно, что многие христиане пользуются услугами их языческих коллег.

Мне сказали, будто ни на одну из двух гор не острове не ступала еще нога туриста, но что на более высокую вершину местные жители поднимаются. Хорошо бы побывать первым на этих вершинах. Сразу станет ясно, что краковский комитет по физической культуре не напрасно выделил мне субсидию как туристу. Увы, оказалось, что на главной вершине уже побывали какие-то австралийцы. Зато к кратеру вулкана до сих пор никто, кажется, не поднимался, даже палуенцы.

В первый же свободный день после полудня отправляюсь на покорение ближайшей вершины — Манунаи, самой высокой точки острова. Ко мне присоединяются ребяташки, причем число их непрерывно растет. Брудер идет на вершину! Сенсация! Ну как мне разогнать мою свиту? С каким бы удовольствием все эти тридцать или сорок любопытных симпатичных голышей полезли бы со мной наверх. Как их спровадить? Спрашиваю, умеют ли они говорить по-индонезийски. Мальчики постарше, видимо обучающиеся в школе, отвечают «да». Тогда я говорю, что хотел бы остаться один. Это их озадачивает, они останавливаются, пропустив меня вперед, и, поскольку идти следом, на почтительном расстоянии, неинтересно, дети разбредаются кто куда. Какой, однако, странный этот иностранец! Даже сумку не разрешает понести. А как горд был бы любой мальчишка, если бы я дал ему мою сумку! Но тогда ни его, ни остальных ребят прогнать было бы совершенно невозможно.

В моем мешке кроме фотоаппарата есть фонарь и

плащ с капюшоном: говорят, что будет дождь. Дождя я не боюсь, а снять прекрасный вид, открывающийся с вершины, хотелось бы.

Все-таки иду на вершину — не хочется, чтобы пропала свободная половина дня. При моем темпе работы у меня не будет оставаться свободного времени для радостей туризма. Моим доброжелателям, которые пытаются отговорить меня от этого предприятия, говорю, что я не сахарный, не растаю. С каким восторгом они повторяют:

— Да, да, брат, ты не сахарный.

Может быть, это выражение останется у них в языке как след славянских культурных влияний?

Если окружающие не считают меня сумасшедшим, то исключительно благодаря миссионеру Глинке, долгое время жившему здесь, научившему их, что эти странные люди из Польши делают массу вещей, непонятных для жителя Палуе, но кому-то для чего-то нужных. Все знают, что мы составляем описание их острова, и очень этим гордятся. Может быть, нужно, чтобы я описал и эту гору?

Сначала иду один. Потом ко мне присоединяется какой-то молодой человек. Мне вспоминаются другие горы и другие люди, часто сопровождавшие меня во время прогулок. Дома мечтаешь о далеких путешествиях, а на экваторе тоскуешь о родине! По пути встречаю женщин с корзинами, прикрепленными к свисающим с головы ремням. Корзины полны щепок. Пользуясь тем, что они нагружены и не могут убежать, фотографирую. Как всегда в таких случаях, женщины смущаются, прячутся друг за друга, смеются. Откуда они несут столько щепок? И все щепки от дерева с красной древесиной. Оказывается, выше в лесу мужчины мастерят лодку.

— Стоит посмотреть. Мужчины обычно работают в адатной одежде, — говорит мой спутник, человек бывалый, повидавший свет (какое-то время он работал в госпитале в Маумере).

При нашем появлении работа приостанавливается.

— Фото, брудер, фото, — с этими словами мужчины образуют живописную группу на стволе обрабатываемого ими дерева и, приняв позы чудо-богатырей, ждут, пока их сфотографируют. Большинство действительно в адатной одежде, с пышными шевелюрами. В центре си-

дит человек в обыкновенной липе, в покупной рубашке и с традиционной повязкой на голове. Делаю снимок и достаю кинокамеру. Все снова замирают по стойке «смирно». Когда я объясняю, что будет фото-хидуп (живая фотография) и что я хочу снять фильм о том, как они работают, мужчины быстро принимаются за дело. Думаю, если бы они всегда трудились в таком темпе лодка была бы готова в течение часа. Поэтому, держа камеру на уровне глаз, терпеливо жду, пока они немногоспокоятся и перестанут демонстрировать свое необыкновенное трудолюбие. После этого начинаю снимать.

Лодка строится на горе, в пятистах метрах над уровнем моря. Интересно, как ее будут спускать? Оказывается, есть специальная дорога.

— Приходите завтра, — весело приглашают меня, — соберется человек пятьдесят-сто мужчин, возьмем лодку на плечи и понесем.

Конечно, приду. Правда, это не будет песта пераху (праздник лодки), но без танцев и музыки не обойдется. Я решил поход в Аву и на Рока Тенда отложить на послезавтра. Рока Тенда — действующий вулкан, последнее извержение которого произошло два года назад, когда под тяжестью камней и пепла проломилась крыша церкви. Мне больше не представится случая присутствовать при спуске лодки на воду.

По тропинке дошел до границы между деревнями Чавалау и Леи. Там на некотором расстоянии друг от друга стоят огромные бетонные столбы с надписью: «батас» («граница»). С одной стороны — название одного округа, с другой — другого и дата установки. Интересное сочетание старины, норм адата, требующего, чтобы границы обозначались при помощи камней, и современности.

На Палуе из камня возведены только два костела и строения при них. Зато эти столбы, перед которыми показались бы ничтожно маленькими пограничные столбы, разделяющие европейские государства, сделаны из самого современного материала, построены на века.

Перейдя границу, начинаем спуск. Здесь мой спутник покидает меня. Дальше начинается не очень крутой подъем. Конечно, это не альпинистское восхождение, но идти в гору в субтропическом лесу — дело нелегкое. Кажется, ничего особенного — вершина Манунаи находит-

ся на высоте 875 метров над уровнем моря, а деревня Леи, откуда я иду,— около 500. Но в данном случае эти цифры ни о чем не говорят. Остров Палуе представляет собой размытые долины, пересеченные отвесными гребнями, а Мануан покрыта густым лесом. Подъем облегчают вьющиеся растения, но порой я хватаюсь за лианы, покрытые острыми мелкими колючками. То и дело останавливаюсь передохнуть. Упорно карабкаюсь вверх и при этом думаю: зачем я туда лезу, чего добиваюсь? Сенсационных сообщений в международной прессе? Я даже не смогу оставить на вершине под грудой камней коробку с визитной карточкой, ибо скоро наступит сезон дождей, которые все размоют, а кроме того, здесь не только коробку — слона можно оставить в кустах, и никто никогда его не найдет. Единственное, чего мне хочется, это поднять тост за преодоление вершины, но выпить не рюмку вина, а аир келапа — великолепный холодный сок кокосового ореха.

Еще раз оглядев все вокруг, рассмотрев с высоты коралловые рифы вокруг острова и немного отдохнув, начинаю спуск. Уже пять часов, а я до шести должен выйти на тропу. В темноте идти опасно. И так я едва не свалился в прикрытую огромными листьями расселину. С трудом удержался, ухватившись за лиану. Она оказалась очень прочной, а вот ствол, на который я попытался опереться, полетел вниз, так как изнутри он был весь изъеден муравьями.

Вдоль границы тянутся возделанные поля; во многих местах на осыпях торчат шести из бамбука, обвитые фасолью. Зеленеет кукуруза. Снова вхожу в лес, но теперь иду по тропинке, и сумерки меня уже не пугают. Скоро должна быть деревня. Ищу глазами башню церкви. Надо сориентироваться, иначе я попаду не в ту долину, а потом выбирайся из нее!

— Брудер, брудер, джалан ини! (Брат, брат, вот дорога!)

Кто это кричит? Спускаюсь по склону. Навстречу мне карабкается голый человек с огромным парангом в руке. Через минуту я окружен людьми. Воображаю, что подумали бы мои близкие, увидев меня в этой ситуации: аборигены в коротких кайнах и с огромными папуасскими шевелюрами; у одних в руках луки, у других похожие на мечи паранги — ни дать ни взять картинка о бес-

страшном белом путешественнике в плену у людоедов. Между тем мои «людоеды», решив, очевидно, что я слишком измучен жаждой, чтобы сгодиться на жаркое, принесли бамбуковую трубку, быстро смастерили из древесного листа кубок и подали мне в нем пальмовую брагу (туак). Пью и диву даюсь: неужели этот великолепный напиток мог мне когда-то не нравиться!

Затем туземцы отводят меня в деревню Каджукери, откуда ведет прямая дорога в Леи. В Каджукери нас встречает радостный гомон. Что это? Людоеды ликуют по поводу новой жертвы? О нет, меня приглашают на завтрашний праздник.

Откуда берутся эти ребяташки? Не успел я показаться в Леи, они тут как тут. И хохочут до слез: один из них по ошибке сказал мне «селамаат паги» вместо «селамаат соре» («доброе утро» вместо «добрый вечер»). В ответ предлагаю считать, что свое «селамаат паги» он сказал на «бесок» (на «завтра»). Опять взрыв веселья.

На следующее утро отправляюсь вместе с двумя женщинами — учительницей Кристиной и Фебронией, единственной на острове медицинской сестрой. Дамы гордо несут аппараты. Отнять невозможно.

Вот и лодка. К ее уже готовому корпусу прикреплена весьма прочная конструкция из бамбука. Роль канатов играют лианы. Несколько десятков сильных рук подхватывают тяжелую лодку, разворачивают ее носом вперед и волокут. В некоторых местах ее поднимают и несут. Так добираемся до крутого обрыва. Здесь носильщики останавливаются, чтобы привязать дополнительные лианы-канаты. Работа спорится. Из-за того что люди разговаривают очень громко, что характерно для жителей Палуе, создается впечатление жуткого скандала. Наконец все готово, и мужчины, взяв в руки канаты, с отчаянным криком бегут вниз. Каким-то чудом все обходится благополучно. Лодка продвигается вперед. Ее то несут, то волокут по земле. Когда дорога становится ровней, за канаты берутся женщины и дети. Минуем одну деревню, в следующей лодку ставят на землю. Здесь ее будут достраивать. Несмотря на то что в этой деревне есть широкая и удобная площадка для строительства лодок, мы не смогли ею воспользоваться, так как она принадлежит другой деревне.

Снимков я сделал в этот день много, но никаких

танцев и веселья не было. Правда, меня угостили коко-сами.

Назавтра после обеда иду в деревню Тео на праздник поклонения дереву. У дерева островитяне будут просить здоровья и благополучия. Во время строительства лодки несколько человек заболели — то ли надорвались, то ли простудились, и люди решили, что дух деревни обижен и хочет, чтобы у него попросили прощения. Иначе, когда лодка выйдет в море, дух может отомстить.

Начинается этот обряд процессией, впереди которой шагает юноша и бьет в гонг, за ним следует другой с барабаном в руках, а третий в колонне стучит палкой по этому барабану. Потом — танцы. Женщины, человек десять, одетые только в саронги, встают в ряд. Среди них один мужчина. На нем лишь набедренная повязка и платок на голове. Все выводят какую-то монотонную мелодию, переступая с ноги на ногу. Танцовщицы великопепны. Многие довольно молоды. Кое-кто сразу же после танца принялся кормить грудью младенцев. Некоторые женщины выглядят старше сорока: здешний климат и условия жизни способствуют быстрому старению.

Далее последовал танец распорядителя праздника с одной из танцовщиц. Наклонившись друг к другу, они топчутся на месте, вертятся волчком, совсем как глухари на току. Танцы будут продолжаться три дня, после чего дерево обязательно смилостивится.

В воскресенье присутствую на богослужении. С любопытством разглядываю верующих. Почти половину церкви занимает плотная толпа женщин в национальных нарядах. Лишь несколько девочек одеты в платья. На многих женщинах черные сатиновые пелерины, более скромные, чем те, какие я видел в Маумере. Зато среди мужчин нет ни одного в адатной одежде. Большинство в липах. Некоторые в брюках. У одного молодого человека замечаю какое-то пятно на липе. А, это остатки клея после отвалившейся фирменной этикетки — свидетельство того, что липа новая. У другого спереди на штанине светлых брюк виднеется красная метка, расположенная вдоль кромки фабричного материала. Что поделаешь — всюду свои обычаи.

В костел входит небольшая группа опоздавших к

началу богослужения мальчиков. Они одеты в брюки или липы.

В воскресенье решил пойти в деревню Тома. В центре деревеньки — большой, крытый железной крышей с просторной верандой дом. Здесь живет моса лаки — жрец. Он радушно меня принял и угостил обедом, который состоял из маниоки со свиной и сока кокосового ореха. Руки после обеда мы моем также кокосовым молоком, а зубы чистим волокнами ореха.

Очень хочу в среду побывать на празднике встречи нового буйвола, купленного на Флоресе. Главное торжество, правда, состоится в Чавалау, но пераху с животным должна пристать к берегу у деревни Тома. Я не совсем уверен, что моса лаки будет в восторге от моего присутствия на празднестве, но это его дело.

Пользуясь случаем, спрашиваю у него, как хоронят людей, погибших в море. Вот что узнаю: если смерть наступила неподалеку от Палуе, покойника хоронят на острове так, как это здесь принято; если же человек умер далеко в море, труп опускают в воду, а позднее на острове кладут в гробницу банан в одежде покойного. Как раз вчера я осматривал каменную гробницу, в которой лежит банан. Место для гробницы, — а она обычно находится недалеко от дома — определяет моса лаки или выбирают родственники покойного.

Каковы функции моса лаки? Он имеет возможность обращаться непосредственно к божеству Равуле и к духам. Со злым духом Нуту, или Нуту Чани, он не говорит. К злему духу в случае необходимости обращается тот человек, который в нем заинтересован. Равула сотворил людей и духов. У каждого человека есть свой дух — лобо; после смерти человека его дух идет к Равуле, и Равула, если человек был хорошим, его принимает, а если плохим — отвергает. Как происходит это изгнание, мне не объяснили. Кое-что я понял, когда стал узнавать об обряде почитания камней, устанавливаемых во время праздника умерших. Здесь уже не делают различия между плохими и хорошими людьми, никто не остается у Равулы, а все одинаково вселяются в камни. Женщину, отыскивающую камень, который будет посвящен умершему, называют словом, равнозначным нашему слову «акушерка». Я думаю, это следует толковать следующим образом: дух воплощается в ка-

Мень, то есть в каком-то смысле заново рождается, женщина же, нашедшая этот камень, как бы помогает при этом рождении.

Полагают, что Равула — это бог солнца (ра — солнце) и луны (вула — луна). Мне, кстати, приходилось слышать о существовании в этих местах культа луны и о празднествах в честь луны и солнца, связанных с ежемесячным «умиранием» луны и солнца — во время затмений и извержений вулкана на соседнем Флоресе. Во время извержений солнце «желтеет», блекнет. Тогда жители просят Равулу направить лаву подальше от их селений. В обрядах, связанных с культом Равулы, в отличие от церемоний в честь буйвола, участвуют только язычники.

Беседа с моса лаки осложнялась тем, что милый старичок говорил очень неразборчиво, да еще все время с каким-то ожесточением жевал табак. Когда я увидел дочь моса лаки, меня поразили ее зубы, идеально ровные, подпиленные специальным камнем. Моса лаки считает, что, отказавшись лет двадцать назад от обычая подпиливать зубы, женщины много потеряли.

Наутро встаю рано, чтобы попасть в Аву до наступления жары. Говорят, от Авы до вулкана не больше часа ходьбы. В Аве делаю подсчет: час туда, час обратно, час на осмотр вулкана и отдых — таким образом, через три часа я должен вернуться — до наступления самой сильной жары. Я иду на вулкан сразу, с тем чтобы около одиннадцати, самое позднее в двенадцать вернуться обратно.

По дороге на вулкан меня сопровождают два ученика местной школы, которых приставил ко мне учитель. Очень скоро я начинаю понимать, что мальчики абсолютно не ориентируются в лесу, не знают леса, теряются на каждом перекрестке дорог. Единственное, что они хорошо умеют делать, это срывать кокосы и рассекать их тремя ударами ножа. Доведя меня до едва заметной тропинки, они с облегчением вздыхают и говорят: «Она ведет к рану» (к озеру). Увидев, что я не понимаю, кто-то поясняет по-индонезийски: «Ке темпат апи» («К месту огня»).

Прощаюсь с мальчиками, и те, радуясь, что так хорошо справились с заданием, да еще получили по конфете, убегают.

Через некоторое время тропинка сужается, а потом и вовсе исчезает. Мне ничего не остается, как продираться сквозь лес наобум. Наконец натыкаюсь на едва заметную тропинку. Она-то и приводит меня к вулкану. Зрелище не представляет собой ничего особенного: два невысоких вулканических конуса и дымка пара или газа над ними. Склоны выжжены, лишь кое-где посреди черной растительности пробивается свежая зелень.

Осматриваюсь, ищу подходящее место для подъема. Выбрал, начинаю восхождение. Под ногами осыпается лава. Чтобы удержаться, хватаюсь руками за какой-то выступ. Горячо! Теперь я понимаю, почему жители Палуе не ходят на вулкан: кроме того, что это опасно, их ноги (а ходят они в основном босиком) не могут выдержать такую высокую температуру. Я ощущаю жар даже через подошвы. Временами чувствую, как дрожит, сотрясается скала — похоже на грохот поезда, идущего через мост. Болят руки, до крови исцарапанные при падении. Но я уже на вершине. Вижу третий и четвертый кратеры. Побродив немного, обнаруживаю пятый. Мне кажется, если не считать летчиков, пролетающих на своих самолетах над островом, я первый человек, который увидел эти кратеры.

Жарко нестерпимо, солнце печет, вулкан раскален... Иду по отвердевшей лаве, по участкам, засыпанным пеплом, пробираюсь сквозь обожженные заросли. Одежда в грязи, рубашка изорвана в клочья, руки чернее, чем у трубочиста, а впереди еще скалы и еще один кратер. Но я уже валюсь с ног от усталости. Надо идти назад. Давно прошло время, когда я предполагал вернуться в Аву. Без паранга продираться через лес просто невозможно. Вскоре обнаруживаю тропинку и направляюсь по ней, как мне кажется, к Аве. Наконец лес кончается. Что-то блестит вдали. Может быть, это крыша церкви в Леи? Вряд ли. Внезапно передо мной вырастает пограничный столб, отделяющий Чавалау от Леи. Если не найти короткую дорогу, отсюда до Авы три часа ходьбы. Вокруг ни души. Пройдя немного по тропе, слышу женские голоса. Прекрасно, сейчас узнаю дорогу, однако не тут-то было: при моем приближении женщины с криком разбегаются. Может быть, меня приняли за демона? Жду — не вернуться ли? Нет, видимо, испугались до смерти. Продолжаю спускаться и

Вскоре натыкаюсь на большую группу людей, о чем-то взволнованно спорящих. Впрочем, возможно, мне это показалось — местные жители всегда говорят такими возбужденными голосами, что создается впечатление, будто они ссорятся.

Короткой дороги отсюда до Авы не существует, а у меня уже нет сил идти дальше, но идти надо. Послать какого-нибудь ребенка к Кристине? Идея неплохая, но как ее осуществить? Что, если детям не захочется никуда идти? Так и вышло. Ни один ребенок не желает двигаться с места. А сообщить Кристине необходимо. Учитель и какак (старший брат) Кристины живо обсуждают этот вопрос. Может быть, написать письмо и послать его с кем-нибудь в Нитунг, чтобы оттуда его переправили дальше? А может быть, письмо возьмет какак Кристины, который собирается идти в том направлении? Он только сперва отнесет в ремонт испорченный радиоприемник и сделает еще одно дело, а потом пойдет в Аву. А письмо тем временем лежит... Страшно разочлившись, я заявляю, что пойду сам. Моим собеседникам становится неловко. Да еще какая-то женщина принялась их стыдить. В результате посылают трех ребятшек с письмом, а я возвращаюсь в Леи, где священник Маас, увидев меня, поспешно приносит бутылку туака. Добравшись до Леи и придя в себя после двух стаканов туака и такого же количества кофе, я направляюсь в Аву с визитом к «капитану», или, как теперь говорят, «координатору» Палуе. Капитан — что-то вроде потомственного старосты — обещает, что даст мне знать, когда пойдет лодка в Риунг (оказия в ту сторону случается крайне редко). До этого я успею побродить по Аве с его племянницей Домицелой, весьма умной и интеллигентной девушкой. Она может помочь мне в беседах с местными жителями.

В приморских селениях не принято приносить в жертву буйволов, поэтому жители Авы и соседних деревень на праздник буйвола поднимаются в горы, а жители гор спускаются к ним на праздник кабанов. Если буйволов забивают в честь бога, то кабанов жертвуют духам. Праздник кабанов устраивают обычно в тех случаях, когда людей одолевают мыши. Во время жертвоприношений островитяне просят духов заставить мышей взойти на корабль и уплыть на Флорес. Через несколь-

ко дней после праздника делается маленькая модель пераху, которую спускают на воду. Мне показалось странным, что капитан говорит о данном обряде как о главном: я полагал, что этот обряд совершается только во время стихийных бедствий. Кое о чем капитан умалчивает, например о том, что его родной брат, здешний моса лаки, несколько месяцев назад собственноручно зарезал в честь духов кабана.

По поводу истории острова существует две версии. Одну мне изложил капитан, другую я слышал от многих жителей Палуе. Капитан считает себя потомком самовластных правителей, подчинявшихся только каким-то правителям на Флоресе. Палуенцы же утверждают, что здесь никогда не было правителя, власть которого распространялась бы на весь остров, и что по традиции каждый округ представлял собой самостоятельную политическую единицу, не подчиняющуюся никакому правителю.

Вечером около дома Кристины устраиваем нечто вроде вечеринки. Меня просят спеть польскую песню. Я согласился, но только в обмен на палуенскую. Мне она понравилась, хотя и спели ее не очень стройно. Им же из польских песен особенно понравилась переведенная мною песня о собачке, которой любимая жена хозяина отгрызла хвост, а также песни горцев. Смеются, кричат «багус» («хорошо»). Потом — танцы. Меня просят сплясать польский танец. Согласен, но после того, как с ними вместе станцую их национальный танец. И вот я то прыгаю на месте, то хожу взад-вперед, то семеню мелкими шажками, наклонившись вперед и качая головой, как утка. Старинный обрядовый танец в моем исполнении — я одет в подвернутую, как прежде носили, липу — вызывает неопишуемый восторг.

Утром спускаемся в Ону (деревня на побережье, неподалеку от Чавалау), куда вчера прибыли лодки с кербау. В море качается на волнах целая флотилия. Издали доносится грохот барабанов. Вместе с нами на берег прибежали многие жители деревни. Время от времени то одна, то другая женщина, чаще пожилая, взобравшись на камень, танцует, размахивая ветками.

Привезли двух, а не одного, как я полагал, буйволов: одного принесут в жертву, другого съедят потом, во время праздника. Я наблюдаю, как животных из кле-

ток, стоящих на палубе, выталкивают прямо в воду. Два проводника ведут каждого на веревке. Едва ступив на землю, проводники начинают плясать. Толпа неистовствует — пение, крики, танцы. То и дело пожилые женщины пускаются в пляс. Молодые только машут платками или ветками и что-то выкрикивают.

Но вот бычков куда-то увели. Толпа успокоилась. Теперь начинается выгрузка привезенных с Флореса товаров. Это делают женщины. Тут и ткани, и бамбуковые трубки, набитые табаком, и многое другое. Мы не стали задерживаться на берегу и по узкой тропинке возвратились в Чавалау. Еще рано — нет и восьми, — а с нас льет пот. Пьем чай из термоса, пью в основном я, так как Кристине не нравится несладкий чай. Я подозреваю, что дело не в отсутствии сахара, а в том, что Феброния заварила чай по-настоящему, крепкий, а Кристина, как и все индонезийцы, привыкла пить слабый, почти воду. Ее подруги, которым она протягивает стакан, морщатся. Зато аир келапа (кокосовый сок) в деревне пьют все.

Самое важное для меня сейчас — это кербау. Идем к тому месту, где будет совершаться жертвоприношение и где сейчас животным готовится праздничная встреча. Маленькая девочка в адатном наряде с серьезным видом несет в руках чашу из кокосового ореха с какой-то жидкостью, похожей на забеленную воду. Следом идет статная молодая женщина с обнаженным торсом и с подвешенной к голове декоративной корзинкой. На волосах у нее повязка, из которой выступает нечто вроде рогов. И девочка и женщина — члены семьи моса лаки. Это жрицы. Одна из них подходит к бычку, другая — к другому, обе что-то разом говорят животным, окропляют их водой, после чего, подняв с земли уже разрезанные кокосовые орехи, выливают их содержимое между рогами. Все радуются — бычки встречены как подобает. Теперь их можно привязать в сарае, на чердаке которого уже лежат барабаны и гонги. Молодые люди играют одну мелодию за другой. Некоторые из этих мелодий очень похожи на те, что я слышал на Западной Яве, однако, как мне сказали, все эти мелодии родились здесь, на Палуе.

Следующий акт представления разыграется ночью, поэтому сейчас можно спокойно идти домой. Кто-то угощает меня бетелем. Мои спутники протестуют: по их

мнению, мне это не понравится. Я все-таки беру немного, жую. Нет, это не по мне.

Вечером вновь отправляюсь к месту празднества. Мне сказали, что самые интересные танцы бывают именно ночью. Оба бычка спокойно спят — их не волнует весь этот шум, который устроен в их честь. Уже собралось много народу. Женщины танцуют, а мужчины и дети стоят кружком или сидят на камнях. Готовлю фотоаппараты. Все сразу зашумели: «Фото малам!» («Ночные съемки!») Зрелище, которое мне удалось снять в ту ночь, стоило того, чтобы потрудиться.

Число танцовщиц все время меняется: танцует то одна группа, то две или три. Мелькают блузки, нагие торсы, отлетают в стороны привязанные к головам корзины с бетелем, звенят колокольчики на лодыжках танцовщиц, гремят костяные браслеты на руках... Раз, два, три, четыре — и опять: раз, два, три, четыре — мелкие шажки назад, потом вперед, раз, два, три, четыре — вправо... Пыль поднимается из-под ног танцующих, щекочет горло, но танец не прекращается ни на минуту. Особенно неумоима одна совершенно высохшая старушка, ведущая за собой всю вереницу танцующих. Она делает движения ногами, как в свинге, временами поворачивается, приседает, вытянув руки. Я искренне и громко восхищаюсь, и та, видимо, услышав мое «багус», проводит всю цепочку мимо меня.

Порой в танец включаются мужчины. Одни встают рядом с женщинами, другие — позади цепочки и топчутся на месте, повторяя движения женщин, третьи время от времени берут за руку какую-нибудь из танцовщиц. И только один пляшет наравне с женщинами. Он и две танцовщицы — та, что вызвала мое и всеобщее восхищение, и другая, более пожилая, с колокольчиками на ногах — заправила танцев.

В минуты особого подъема танцовщицы что-то выкрикивают звонкими голосами, в остальное время монотонно поют песню-молитву о том, что в деревню привезли кербану, что все теперь будет хорошо и еды будет вдоволь... Смысл песен я с трудом узнал позже, так как никто из присутствующих на празднике не мог перевести их с языка жителей Палуе на индонезийский, тем более что язык песен не современный, а древний.

Домой я иду в сопровождении двух молодых людей.

У последней хижины деревни они вежливо прощаются: «Гобал». Позже я сообразил, что они сказали мне по-английски: «good bye». Не раз наблюдая за тем, как я пишу на каком-то незнакомом им языке, они решили, что это английский — «ингрис». До чего они удивились, узнав, что в Польше пользуются «бахаса поландия», а не «бахаса ингрис». Кроме священников, знающих индонезийский, им приходилось видеть лишь иностранцев, говорящих по-английски, в частности моряков с австралийских судов, которые изредка заходят в Маумере.

Первую половину следующего дня я посвятил своим записям. Были еще кое-какие планы, но их пришлось отложить — очень хотелось спать. Прилег. Разбудил меня грохот воды, бившей по крыше. Ливень! Дети радостно бегали под дождем. Женщины собирали воду, стекающую с крыш домов, не подключенных еще к водохранилищу, в бамбуковые трубы, заменяющие здесь ведра. Они с наслаждением стояли под струями, не боясь намочить саронги. Милые славные палуенцы, как они чистоплотны по природе и как трудно им сохранять чистоту. Дожди идут редко; от горных деревушек до моря далеко — пока дойдешь, снова мокрый от пота. За последнее время два раза ночью шел дождь. Вымылись все, кто только мог, кроме детей: проспали. Теперь наконец и их мордашки избавятся от слоя пыли.

Все мне нравится в палуенцах, кроме их привычки постоянно плевать. Впрочем, это вполне объяснимо: тот, кто жует бетель, вынужден часто сплевывать.

После дождя вновь иду к жертвеннику. Танцы еще не начинались и, видимо, начнутся не скоро. Бычков в загоне уже нет, зато горит огонь: готовится ритуальное пиршество. В горшках варится мясо, а около костра стоят бамбуковые трубы с кровью. Сидя у огня, моса лаки пальцами рвет мясо на куски и раскладывает их по тарелкам, наскоро сделанным из листьев. Некоторым, правда, достанутся настоящие тарелки. Иногда жрец подливает немного бульона, тоже рукой. Когда подошла моя очередь получать мясо, я сбежал, сделав вид, будто мне необходимо что-то срочно снять на другом конце деревни. Прошло немного времени, и я вернулся. Все в один голос сокрушались о том, что мне придется есть не как почетному гостю, а как простому смертному. Я же радовался тому, что моса лаки, кото-

рый мыл руки скорее всего в прошлый сезон дождей, сегодня уже вытер руки об мясо, и куски, предназначенные для меня, отрывал чистыми руками.

Я очень хотел увидеть обряд укладки камней, но прибежавший от капитана человек сообщил, что завтра уходит лодка в Риунг (небольшой порт на северном побережье Флореса), скорее всего последняя перед сезоном бурь. Если ею не воспользоваться, можно на несколько месяцев застрять на Палуе. Когда начнутся ураганы (а они свирепствуют до марта), ни одна лодка не отойдет от берега.

Наскоро прощаюсь с друзьями, раздаю последние сувениры и наутро пускаюсь в путь. «Селамат джалан, селамат бай-бай!» («Счастливого пути!»)

Лодка отчалила... Мог ли я тогда знать, что пройдет немного времени, и ураган уничтожит этот остров. Из одиннадцати тысяч жителей острова погибло тысяча пятьсот. Почти все мужчины были тогда в море. Мало кто из них остался в живых.

Но это — позднее, а сейчас мы осторожно трогаемся с места, оттолкнувшись бамбуковыми палками. Ставим паруса. Вначале кажется, будто лодка стоит на месте, но вот ветер надул паруса, и мы уже мчимся прямо на скалистый островок. Раздается приказ, парус мгновенно поднят и переброшен на другую сторону, и мы благополучно выходим в открытое море.

Где-то на полпути между Палуе и Флоресом нас застигает непогода. Лодку начинает бросать из стороны в сторону. Однако команда спокойна, лишь у рулевого прибавилось дел: надо держать парус.

Поставив лодку так, что гора Келимуту на Флоресе защищает ее от ветра, отдыхаем. Я решаю немного поплавать. Коралловые рифы очень красивы, ими можно любоваться часами. Формы, краски просто необыкновенны. Однако лучше на них не наступать: они довольно острые. Я все-таки наступил на шероховатый и острый выступ. Больно, но ничего страшного — нога цела, могу еще поплавать. Однако наступить на пострадавшую ногу не могу. Заметив это, шкипер заставляет меня показать стопу. Когда он надавливает, я дергаюсь.

— Сакит (болит), — говорит шкипер, после чего отсылает куда-то одного из своих помощников. Тот поспешно приносит большую ржавую иглу и из моей сто-

пы начинают извлекать шипы. Хорош бы я был, если бы эти шипы, вызывающие воспалительный процесс, остались у меня под кожей! Хуже, чем нагноение стопы, для меня сейчас ничего быть не может, разве что воспаление ягодиц, поскольку мне предстоит долгое путешествие верхом. Но эта жуткая ржавая игла... Дарю моему избавителю несколько стальных иголок из своего запаса, и далее операция ведется моими иглами. Теперь остается только продезинфицировать ранки, наложив на них пережеванную мякоть кокосового ореха. На завтра из моей стопы извлекли еще несколько шипов, но теперь я применил испытанное дезинфицирующее средство — водку. Честно говоря, кокос мне понравился больше.

Когда стемнело, второй пассажир, ко всеобщей радости, поймал по радио Палембанг. На позывные этого города — пение петуха — немедленно отозвался наш петух, который был привязан за ногу к крыше каюты.

Переночевав на берегу, утром вышли в море порыбачить. У двух членов команды — луки, у одного — подводная катапульта, с которой он ныряет, остальные ловят на удочку без удилищ. А я решил поплавать, обследовать колонии губок и коралловые заросли. Если бы дельфины и акулы были живописцами, как бы их вдохновляла эта картина! К счастью, в прибрежных неглубоких водах акулы не водятся. После рыбалки мы поплыли в обратном направлении, в Кабуреа, где опять отдохнули. Куда спешить? Что за беда, если путь до Риунга займет не два, а три дня?

На следующей стоянке снова купаюсь. Вода здесь не просто теплая, а прямо-таки горячая, словно ее специально согрели. Дно песчано-илистое, вода мутноватая, рыбы немного, а кораллов и вовсе нет. Может быть, такая высокая температура воды — следствие вулканических процессов?

Вновь полосой идет дождь. От деревни несет запахом гниющей рыбы. Наша лодка качается на волнах. Хватит ли у меня до конца пути чаю — вот что меня беспокоит, потому что пить воду из кувшинов не хочется, а после клубней с рисом (уби) или риса с рыбой мучит жажда. Сегодня на полдник было уби и какие-то сырые «плоды моря». Не в состоянии их проглотить, я потихоньку выбрасываю все обратно в море. Туда же

последовал и высушенный на солнце кусочек ноги черпахи.

Во второй половине дня подходим к Риунгу. Шкипер указывает мне на горы Вангка, куда я совершу свою первую поездку верхом.

ПО ФЛОРЕСУ

От Риунга до Ванγκα не слишком далеко, и если встать пораньше, то до наступления жары можно уже быть на месте. Чамат вручает мне письмо, по которому во время путешествия мне бесплатно будут выделять двух лошадей и носильщиков. Чтобы во время странствия этот бесценный документ не потерялся, мне вписывают его прямо в мою тетрадь для заметок. Чудеса, да и только!

Подъезжает верховой на маленькой, похожей на пони лошадке, берет мой рюкзак. Он отвезет его до ближайшей деревни, а дальше мне будет помогать носильщики.

Всадник ускакал, пообещав через минуту вернуться со второй лошадкой, для меня. А пока я решил поговорить с хозяином, у которого остановился. «Минутка» затянулась. Хозяин, один из немногочисленных здесь католиков (большинство жителей Риунга — мусульмане), собрался на воскресное богослужение. Я пошел вместе с ним. Недалеко есть примитивная часовенка: стол, во время приездов в Риунг миссионера играющий роль алтаря, стул, сидя на котором он исповедует, две скамеечки и несколько деревянных брусков, чтобы стоять на коленях во время молитвы. Сзади пристроен шалаш, служащий чем-то вроде ризницы. Прихожане держатся в сторонке, в тени; учитель произносит молитву, какой-то мужчина, стоя на коленях на деревянной подставке, читает.

Однако богослужение закончилось, а проводника все нет. Обеспокоившись, чамат то и дело выходит на дорогу, чтобы взглянуть, не едет ли тот наконец. Один я сохранял поистине индонезийское спокойствие.

Наконец-то через три часа появляется верховой. Что случилось? Ничего. Ему захотелось пить, и он съездил в кампунг. Наверное, засиделся с друзьями и не поду-

Мал о том, что нам теперь придется ехать по самой жарё. Бедные мы, и бедная лошадка. Прикрыли ей спину циновками, а сверху положили великолепное и, как мне показалось, довольно странное седло. Поскольку поводья слишком коротки и ими управлять нельзя, мне дают длинную толстую веревку. Теперь поехали! Первые несколько метров лошадь пробежала бодрой рысцей, но очень скоро перешла на спокойный шаг. И была совершенно права: надо же дать возможность шагающему рядом проводнику поспеть за нами. Здесь, в Индонезии, кричать на лошадей, как в других странах, не принято. Проехав с полкилометра, встретили всадника. Его лошадка чуть побольше моего гнедка. Всадник отдал мне своего рысака, проводник вскочил на мою клячонку, и мы помчались вперед со скоростью не менее пяти километров в час.

В деревне Риунг мне пришлось немного задержаться, нужно было поговорить со старостой, показать ему письмо чамата. А вот и мой рюкзак — лежит себе у дома старосты. Значит, его еще не отправили дальше. Староста, справившись о моих планах и увидев фотоаппарат, тут же загорелся желанием сняться. На улице происходит настоящее сражение за возможность попасть в кадр.

Пора в путь, но проводник другого мнения: слишком жарко. И не мешало бы поесть. Тогда я перестаю понимать по-индонезийски. Бедняге ничего не остается, как покориться и сесть на коня. А обещанных носильщиков нам не дали. Мой рюкзак погрузили на клячонку, и он поедет верхом вместе с проводником.

Дорога очень неровная — всадникам то и дело приходится поднимать ноги, чтобы не ушибиться о придорожные камни, а лошадям с трудом удерживать равновесие, чтобы не упасть, оступившись на камнях. Позднее выезжаем на более приличную тропинку. Часто даем лошадям отдохнуть, тем не менее бедные животные взмокли и едва дышат. К тому же оказалось, что спина лошади проводника стерта до крови. Потертость накрыта платком, а на нем циновка, играющая роль седла.

Моей лошадке тоже достаётся: восемьдесят килограммов живого веса да еще фотоаппаратура. Поэтому, когда проводник предлагает мне взять рюкзак, отказы-

ваюсь — я один вешу больше, чем он вместе с моим рюкзаком. А нет ли у меня в рюкзаке лекарств? Есть, но распаковывать буду только в Вангке. А что болит? Перут (живот). Позднее выясняется, что у него болит также позвоночник и что-то еще. Будь дорога длиннее, он нашел бы у себя не менее сотни болезней. Относительно живота объясняю ему: никакие лекарства не помогут, если не соблюдать диету — один день ничего не есть, кроме бубура (рисового отвара), а пить только горячий и крепкий чай. Нет, диета — это плохо, он верит только в таблетки.

Проезжаем мимо пасущегося на лугу табуна. А вот и Равук, где нам должны сменить лошадей. Около дома старосты отдаю поводья проводнику и вхожу в дом. Как обычно, сыплются вопросы: кто, откуда, зачем? С местными разговариваю через людей, понимающих индонезийский. Мучит жажда, но пить воду не решаюсь, а кокосовых орехов или туака не предлагают. Мой проводник тоже хочет пить. Ему приносят воду в очаровательном глиняном кувшинчике с маленьким носиком, при виде которого во мне разгорается страсть коллекционера. Но тут же приходит здравая мысль: никаких покупок! Все, что приобретено в Палуе, сейчас находится в Маумере, следующие покупки могут быть сделаны только в Энде. Мой рюкзак и без того весит больше, чем в состоянии выдержать не только человеческая, но и лошадиная спина. Тропики, жара, горы. Только этого горшка мне не хватает.

Видя, с какой жадностью мой проводник пьет сырую воду, напоминаю ему о диете и о том, что от употребления сырой воды следует воздержаться.

— Но я хочу пить, — отвечает он с укором.

Что поделаешь? В конце концов это его живот, а не мой, и если он так же часто будет слезать с лошади, как делал это до сих пор, лошадь отдохнет.

Неясно, то ли хлынет дождь, то ли будет солнце. Я бы, конечно, не поехал в горы под ливнем. Между тем дом наполняется людьми, приносят бетель. Любители с удовольствием начинают жевать, сплевывая красную слюну и стараясь попасть в щели бамбукового пола. Кто не жует бетель, курит сигареты. Один из молодых людей старательно режет парангем пальмовые листья на самокрутку.

Тучи всё-таки рассеялись — пора в путь. Мой проводник, растроганный радушным приемом, который ему здесь оказали, заявил, что дальше не поедет, а я могу догнать носильщиков и с ними продолжить путешествие. Так я и сделаю. Из деревни действительно недавно вышли двое с моим рюкзаком.

Вскоре я их нагнал. Один подошел к какому-то заграждению, вывел коня, погрузил ему на спину мой рюкзак, взгромоздился сам, и мы поехали дальше. Второй носильщик вернулся домой. Встречные приветствовали нас словами:

— Селамат соре, патер. (Добрый день, отец.)

Если иностранец, то обязательно патер. Вот идет красивая молодая женщина, улыбается мне, и сразу исчезает все ее очарование: красный от бетеля рот, черные, источенные зубы.

Наконец мы прибыли в Вангу. Минуем стадион, где о чем-то горячо спорят спортсмены. Некоторые в школьной форме: белые рубашки и голубые брюки. Увидев нас, подбегают. Любопытство бьет через край.

— Селамат соре. Даримана? (Добрый вечер. Откуда?)

— Дари Поландия! (Из Польши!)

— О, патер дари Поландия! (О, патер из Польши!)

Ребята с веселым гомоном провожают нас до миссии, откуда, привлеченный шумом, уже выходит молодой мужчина в голубых брюках. Улыбаясь, протягивает мне руку.

— Добрый день, — говорит он по-польски.

Я поражен. Соскакиваю с коня, здороваюсь, спрашиваю, как он догадался, что я поляк. Миссионер Осецкий смеется:

— Приезжий, верхом на коне, с рюкзаком... Где еще встретишь таких сумасшедших, кроме как в Польше?

По приглашению священника ко мне приходит старик-горец, который раньше уже служил проводником в археологических экспедициях. Старик сразу понимает, что мне нужно, и начинает прикидывать, куда бы мне стоило пойти. Ага, стоит сходить к одному из немногих в этом районе язычников, старому моса лаки. Как выяснилось, мой проводник — тоже моса лаки, только христианский.

Моса лаки оказался слепым старичком, одет он был,

несмотря на жару, в теплый пиджак. Поначалу разговор не клеился. Со стоном он пожаловался, что ничего не помнит и скоро умрет. Однако, когда принесли барабан и когда его внук начал бить в него, старичок оживился и даже запел какие-то церковные гимны. А после того как Моса Лаки прослушал магнитофонную запись спетого гимна, он взбодрился и охотно согласился спеть еще.

Приходят все новые слушатели. Кто-то бьет в барабан, кто-то достает гонг. Разгорается веселье. Плотный усатый мужчина пускается в пляс. Поскорее вывожу его на улицу, достаю киноаппарат. За ним выбегают во двор все и пляшут до упаду. Теперь в барабан бьет мужчина с обезображенным лицом. Вся семья Моса Лаки имеет увечья. Сам он слеп от старости, внук его тоже слепой, внучка полуслепая. Между тем бьющий в барабан мужчина впадает в экстаз. И так стучит по барабану, что Моса Лаки, которого по дому-то приходится водить за руку, пытается плясать.

Прощаясь, весело говорим друг другу: «бесок». Завтра состоится бракосочетание молодой пары и свадьба. Благодаря ксендзу я получаю приглашение.

За свадебным столом мне отводят место напротив молодых. Торжество происходит на большой крытой веранде для приема гостей и танцев. В ожидании застолья пьем кофе, наблюдаем, как зажаривают целого поросенка. Непрожаренное мясо режут на куски и бросают их в корзинку. Кто-то из женщин моет требуху, кто-то чистит бананы... Шумная будет свадьба. Прежде на свадьбу приглашали иногда до тысячи человек. Плясали всю ночь. Сейчас церковь решила вмешаться в это дело. Миссионеры не позволяют веселиться позднее десяти часов вечера, иначе завтра никто не сможет работать.

Пока готовится свадьба, я решил погулять по деревне. Зашел в дом моего проводника Стефануса. Там тоже будет свадебный пир. Поговорил с людьми и узнал кое-что о действующих здесь нормах адата. Старики часто вспоминают добрые старые времена, когда ими правил раджа (Вангка подчинялась радже из Риунга, где и сейчас живет его семья). Мне рассказывали, что этот раджа брал взятки, чинил неправый суд и был истинным бедствием для женщин. Если ему попадалась на

глаза хорошенькая девушка, она должна была без всяких разговоров являться к нему на ночь. Будучи мусульманином, раджа терпимо относился к христианам.

Правители Энде и Соа были приверженцами ислама, раджи Маумере, Ларана, Туканга, Баджава, Рутенга, Буаваи и Лио — католиками. До прихода голландцев отдельные государства вели между собой войны, но деревни, находившиеся под властью одного раджи, жили в мире.

Однако вернемся к нашей свадьбе. Спешу запечатлеть на пленку самые интересные моменты. Например, церемонию перенесения провизии в дом невесты. Вот несут тяжелые бамбуковые трубы (такие же, как на Палуе и в Энде), но не с водой, а с туаком. Здешний туак, как я вскоре убедился, — это не палуенский легкий напиток. Здесь пьют перебродившее, горькое, невкусное и, судя по действию, крепкое вино. Опьяневшие обнимаются, топчутся на месте. В Вангке, как мне сказали, вообще любят пить крепкое. Ни к чему не приводят усилия Осецкого, который вместе со своим помощником, тоже миссионером, борется с алкоголизмом. Люди здесь пьют, и пьют много. И сейчас, за праздничным столом, нам поминутно подливают.

Пируют в доме невесты, поэтому к столу подают свинину с рисом. Если свадьбу празднуют в доме жениха, что случается крайне редко, непременно забивают буйвола.

Со всех сторон сыплется просьбы — все хотят фотографироваться. Особенно увлекается этим молодежь. Те, кто постарше, более сдержанны. Героиня же торжества, юная невеста, одетая в скромное цветастое платье, готова всю ночь простоять перед объективом. Все стараются попасть в кадр, пристраиваются сбоку, сзади, где угодно. Вытягивают руки, гримасничают — позировуют.

На полу все больше красных пятен от плевков: почти все жуют бетель.

Снова танцы. Пускаюсь в пляс и я. Вначале не получается, а потом улавливаю ритм. Танец несложный: четыре шажка вперед, большой шаг вперед левой ногой и три шажка назад, затем правая нога на счет «один» приставляется к левой, после чего делается еще три шажка назад. Далее движения повторяются на счет

«четыре». Кроме того, время от времени делается один или два поворота кругом.

То и дело кто-нибудь из гостей подходит к сидящим за столом жениху и невесте. Молодые встают, гость пожимает руку невесте, потом жениху, иногда осторожно что-то засовывает под платочек, небрежно брошенный невестой на стол.

Мужчины и женщины, старые и молодые, сидят вместе, кто где хочет. Женщины едят отдельно лишь во время официальных приемов. В остальных случаях здесь никаких ограничений нет.

На столе перед каждым гостем стоит миска из тыквы. Кто-нибудь из хозяев или распорядителей свадьбы с большой корзиной в руках обходит всех гостей и каждому в миску кладет пригоршню крупно нарезанного мяса и жира. Все это поливают бульоном. Рис подается на огромных круглых или квадратных подносах. Едят ложками, сделанными из скорлупы кокосового ореха, или руками. Туак из бамбуковых труб переливают в чайники, а затем разливают по бамбуковым кружкам. Женщины пьют из покупных эмалированных кружек. Время от времени кто-нибудь из женщин в деревянных ящичках, разделенных на три части, разносит сири; при этом зорко следят за тем, чтобы не было недостатка в нарезанных листьях и табаке для курения.

На свадьбе мне удалось кое-что узнать о местной религии. Согласно местным верованиям, существует один бог — Мери, у которого нет предков. Этот бог — первый, никем не сотворенный, великий и недосягаемый. Дьявола здесь не знают. В повседневной жизни людей участвуют духи, которых называют «нитун бару». Есть духи высоких деревьев, крупных камней, родников. Им молятся, отправляясь в путь, приносят в дар продукты или бетель, складывая все это в тех местах, где они обитают, в их честь организуется праздник буйвола. К богу Мери обращаются только в особо важных случаях, например во время войны. Общается с ним моса лаки от имени всей деревни. Праздников, посвященных богу Мери, нет. Здешние жители не считают, подобно палуенцам, что души умерших вселяются в камни. Через три дня после смерти семья покойного устраивает богатые поминки (песта кендури); таким образом умершему обеспечивается благополучие на том свете, независимо

от того, был он хорошим человеком или плохим. Покойников хоронят на кладбищах, которые расположены недалеко от жилищ. Могилы обкладывают камнями. Христиан и приверженцев старой веры хоронят вместе. Если на кладбище есть хоть один христианин, устанавливается общий крест.

На языке вангка говорит только одно селение, в котором в шестнадцати кампунгах живет несколько тысяч человек. На языке риунг говорит только одна деса (община), на другом языке — деса Теронг и кампунг Равук. Да, немалый нужно иметь лингвистический талант, чтобы работать в этом районе. На языковую обособленность влияет и то обстоятельство, что жители Вангки не выезжают на работу за пределы своих родных мест.

Горцы Вангка, как правило, моногамны, однако встречаются двоеженцы. В последнем случае полагается иметь два дома — для каждой жены отдельно. Плата за жену буйволами (белис) при покупке второй жены ниже, чем при покупке первой. Внебрачные дети рождаются не слишком часто, обычно у невест в случае разрыва помолвки, так как жених и невеста часто живут супружеской жизнью до брака. На побережье жених вступает в права супруга с момента уплаты первой части белиса. Если девушка забеременеет, она непременно скажет, от кого, иначе роды могут иметь трагический исход.

Женщины здесь носят одежду, называемую «липа», если она черная, и «брит» или «плекат», если она любого другого цвета. Это нечто вроде широкого саронга. Липа, брит и плекат надеваются чаще всего поверх платья или блузки; девочки под них ничего не надевают:

Кормление ребенка грудью при посторонних в этих местах — обычное явление, но женщин с обнаженной грудью я не видел. Пожилых женщин с неприкрытым торсом я встречал совсем неподалеку, в Соа. Может быть, климат Вангка более суров?

Мужчины здесь, как и повсюду, носят липы и рубашки, иногда что-то вроде курток или пиджаков, надетых вместо рубашек прямо на голое тело. Дети ходят в белых рубашках и голубых брюках, девочки — в юбках; саронги они надевают только утром и вечером.

Украшений женщины носят сравнительно мало. Из-

редка попадают ся серьги типа палуенских или английские булавки в ушах. Вечером наблюдаю за девушками, как они плещутся в «умывальные» — под струей воды, которая поступает по специальным трубам от источника.

Я познакомился с молоденькой девушкой-хохотушкой. Дал ей прозвище Смешинка, которое быстро привилось. Зовут же ее Сиси, или Цецилия. Сиси окончила местную школу и хочет продолжить учебу в Энде. Учится она самозабвенно, понимая, что образование — единственное средство спастись от нужды. Скорее всего она будет медсестрой, то есть вполне самостоятельным человеком. Родственники же, мечтающие получить за нее белис, остались бы ни с чем, поэтому они не в восторге от ее учебы и подозревают миссионеров, которые помогают ей учиться, в том, что те хотят выучить девушку, выдать ее замуж, а белис взять себе.

Одна из наиболее интересных моих вылазок в горы связана с поисками следов «дикого человека» (оранг пендека). Когда я впервые заговорил на эту тему, мои собеседники оживились:

— Да, да, конечно, есть... Это люди маленького роста — метр, от силы полтора, но они не обезьяны. Живут в горах, питаются лесными плодами.

О том, что оранг пендек обитают в горах, говорят весьма уверенно, но встречаются ли они вообще на Флоресе, никто толком не знает.

В этих рассказах легенды смешиваются с данными археологических раскопок. Голландский археолог ван Верхаузен обнаружил здесь наскальные рисунки, которые, по мнению моих собеседников, подтверждают факт существования оранг пендека.

На следующий же день после разговоров о диком человеке договариваюсь со Стефанусом идти смотреть рисунки. Выходим рано утром и направляемся по тропе, которая изрядно заплевана бетелем — видно, что по ней часто гуляют. Доходим до каменного вала — когда-то это было укрепление типа баррикады, которое жители Вангки использовали во время войн. Оружием служили копья, луки, паранги. Воевали против Соа, Баджавы, Мангараи. Войн с португальцами или голландцами не вели. Когда пришли белые завоеватели, раджа сдался без борьбы.

Переходим вал, продираемся сквозь кусты и оказы-

ваемся у подножия отвесной скалы. Действительно, на скале видны какие-то примитивные рисунки — будто дети рисовали солнце. Стефанус с гордостью указывает мне на рисунки, но на меня они не производят сильного впечатления. Хотя, я думаю, они представляют большой научный интерес, коль скоро такой крупный археолог, как Верхауен, пришел от них в восторг. К сожалению, он допустил оплошность: вместо того чтобы самому все измерить и скопировать, поручил это семинаристу из Маталоко. В итоге росписей на скале стало больше: лихой семинарист прибавил к оригинальным рисункам свои, а кроме того, нацарапал множество черточек, которыми отмечал выполненную работу. Хорошо хоть Стефанус может отличить одни рисунки от других.

Говорят, что с этих скал в ясные дни просматривается Палуе. Сегодня ничего не видно: пасмурно, туман. Возвращаемся по каменистой тропе. На небольшой, усыпанной крупными камнями поляне обнаруживаем несколько гробниц. Когда-то здесь был лагерь, который из-за близости к пограничной зоне перенесли в другое место. Отсюда недалеко и до прежнего места жертвоприношений. Едва заметная тропинка приводит к заросшей кустарниками и окруженной камнями поляне с грудой камней посередине. Это и есть жертвенник. Стефанус преспокойно отдыхает, сидя на камне, а я рыскаю по холму, словно гончая. Здесь, несомненно, был такой же культовый объект, как темпат кербау на Палуе.

По возвращении заходим в дом Стефануса, а потом отправляемся к здешнему жертвеннику. На том месте, где связывают кербау, стоит столб, увенчанный крестом (!). Перед одним из домов торчит бамбуковый шест. На нем — череп кербау, а вообще черепа не хранят, их выбрасывают. Когда было последнее жертвоприношение, никто точно не помнит — много лет назад.

После обеда еду осматривать Вангу. Направляюсь в ту сторону, откуда доносится бой барабана. Так вот оно что: здесь продолжается вчерашняя свадьба. Меня сердечно приветствуют, охотно вступают в разговор, предлагают бетель, от которого я, естественно, отказываюсь. Настаивают — это так приятно и так полезно! Говорю, что не хочется привыкать, потому что в моей стране сири нет. Неужели нет? Бедные, бедные поляки!

Вернувшись в миссию, беседую с ксендзом Осецким. Он сказал, что на его памяти здесь было одно жертвоприношение, которое состоялось года два назад в соседней деревне Кеджа. Его организовал некий богач, язычник, член довольно большой группы местных язычников. Однако власти не поддержали идею устраивать жертвоприношения, отчасти из экономических соображений, а отчасти оттого, что ошалевшая толпа убивает животных невероятно жестоким способом: их связывают и секут парангами.

Однако пора возвращаться в Джакарту. Перед отъездом вместе с миссионером посещаю местную школу. Какое здесь развернулось строительство! Видно не только то, что есть, но и то, что будет. Пока обучение идет в большом зале, разделенном бамбуковой перегородкой на три части, но уже есть спальня для мальчиков и столовая. Под остальные здания заложен фундамент. В спальне, рассчитанной на пятьдесят мальчиков, уже сейчас не хватает мест. До недавнего времени асрама (общежитие) мальчиков находилось в старой церкви, а асрама девочек — в маленькой комнатке в домике из бамбука. Сейчас мальчики получили помещение в новом здании, а девочки — их около двадцати — спят в боковых неффах церкви, отделенных от центрального неффа цветными занавесками.

Молодежь учится вечерами при свете трех газовых фонарей. Временами неф превращается в зрительный зал, а функции сцены выполняет маленькая пресвитерня.

Девочки спят на бамбуковых кроватях, а мальчики — на железных, привезенных еще во времена, когда в этих местах не было польских миссионеров.

Главную трудность в строительстве школьного комплекса представляет доставка цемента из Риунга. На лошадь нельзя погрузить больше одного мешка. А что такое на стройке один мешок цемента? Дело пошло на лад только с появлением польской миссии. Поляки же построили здесь церковь. Сооруженная при первом миссионере старая церковь давно стала мала, начали возводить другую, однако священник плохо следил за работой, строители пили, и все шло из рук вон плохо. Одна из колонн обрушилась. Кончилось тем, что возникла недостроенная развалина, с которой не знали, что

делать — то ли достраивать, то ли ломать. Поляки решили строить как следует, основательно. Объем строительства немного сократили, убрали то, что было разрушено, воздвигли стены — и новая церковь готова.

Жду учителя, которого обещал привести ксендз Осецкий. По его словам, это самый интеллигентный человек в школе, преподаватель, который (неслыханно!) пользуется на своих уроках картами, чего не делает даже географ. Если ученики хоть как-то разбираются в картах, то только благодаря учителю истории и ксендзу Осецкому, который учит ребят английскому языку и регулярно устраивает викторины с множеством вопросов, в том числе касающихся Польши.

Беседую с учителем истории о том, каким языком пользуются у себя дома бывшие ученики школы. Оказывается, язык вангка стоит на первом месте, индонезийский же рассматривается как второй по значению, но не иностранный, не чужой. Молодежь ощущает свою связь с Индонезией так же прочно, как и связь с Ванжкой. Если же возникнет конфликт, молодые жители Ванжки поставят интересы Индонезии выше интересов своей деревни.

Разговор прерывает ксендз Осецкий — отодвинув фисгармонию, он обнаруживает за ней крупную, престительно окрашенную, с красной сеточкой на спине ящерицу длиной больше двадцати сантиметров. Она долго бегаёт, пока находит щель, в которую ускользает от нас. Так вот кто издает по ночам такие громкие звуки! Впрочем, шумят не одни ящерицы. Есть какие-то крупные насекомые, похожие на хрущей с перепончатыми крыльями. Они устраивают такие концерты, какие не снились и нашим сверчкам. Под их музыку невозможно разговаривать.

Прощаясь со Стефанусом, дарю ему большой нож. Кажется, он доволен.

Встав пораньше и плотно позавтракав, делаю последние приготовления в ожидании лошадей. Но ждать пришлось долго: староста деревни, который должен был этим заняться, лежит пьяный. Последний участок дороги перед въездом в Маталоко очень труден, лучше нам одолеть его засветло.

Наконец появляется молодой парень с лошадыми. Он и будет моим проводником. Седлаем — и поехали!

За деревней сразу же сворачиваем на горную тропу. Пересекаем русла пересохших ручьев, бредем по топким савахам (рисовым полям). Моя лошадь причиняет мне массу хлопот — то она фыркает и не желает ступать по грязи, то спотыкается на спусках, а однажды встала на колени, так что я с трудом удержался в седле. Чему удивляться — лошадей здесь не подковывают, а у моей к тому же слабые ноги. А может быть, она страдает головокружениями? Иначе почему она так не любит спусков? Вот и сейчас остановилась перед крутым спуском и ни с места!

— Ротан, ротан, — кричит проводник.

Неужели нет другого способа сдвинуть лошадь с места, кроме побоев? Спокойно поворачиваю назад, делаю небольшой круг и опять подвожу лошадь к обрыву. Стойт! Да она просто боится! Не чувствует себя уверенно с таким грузом на спине. Спешиваюсь, беру лошадь под узду, и вместе мы потихоньку одолеваем маленький отрезок спуска. На мое счастье, откуда-то появляется молодой человек, который весит вдвое меньше меня. Он вскакивает в седло и мигом съезжает вниз. Одолев еще один подъем и не слишком крутой спуск, в конце концов выезжаем на хорошую дорогу, по обеим сторонам которой растут кактусы с полутораметровыми побегими.

Заметив, что лошади в мыле, я предлагаю сделать привал, но проводник говорит, что дальше есть вода и трава, так что лошади смогут и отдохнуть и попасться. Едем дальше, мимо огромных кактусов, вниз, через заросли. А вот и луг. По моим расчетам, мы можем отдышаться лишь полчаса, чтобы с наступлением сумерек быть в Маталоко.

Отпустив лошадей, я сажусь на поваленный бамбук, чтобы привести в порядок свои записи, и вдруг рядом замечаю скорпиона. Я уже видел одного, в Леи, но тот по сравнению с этим — малютка. Показываю его своему спутнику. Оказывается, от укуса здешних скорпионов люди тяжело болеют несколько дней. Правда, не умирают, но все равно — благодарю покорно!

Едем дальше. Ландшафт напоминает саванну, окруженную горами: обширная холмистая котловина с редкими купами деревьев. Трава настолько высока, что скрывает и лошадь и всадника. Часто встречаем путни-

ков, пеших и конных, возвращающихся с покупками домой, некоторые несут инвентарь для миссии, которая строит школу, электростанцию, церковь.

Мое внимание привлекают вьючные лошади. К наброшенным на их спины попонам прикреплены деревянные или из рога оленя крючки, по два с каждой стороны, соединенные между собой веревками. На эти крючки подвешивается багаж, чаще всего плетеные корзины, по одной или две с каждой стороны. При нечетном числе корзин одну кладут поперек спины, чуть ли не на шею животного.

Проводник то и дело спрашивает у встречных, как пройти в Маталоко. Парень явно не знает дороги. Удивляется, когда я отказываюсь нанести визит здешнему священнику и показываю на часы. Мы уже более семи часов в седлах, через три с половиной часа стемнеет, ехать еще далеко, моя лошадь спотыкается, часто падает на колени, упирается, когда предстоит спуск с горы, а иногда просто останавливается и не желает идти. Приглядываю место для отдыха. Я с удовольствием вытянул бы одеревеневшие ноги. Что за седла? И что за лошади? Бедняги едва плетутся шагом. Мой вес им вообще не по силам. Самое большее, на что они способны, это на скверную трусцу.

Проезжаем через бамбуковый лес. Наталкиваемся на аккуратный каменный алтарь, где приносят в жертву кербау. Видно, этим алтарем давно никто не пользовался: растущим вокруг деревьям больше десяти лет.

Снова холмистая саванна. И вдруг — под деревом автомобиль. Откуда он здесь? Оказывается, есть дорога, по которой некоторые машины могут проехать. Ну ладно, машина так машина. Но моя лошадка почему-то не хочет с этим мириться. Ни за что не желает проходить мимо нее. Никакие уговоры не подействовали. Пришлось спешиться и сделать большой крюк. После этого мое терпение лопнуло. Лошадка же этого не поняла, потому что продолжала бастовать: сначала она не пожелала войти в реку, потом не хотела выйти из нее. Тогда я ее предал: согласился поменяться лошадьми с проводником. Дальше я ехал на его пегой, а моя упряmica при всякой попытке показать характер получала хороший удар веревкой.

Пегая оказалась хорошей и умной лошадкой. На по-

следнем участке пути, во время подъема, когда лошадям приходилось идти то по уступам, то по камням, она сама находила дорогу. Я только успевал поднимать ноги над особенно большими камнями. Иногда даже ложился ей на спину.

Тяжелая дорога. Лошади еле плетутся. Проводник все время кричит, что их нужно бить. Я твержу, что животные стараются из последних сил и что их могут бить только плохие люди. Бедняги едва держатся на ногах, а предстоит подъем в гору, на перевал. Страшно подумать. Надо дать лошадям передохнуть. А вот и лужайка. Но тут в зарослях что-то задвигалось, послышалось фыркание, и на дорогу выскочили буйволы. Вначале животные — их было шесть или семь — неслись прямо на нас, а потом резко свернули к реке. Мы последовали за ними. Немного освежившись у воды и напив лошадей, присоединяемся к двум похожим на арабов всадникам в плащах и головных платках. Поскольку они хорошо знают дорогу, мы можем спокойно следовать за ними.

На перевале дует сильный ветер. Кажется, будто я в Татрах. Маталоко не видно, а уже шесть часов. Еще немного — и стемнеет.

— Ничего, — говорит проводник, — уже близко.

Едем дальше. Въезжаем в селение, минуем какие-то сады, заборы... Костела не видно...

— Мы на правильной дороге?

— Наверное.

— Фью-ю... Нехорошо. Ты здесь когда-нибудь был?

— Еще нет.

Ай да проводник!

Между тем кони начинают беспокоиться. Дороги совсем не видно. Того и гляди вместе с камнями полетишь вниз. Хорошо, что я заметил расселину. Остановил коня буквально в метре от нее. Нет, так не годится. Решаю свернуть с дороги в сторону огоньков какой-то деревни, примерно в километре от нас. Там можно будет взять проводника. На наше счастье, он сразу нашелся. Это один из двух всадников, за которыми мы следовали по пути на перевал. Теперь мы на верном пути, но нам еще предстоит полтора километра тяжелейшей дороги. Наш новый проводник пошел впереди, мы следом. Увидев впереди себя бодро шагающего человека, моя лошадка

обрела уверенность в себе. Скорее носом, чем глазами, отыскивает дорогу среди камней.

С каким облегчением я вздыхаю, когда мы наконец преодолели подъем. Теперь дорога идет вдоль ограды семинарии. Здесь наш любезный проводник прощается с нами. Теперь мы без труда справимся сами. Мой спутник все время говорит о каком-то румах тингги (высоком доме). Не вижу, здесь никакого высокого дома. Только позднее узнал, что местные жители в свое время так называли двухэтажное здание семинарии, в котором жили ксендзы и которое тогда действительно было самым высоким строением в этой части Флореса.

Остановился я у здешнего священника Яна Козловского. Он покормил меня и устроил ночлег. Какой роскошный ужин: молоко, которого я не брал в рот с тех пор, как сошел с корабля.

Я очень устал: шутка ли — двенадцать часов в седле! Тем не менее надо решить вопрос о том, как добраться до Маумере. Я хотел бы отправиться как можно скорее. Рассчитывать на корабль в Энде не придется, он отправляется завтра, но, может быть, удастся долететь от Маумере до Денпасара самолетом? Тогда я побывал бы еще на островах Бали и Ломбок.

Климат здесь совсем иной, чем в Вангке. Ночью спал под одеялом!

Семинария в Маталоко недавно праздновала свое сорокалетие. Следы этого события можно увидеть на стенах в виде рогов кербау. Судя по их числу, юбилей отмечался очень широко и торжественно. Степень значительности праздника здесь вообще выражается числом убитых животных. Когда, например, деревня Вого в свое время переселялась с гор ближе к полям, в долину, где условия жизни лучше (в горах она была защищена от врагов, что с прекращением междоусобных войн перестало иметь значение), сто кербау пало под ударами парангов. О том, чтобы съесть столько мяса, естественно, не могло быть и речи. Туши разлагались, отравляя смрадом окрестности. Но разве это имеет значение, если память и слава об этом торжественном пире сохранятся на долгие годы? Власти и здесь не одобряют такого рода пиршеств, однако научить людей разумно отмечать праздники — дело не простое.

Чтобы не терять времени, изучаю окрестности. В та-

ких деревнях, как эта, можно увидеть много интересно-го. Вот, например, столб, прикрытый небольшим навесом, весь украшенный великолепной резьбой. На Флоресе резьбу я вижу впервые. Столб символизирует мужскую силу, стоящий рядом домик — женскую. В деревне, расположенной недалеко от семинарии, установлено три таких столба, из них два без домиков. Один из столбов увенчан небольшим крестом. Из-за этих столбов порой бывают недоразумения. Поставленные бог знает когда, эти столбы неприкосновенны до сих пор. Однажды произошёл форменный скандал: перед одной из церквей оказался такой столб. Епископ велел приходскому священнику его убрать. Тот отказался. Будучи индонезийцем, и притом родом с Флореса, он хорошо знал своих земляков и не хотел из-за столба рисковать жизнью. Священник в шутку сказал, что приедет ночью на мотоцикле, обольет столб бензином и подожжет его.

— Ни в коем случае, — серьёзно ответил индонезиец, — они отомстят.

Здесь мне были показаны все места для отправления культа. Один жертвенник устроен прямо на перевале (кербану неплохо прогулялся перед смертью), другой — на соседней вершине. Хотелось бы посмотреть оба, но перебраться с перевала на вершину просто невыносимо. И все-таки попробую, хотя ничего не увижу вокруг: туман, как у нас в Татрах.

Трава выше человеческого роста заслоняет все вокруг, пот заливает глаза, рубашка промокла; руки ранены острыми колючками, но я карабкаюсь вверх. Украшение этой местности — вулкан Амбуломбо скрыт в тумане. А теперь спуск, идти надо осторожно: склон усеян камнями; из-за травы не видно ям, того и гляди свалишься. В бамбуковой роще немного отдыхаю. А вот и кампунг — у самого подножия горы. Позднее я узнал, что переселение кампунгов от вершин к подножиям осуществлялось по инициативе голландцев и было вызвано трудностями с водой. В некоторых местах воду приходилось носить из очень удаленных источников, к которым ходили через день. Нехватка воды отразилась на нравах здешнего населения: баджавы и особенно жители Маталоко по сей день не отличаются любовью к чистоте. В этом я убедился после дождя, когда вода, смыв с лиц часть грязи, оставила светлые полосы.

В кампунге я обратил внимание на кое-какие мелкие детали: во-первых, нередко здесь соединено несколько домов; во-вторых, в одежде как мужчин, так и женщин преобладает черный цвет.

Осматриваю еще один кампунг, около семинарии. Здесь чисто, красиво, дома стоят на каменных фундаментах, крыты железными крышами... В них живут старые служащие миссии. Поскольку им не могут поднять жалованье выше какого-то определенного уровня (местный учитель, например, состоящий на государственной службе, получает пять долларов в месяц), миссия за долгую и безупречную службу награждает их такими вот домиками, которые кажутся прямо-таки роскошными по сравнению с остальными домами в кампунгах.

Однако пора ехать дальше, на третий день сажусь в переполненную машину, где уже разместились семь человек и багаж. По дороге узнаю много интересного. Например, что все здешние мосты построены австралийцами в последние пять лет, что люди, живущие в горах, до сих пор боятся иностранцев, поскольку те много строят и их дома долго стоят. Прочность их объясняют тем, что в фундаменты якобы закладываются человеческие головы. Горцы свалили, что называется, с больной головы на здоровую. У них самих действительно существовал такой обычай, с которым боролись португальцы, вместо человеческих голов закладывавшие в фундаменты головы кербану. Полагают, что искоренить этот обычай до конца не удалось: еще совсем недавно, когда затевалось более или менее крупное строительство, таинственным образом исчезал человек. Случалось и так, что, если умирал правитель, падало дерево, убивавшее сразу нескольких. Таким образом, покойный лежал уже не на голой земле, а на платформе из тел убитых. Иногда в поисках человеческих черепов жители кампунгов разрушали фундаменты церквей. Всем запомнилась проповедь одного католического священника, кажется голландца, произнесенная в связи со строительством американцами нового моста. Перспектива строительства повергла в панику жителей кампунга. Тогда священник сказал: «Вы только посмотрите, какое это большое строительство! Неужели вы воображаете, что для подобного сооружения годятся ваши глупые головы? Подумайте сами, какая для этого фундамента по-

надобилась бы большая и крепкая голова!» Говорят, что ему таким образом удалось успокоить своих подопечных.

Как красива и увлекательна дорога, по которой мы едем! Сейчас через реки перекинута мосты, а ведь совсем недавно, чтобы перейти с одного берега на другой, требовалось не менее сорока минут. Нам пришлось переходить вброд только одну реку, поскольку два месяца назад она, внезапно разбушевавшись, снесла мост. Порой дорога ужасна — не всякий шофер сумеет провести машину. Это сейчас, в сухой сезон. А что же бывает в дождливую пору? Временами едем по песку. Это результат вулканического извержения, происшедшего два года назад.

Останавливаемся в Боваи. Это не то город, не то большой кампунг. Когда-то здесь была столица отдельного княжества. К сожалению, у нас нет времени на осмотр резиденции монарха — сооружения из бамбука, размером немногим больше обычных домов и стилизованного под дворец.

В одном месте нам перебежала дорогу обезьяна, в другом мы чуть не переехали лошадь, привязанную у самой дороги. Водитель в последнюю минуту успел затормозить, и мы только толкнули перепуганное животное да оборвали веревку.

Долго едем вдоль водопровода — системы бамбуковых труб, точнее, желобов, подающих воду из какого-то горного источника.

Мой вторичный приезд в Ледалеро вызвал взрыв радости. Мои друзья из Маумере сразу же стали хлопотать насчет билета на самолет. Зарезервировать для меня место было делом непростым. Самолеты должны летать два раза в неделю, а на деле летают еще реже. Мест всегда не хватает. Зачастую самолет, вылетев из Купанга, даже не садится в Маумере.

А пока я занялся поисками материала о народе сикка, живущем в окрестностях Маумере. Эти темнокожие люди говорят на богатом, образном языке, который в настоящее время несколько вытесняется индонезийским. Но это на побережье и в крупных населенных пунктах. А в горах он главенствует. Один из его знатоков, старый ксендз Гетман, жив и сейчас. В свое время голландский миссионер Хёвелл составил словарь

языка сикка. По мнению Гетмана, этот словарь, насчитывающий 30 000 слов, следовало бы обработать и издать. Я с ним согласен: стоило бы издать этот уникальный труд — если не типографским способом, то хотя бы ротапринтом.

Сикка весьма воинственны, разобщены на враждующие лагеря. Народ здесь вообще беспокойный. Когда было построено первое водохранилище (с одним краном), люди нередко хватались за паранги — каждый хотел первым набрать воду. Теперь, к счастью, эта проблема решена. Построено три водохранилища с большим количеством кранов. Бак стал местом встреч и бесед. Пока наполняются бамбуковые ведра, можно поболтать о том о сем. Но повод схватиться за паранги здесь по-прежнему находят легко.

Здесь мне тоже посчастливилось побывать на свадьбе. Вход в дом, где празднуют свадьбу, украшен листьями лонтаровой пальмы и крупными цветами банана, символизирующими плодovitость. Играет оркестр: два барабана, гонг и бамбуковая трубка, по которой ударяют гибким прутom. Меня приветствует хозяин, по-видимому один из родственников новобрачных.

А вот и молодые. Поздравляю их и прошу разрешения сфотографировать. Оба очень нарядны: она в белом свадебном платье с золотым украшением на шее, он в черном костюме, но со старинными национальными украшениями — огромной золотой пластинкой, прикрепленной белой ниткой к груди, и с перекинутой через плечо цепью.

Спрашивают, не журналист ли я.

— Нет, я этнограф.

— Антрополог? Замечательно. Немец?

— Нет, я из Польши.

Хозяин ведет меня в кухню, чтобы я сфотографировал женщин за работой. Готовят, конечно, рис. Кукурузу, которая является здесь основной зерновой культурой, к праздничному столу подавать не любят. Жители Флореса считают кукурузу по сравнению с рисом продуктом второго сорта и чувствуют себя несколько ущемленными оттого, что именно она составляет главный продукт их питания, а не рис, как на Яве или Бали.

По моей просьбе танцующие выходят на улицу, где я могу снимать фильм.

Приглашают к столу. Через минуту появляется кепала деса и кладет на стол конверт. Старика, конечно, тоже усаживают за стол. Потягиваем туак, едим. Одна из девушек торжественно подносит нам стаканчики с молочным киселем. Вопросительно заглядывает в глаза — достаточно ли высоко мы оценили лакомство.

В Маумере и его окрестностях девушки до брака сохраняют девственность — родители строго следят за этим. Белис за обещанную невесту составляет четвертую часть обычного. Стоит покараулить, тем более что сумма приличная. Это может быть, например, двадцать коней или же несколько коров, два или три слоновых бивня, двести тысяч рупий. Если жених, что случается довольно часто, не располагает таким богатством, ему помогает его род, а он весь остаток жизни выплачивает долг. Последние взносы иногда получают дети кредиторов. Плата за непорочных невест может колебаться. За дочь правителя некогда давали сто десять бивней, а на свадебный пир забивали сто кербанг и сто больших свиней. Все жители деревни вносили свой вклад, а потом после дикого обжорства голодали — долго, но с надеждой, что соседи устроят такой же праздник.

По вечерам молодежь ведет себя менее сдержанно, чем днем, однако молодых людей, прижимающихся друг к другу, вы не увидите. Считается, что, если девушка позволяет себе какие-то нежности, она может позволить и больше. И дело может кончиться адатным судом и штрафом, который придется платить кавалеру за испорченную репутацию девицы. Ведь репутация влияет на размер белиса. Понятно, что родители готовы спустить со своих детей семь шкур. Одно их удерживает: как бы доведенные до крайности молодые люди не сбежали в город (такое иногда случается). Тогда — прощай, белис!

Из-за большого размера белиса многие девушки часто не имеют возможности выйти замуж: не всякий парень может позволить себе такую роскошь, как выкуп жены. Вот почему здесь так много старых дев, которые живут около своих замужних сестер и зарабатывают на жизнь тем, что расшивают саронги. Судьба их весьма печальна.

Несмотря на суровые обычаи, внебрачные дети рож-

даются довольно часто. Однако семья, сохраняя свою честь, такую девушку замуж не выдает, даже если находится претендент на ее руку.

Сегодня решил пойти на базар в Ниту, селение, расположенное неподалеку от Ледалеро. Зайдя за ограду, вижу женщину за ткацким станком. Она ткет нарядную мужскую липу. Через всю ткань пройдет полоса около пяти сантиметров, выполненная икатовой техникой. Кроме нее несколько полосок вышивки. На изготовление такой липы требуется около недели. Ткачиха пользуется нитями, окрашенными покупными красителями. Натуральные красители уже не делают. Основной цвет изделия — темно-голубой, местами почти синий. Это — новая мода, прежде доминировал черный цвет.

Многое на базаре достойно внимания: продажа соли, изготовление коробочек из листьев, погрузка копры и т. п. Кажется, ничего особенного — сложить копру в мешки и корзины, взвесить и погрузить на машины, а за счет этого живет огромное число людей.

Торговля копррой на Флоресе имеет долгую историю. Когда-то в районе Энде копру скупали китайцы. Они платили наличными, но мало. Поскольку китайцы откровенно эксплуатировали местное население, им запретили здесь торговать. Возникли кооперативы, которые должны были вести торговлю на справедливых началах. Однако они стали злоупотреблять властью. В результате это дело взяла в свои руки полиция.

В настоящее время торговля копррой в Маталоко организована значительно лучше, чем в Энде. Здесь ею занимаются и полиция и китайцы, поэтому ни те, ни другие не имеют возможности обманывать крестьян.

Вокруг деревенок раскинулись рощи кокосовых пальм, вдоль дороги насажены деревья, предназначенные для путников. Согласно традиции каждый мучимый жаждой путешественник может сорвать кокос с придорожной пальмы. Он не должен только уносить плоды с собой или на базар. Это уже считается кражей. Вместе с тем никто не имеет права рвать орехи с пальмы, которую владелец оставил для собственных нужд. Чтобы отличить такую пальму от других, на ней определенным образом загибают листья. Однако кое-кому это кажется недостаточным, и они прибегают к магии. Рассказывают, будто в соседней деревне один крестьянин обратил-

ся к колдуну с просьбой заколдовать его пальмы. Вскоре в деревне умерло два мальчика. Пошел слух, что они срывали плоды с заколдованных деревьев. Родственники покойных стали совершать нападения на дом владельца пальм. Тот был бы рад, если бы колдун снял свое заклятие, но, к сожалению, он применил такие чары, над которыми сам был не властен. Надо было бы сорвать заколдованные кокосы, чтобы они никого больше не погубили, но колдун был против:

— Ты требовал, чтобы чары поразили того, кто лезет на дерево,— сказал он.— Если ты это сделаешь, то умрешь.

— Что же мне делать?— спросил несчастный.

— Купить разрешение,— ответил колдун.

В итоге бедняга заплатил за то, чтобы иметь возможность срывать кокосы с собственных пальм. И обошлось ему это недешево. Он отдал килограмм кофе, липу и какую-то сумму денег.

Однажды, когда шел дождь — начинался сезон дождей — и никуда нельзя было пойти, мне рассказали о подобной же неприятности, происшедшей со священником. В семинарии чинили крышу. Сезон дождей, которому пора было уже начаться, не начинался. Крестьянам пришлось вторично, а тем, кто поспешил, в третий раз сеять кукурузу. Решили, что во всем виновата семинария. Видимо, святые отцы на время ремонта крыши просили небо о ясной погоде. Было много волнений, на семинарию чуть не кинулись с парангами.

А однажды в одном из приходов случилось вот что. Сестры затеяли большую стирку. Когда у них кончилась вода, настоятельница распорядилась, чтобы во время вечерней молитвы все просили о дожде. И ночью разразился ливень такой страшной силы, что были уничтожены посевы. Кто виноват? Сестры. Потому что, когда благочестивые люди просят о чем-либо господу бога, их просьбы бывают услышаны.

Мое пребывание в Ледалеро оказалось прервано сенсационной новостью: в Маумере пришел корабль, направляющийся в Сурабаю. Мало того, по пути он будет делать остановки в нескольких портах, в том числе в Ампенане, главном (а точнее, единственном) порте Ломбока, острова, который я собирался также посетить.

За место до Ампенана плачу три тысячи четыреста

рупий. Значительно дешевле, чем за билет на самолет. А с другой стороны, и недешево — у меня палубный билет. Но я доволен: так мне еще никогда не приходилось путешествовать. К тому же я смогу более обстоятельно осмотреть Малые Зондские острова.

НА МАЛЫХ ЗОНДСКИХ

Наш корабль ночью идет, а днем принимает грузы в маленьких портах. Число пассажиров растет. Вскоре на палубе становится тесно. К счастью, у меня очень приятные соседи, с которыми я подружился в Рео, когда мы вместе искали, где бы искупаться.

Беседовать с попутчиками иногда бывает нелегко. Сегодня, например, меня стали просить высказать свое мнение о политике Индонезии. Ну разве возможно, переезжая из одного кампунга в другой, сориентироваться в вопросах большой политики? Могу только сказать, что, по моему мнению, важнейшая политическая задача Индонезии — консолидация отдельных племен и народностей в единый народ. В этом отношении сделано уже немало.

Мои соседи — китайцы, семья, состоящая из одного мужчины и множества женщин. Думаю, это отец с женой и дочерьми. Как беспокоился бедный папаша, какие он строил баррикады из бесчисленных чемоданов, чтобы отгородить от меня своих барышень. И что же? Результат самый плачевный: две самые хорошенькие дочки заснули около меня на расстоянии вытянутой руки, отделенные баррикадой от собственных родителей.

Корабль наш был переполнен не только людьми, но и животными: куры, петухи, попугаи, два смешных маленьких черных зверька с длинными хвостами, пытавшиеся кусаться, когда их брали в руки, свинья, отчаянно визжавшая в знак протеста против того, чтобы ее держали вниз головой на палке.

По вытянутому заливу плывем в порт Бима на острове Сумбава. Бросаем якорь. Тут же нас окружает целая флотилия сампанов, предлагающих свои услуги — до берега вас довезут за 25 рупий. Бродим по Биме, архитектура которой напоминает архитектуру наших

довоенных еврейских местечек. На улицах часто попадаются смешные маленькие тележки на резиновых колесах. Здесь живет много мусульман: встречаются женщины с закрытыми лицами, чего до сих пор я ни разу не видел. На вопрос, можно ли их фотографировать, мои спутники отвечают отрицательно. Все-таки снимаю, сперва издали, а потом, поскольку никакой бури не последовало, вблизи. Вообще же со съемками здесь сложнее, чем в других районах. Раза два, попытавшись сфотографировать целую семью, я натолкнулся на решительное сопротивление.

В прежние времена на Сумбаве было три султаната. Столицей одного из них являлась Бима. Сейчас султан Бимы лишен власти, хотя и сохранил авторитет. Все важные чиновники уезда, в том числе и сам бупати, вступая в должность, прежде всего представляются бывшему султану.

А вот и султанский дворец. Нет никакого парка, только газон, по которому проходит общая дорога, соединяющая одни дворцовые ворота с другими. Это не слишком удобно, если хочешь жить в гордом одиночестве, в каком здесь находится прежний правитель.

Следующий порт на Сумбаве — Сумбава-Бесар. Идем умываться — женщины к источнику, мужчины водой, вытекающей из водохранилища, принадлежащего порту. После умывания направляемся в одну из многочисленных закусовых завтракать. Корабельная еда — рис под острым соусом и чаще всего протухшие утиные яйца — всем уже опротивела.

Едем на армейской машине в военную комендатуру, являющуюся одновременно квартирой начальника. На стене масса ярких, броских плакатов типа: «Внимание! Шпион не дремлет!» На плакате изображен моряк, который прогуливается с девушкой и что-то увлеченно рассказывает, а сзади виднеется большое ухо. Или: запертый на огромный замок сейф, ключ от которого небрежно торчит из-за пояса моряка.

Мой визит заканчивается короткой беседой за кружкой пива, после чего комендант, остановив машину, которая идет в город, велит прихватить меня.

В Сумбава-Бесар меня интересуют дворцы правителей. Их здесь два — старый и новый. Бывший правитель живет в современной вилле. Новый дворец, обнесенный

высокими воротами, построен в голландском стиле. Сейчас там находится какой-то факультет. Старый дворец сильно разрушен, но когда-то он был очень красив. Это деревянное строение покоится на многочисленных столбах и сплошь покрыто резьбой. Мне удалось увидеть лишь отдельные фрагменты здания, поскольку оно скрыто от посторонних глаз банановой рощей. Однако там кто-то живет: около столбов стоят дрожки.

Я слишком мало времени пробыл на Сумбаве, чтобы разобраться, добровольно ли правитель переехал из дворца в виллу, или его к этому принудили. Я лишь понял, что он не вмешивается в политику, пользуется большим авторитетом и что местные власти почитают его как первого человека в районе.

Сегодня я решил побывать в порту, посмотреть, как грузят пароходы. Происходит это так: автомобиль останавливается у края набережной, приблизительно в пятидесяти метрах от корабля, рабочие выносят из него тяжелые мешки и складывают их на помосте, на котором мы стоим, а оттуда корабельный подъемный кран переносит груз на палубу. И никому не пришло в голову соорудить прочные помосты, чтобы автомобили могли въезжать на них и кран с корабля — дотягиваться до груза. Правда, при этом рабочие потеряют свой и без того скудный заработок, на который можно поест лишь один раз в день.

Ночь на корабле была невыносима. Жестко спать: на крыше люка постелен палаточный брезент, на нем — циновка, а сверху липа и свитер. Моя циновка расстелена всего на две трети ширины, тем не менее кроме меня она служит еще одному бедолаге, который притулился у моих ног. Мест на палубе не хватает. Утром, когда я, сидя на циновке, делаю заметки, мои ноги лежат на циновке соседа, поскольку поперек наших циновок спят еще трое. А рядом на голом полу палубы пристроилась женщина, которая плохо переносит качку. Она поминутно приподнимается на локте и сплевывает прямо перед собой. Здесь это воспринимается как нечто вполне нормальное. Циновка — это дом, это святыня, на нее нельзя ступить в сандалиях, а плевать рядом, класть всякие отбросы — пожалуйста. Либо дом, либо помойка — среднего нет.

Сильно качает. Представляю, какая была бы качка,

если бы корабль не был так перегружен. Заболела бы половина пассажиров. И так многим было худо. Ничего удивительного, что в последний день путешествия я с удовольствием отдаю свой талон на питание одному из двух сыновей моего соседа.

В полдень судно наконец пристает к берегу. Протившись со своими спутниками, беру рюкзак и еду автомобилем до Матарам, главного города острова Ломбок. Поездив немного по городу в поисках ночлега, останавливаю машину перед гостиницей под названием «Отель Мареджа». Выглядит прилично, внутри красиво убранный холл, но пугает название «отель» — боюсь, здешние цены мне не по карману. Но нет, к моему удивлению, цены вполне приемлемые.

Приведя себя в порядок и отдохнув, выхожу в город. Удивительно: самый крупный в провинции университетский город, а здешний университет низшей категории¹⁵, насчитывающий всего 4 тысячи человек. Единственный приличный ресторан и тот в соседнем городке, расположенном, к счастью, в четырех километрах отсюда.

Бреду по улице Бали, на которой в соответствии с названием живут балийцы. Сколько здесь храмов! Есть большие, есть и маленькие, но все весьма скромные на вид. Храмовой комплекс состоит обычно из нескольких крытых платформ на сваях, одной каменной часовенки и барабана. Статуй я не видел.

Сразу за городом начинаются рисовые поля. Делаю большой круг и, шагая между участками, направляюсь обратно в Матарам. Вышел из дому один, а возвращаюсь с компанией: по дороге ко мне присоединилось несколько мальчишек. Ребятишки вежливы, неназойливы. Может быть, это происходит оттого, что при мне нет фотоаппарата и их не выбивает из колеи непреодолимое желание, увековечить себя? Между нами происходит разговор:

- Good bye, mister (англ. «до свидания»).
- Good bye, апакapak (дети).
- Даримана? (Откуда?)
- Дари Поландия (Из Польши).
- Беланда? (Голландия?)

¹⁵ В Индонезии существует три категории университетов: центральные, провинциальные и частные.— *Примеч. ред.*

— Букан Беланда — Поландия (Не Голландия — Польша).

Дети что-то оживленно обсуждают, потом один из них догадывается, что речь идет о государстве в Европе. Я подтверждаю догадку. А на каком там говорят языке?

— Бахаса Поландия (На польском).

Это вызывает изумление; подумав, примираются с тем фактом, что мир иностранцев очень сложен. Между прочим, вчера в автомобиле один из спутников тоже спрашивал меня, на каком языке говорят в Польше. Стоит ли удивляться? Ведь и в Польше не всякий интеллигентный человек знает, на каком языке говорят в Индонезии.

Ребятишки называют меня «мистер». Когда я спрашиваю, знают ли они, из какого языка это слово, отвечают «из английского». Так, прекрасно. Но если им известно, что я не англичанин, почему они называют меня по-английски? Замешательство. А как им меня называть? Туан? По-индонезийски незнакомому человеку можно сказать «туан», а можно — «ом» или «бапа». Осмелев, ребята начинают обращаться ко мне так, как принято обращаться к почтенному на вид индонезийцу. Беседуем обо всем — о рисе, о храмах.

— Ом, туда, туда, дальше мусульмане!

Ого, какой здесь конфликт! Раз они просят, сворачиваю, при этом объясняю, что ценю всякого хорошего человека и что для меня безразлично, индус он или мусульманин.

Дальше разговор внезапно переходит на женщин. Здесь неподалеку купаются женщины, не хочу ли я посмотреть на женщин с обнаженной грудью? Ребятишки разочарованы, и я начинаю подозревать, что на Ломбокe уже получил некоторое развитие туризм.

Начальник отдела культуры, к которому у меня рекомендательные письма, поручает меня господину Ахмату Мухидину, с которым мы едем к губернатору. В канцелярии губернатора знакомлюсь с директором музея. Здесь еще нет музея, нет даже намека на какую-либо коллекцию, а директор уже есть. Вряд ли удобно спрашивать у этого симпатичного господина, чем он, собственно говоря, занимается, поэтому я просто приветствую его, говорю, что рад встретить коллегу.

К бупати едем втроем. К нам присоединяется директор несуществующего музея. Едем на машине, хотя канцелярия бупати находится самое большое в ста метрах от отдела культуры. Бупати, доктор Саид, услышав, что приехал этнограф из Польши, сразу вспоминает, что обещал Анджею заняться моей особой.

— Сколько у вас времени? Всего несколько дней? Это действительно мало, но постараемся организовать все, что возможно. Что бы вы хотели прежде всего увидеть?

Коротко отвечаю на вопросы, особенно подчеркиваю свое желание побывать там, где живут племена, сохранившие древние анимистические представления.

— Пожалуйста, но поездка будет тяжелой, придется много ходить пешком.

— Ничего, мне это не страшно, я ведь опытный турист.

Бупати добродушно смеется. Вот это этнограф! Не боится трудностей. Составляем расписание моих занятий. На большой карте острова я вижу вершины, более высокие, чем в Татрах. При этом относительная высота здесь почти равна абсолютной. Самый высокий вулкан с огромным озером в кратере — 3726 метров. За ним, в соседнем уезде, и живут «мои» племена.

У директора музея есть кое-какие дела в Чакранегара (том самом городке, где имеется единственный приличный ресторан). Я еду вместе с ним. Въезжаем на территорию парка, где расположено нужное моему спутнику учреждение. В центре парка — большой пруд с островом посередине. На этом острове высится павильон. Пройти к нему можно по каменной дамбе, заканчивающейся воротами, которые охраняются.

Неподалеку от главного храма находится еще одна группа храмов, рядом — пруд со священными рыбками и павильон с жертвенными камнями, завернутыми в платки и перевязанными желтыми лентами. Возможно, когда-то на камнях была резьба, однако время полностью стерло ее следы.

Заглянув в пруд, мы увидели на дне несколько индонезийских банкнот и много денег, среди которых есть и продырявленные, точно такие, какими на Бали украшают фигурки кремированных предков.

Осмотрев храмы, едем в Нармаду, где в 1879 году

правителями Ломбока был построен павильон для отдыха. Покрытые цветами террасы, бассейн, небольшой храм — все свидетельствует о хорошем вкусе правителей и о способности учитывать вкусы подданных.

Вечером у меня запланирован визит к командующему военно-морскими силами здешнего округа, коммодору Супарно. Он должен мне помочь с машиной.

На виллу коммодора я отправился вместе со своими «опекунами». Представившись охране, въезжаем во двор, посыпанный гравием. У коммодора великолепная коллекция балийских и яванских статуэток. Беседуем об искусстве, в частности о скульптуре — хобби хозяина, о моей работе. Господин Супарно, оказывается, хорошо говорит по-русски, потому что несколько лет прожил в Севастополе. Переходим на русский язык. Коммодор рассказывает о своих путешествиях. Шутливо приглашаю его в Польшу — садитесь, мол, на эсминец и плывите в Гдыню, а оттуда ко мне в Краков.

На следующий день совершаю поездку по острову на машине. В деревнях, мимо которых мы проезжаем, встречаются то мечети, то маленькие балийские храмы (пуры). В последних иногда можно увидеть пожилых женщин с обнаженной грудью и переброшенным через плечо слендангом (шарфом в виде платка). Балийские женщины ходят в саронгах, перехваченных на груди. Сасачки¹⁶ в будни одеваются так же, как яванки, но не носят слендангов. Голову иногда повязывают платком. Как балийки, так и сасачки носят большие белые лифчики, застегивающиеся на груди и великолепно украшенные вышивкой. Девочки бегают в саронгах, повязанных на животах.

Обедаем у одного балийца. Для начала вся семья хозяина, а также часть моей «свиты» гоняется за петухом, который изо всех сил пытается спастись от неминуемой гибели. Я думаю, на поимку было затрачено больше калорий, чем содержится в несчастном петухе. Моя реакция может показаться парадоксальной: убегает мой обед, а я желаю ему успеха.

К вечеру приезжаем в Баян, большую деревню, где нас принимает чамат, пожилой, почтенного вида госпо-

¹⁶ С а с а к и — коренная народность на острове Ломбок.— *Примеч. ред.*

дин, носящий княжеский титул «раден». После беседы чамат организует в мою честь концерт гамелана и выступления солистов. Все это замечательно, но в деревне нет ни одного человека, который бы придерживался древних верований.

Ночью спал плохо: вся компания храпела так, словно рядом находился жертвенный кербау, которого неумелой рукой резал неопытный моса лаки. С утра — сюрприз. В деревне, оказывается, есть общественная баня: от источника по трубам идет вода, которая выливается мощным потоком. Баня — только для мужчин, женщины, как в старые времена, моются в реке. Фотографирую купающихся женщин. Они смущены, но, уходя, слышу за спиной веселый смех. Видимо, они не страдают излишней стыдливостью.

Скоро начнутся танцы под оркестр. Покупаю на 500 рупий сигарет и большую часть сразу раздаю оркестрантам. Мои товарищи, купив сигареты, оставляют их на потом — видимо, у них есть какие-то свои планы, в которые меня не посвящают.

Итак, танцы. Вначале долго играет оркестр, потом наконец приходят исполнители. Содержание танца таково: злой демон Ракшаса похищает девушку, а юноши ее отбивают. По сюжету это напоминает «Рамаяну», но в упрощенном варианте — без обезьян, птицы Гаруды и прочего. Имеется масса вставок, называемых «атракси» (развлечение). В последней из них странным образом высмеивается трусость. Ракшаса нападает на Чупака, который бежит от него куда глаза глядят, влезает на столбы и т. п. Потом происходит бой между Ракшасой и старшим братом Чупака, Грантангом, воплощением мужества и благородства. Грантанг убивает Ракшасу и рассказывает об этом Чупаку. Последний издали бросает камешки в Ракшасу и, видя, что тот недвижим, крадучись подходит ближе, дергает его за одежду и наконец, окончательно убедившись, что Ракшаса мертв, гордо на него усаживается, изображает из себя героя, похваляется, что он тоже мог бы убить Ракшасу. Грантанг же ведет себя очень скромно — ни слова о своей победе.

Роль Чупака — комическая, самая трудная в спектакле. Ее поручают лучшему актеру. Иногда это представление так и называется — «Чупак». Для усиления

комического эффекта Чупака наделяют красным носом. Чупак — отрицательный герой, Грантанг же — пандит, рыцарь. У него должен быть хороший, сильный голос, но актер поет высоким фальцетом. Основная часть текста составлена на сасаком языке, лишь более поздние и современные вставки исполняются на индонезийском. В целом пьеса старинная, и древние тексты о приключениях арабского витязя Амира Хамза, сражавшегося против раджи бангбари (варваров) Ланка Сири, записанные на листьях лонтаровой пальмы, поются на древнеяванском языке. Интересно, что женщины, которые легко читают древнеяванский текст, не умеют ни читать, ни писать по-индонезийски.

Зрелище великолепное, танцуют превосходно, хотя это отнюдь не профессиональный, а обычный деревенский любительский коллектив.

Выехать в горы мы смогли лишь после полудня. Но забраться на вершину было невозможно: прошел сильный дождь.

После получаса езды — препятствие: маленький ручеек, который мы вчера, едва заметив, переехали, сегодня превратился в разбушевавшийся, несущий огромные камни поток. Местные жители говорят, что через час можно будет проехать. Ждем. В конце концов выгружаем из машины аппараты, подвертываем брюки и бредем по воде.

По дороге нам встретилась стая небольших обезьян. С фотоаппаратом в руках я помчался за ними следом, однако животные оказались проворнее меня. Единственное мое достижение — разорванный рукав рубашки.

Обедали в той же закуской, где недавно завтракали. После обеда начался дождь, потом выяснилось, что вода в реке, которую нам придется пересекать, поднялась. В общем ночевать надо здесь.

А потом мы побывали в деревне, где мое сердце забилось сильнее. Миновав мусульманскую часть деревни, староста привел нас в другой ее конец, застроенный самими обычными традиционными домами. Значит, здешние жители — не индуисты. Около домов возились свиньи, следовательно, тут жили не мусульмане. Население этой части деревни придерживалось религии, в которой переплетались черты индуизма и древних анимистических верований.

Нас приводят к месту собраний — платформе из бамбука, опирающейся на резные столбы. От солнца защищает занавес из листьев лонтаровой пальмы, который вешают с той стороны, где он в данный момент необходим. Сняв обувь, ступаем на циновки. Сигареты кладем на поднос, и начинается беседа. Присутствуют одни мужчины, лишь время от времени забегают девушки. Вначале в качестве главного рассказчика выступает кепала деса (деревенский староста), позднее я прошу его пригласить жреца. Появляется жрец. Вести разговор помогает молодой человек с неподпиленными зубами (обычай подпиливать зубы здесь сохранился до сих пор). Идем на местное кладбище, осматриваем запущенные, обложенные камнями могилы, заходим в храм, построенный семьдесят лет назад и недавно реставрированный. Он состоит из двух построек: собственно молельни и места для старейшин. Молельня представляет собой стену с встроенным в нее алтарем, под крышей, опирающейся на два столба. На алтаре нет никаких символов. Это обыкновенный стол, на который складывают принесенные в дар плоды. Над алтарем прикреплена табличка с номером дома. Вторая постройка — это крыша, опирающаяся на несколько колонн, внизу соединенных двумя каменными скамьями. Вся земля у входа в храм усыпана крупными белыми цветами. Я подумал было, что здесь недавно совершался обряд жертвоприношения. На самом деле цветы упали с растущего рядом дерева. Храм стоит на холме, откуда открывается прекрасный вид на море и на раскинувшийся вдалеке Ба-ли. По пути к храму есть старинное место для жертвоприношений, подобное тем, какие я встречал на Палуе. На камне лежит пальмовый лист с горстью риса, цветами. Это дары какого-то больного человека.

По возвращении в деревню нас угощают кофе, бананами, бисквитами. Я горестно вздыхаю: хорошо бы основательно поесть. Но хозяева, наверное, предположив, что среди нас имеются мусульмане, подают только «чистую» еду. Кофе, бисквиты и плоды мусульмане употребляют без опаски. Зато индуисты в гостях у мусульман едят все. В итоге мы едим как следует только у мусульман.

Сидим мы, словно на сцене, на освещенной большой газовой лампой платформе и как будто участвуем в

увлекательном спектакле, а вокруг любопытные зрители, главным образом молодежь, и ей очень интересно, как я буду есть руками рис.

Мой спутник, музейный работник, неожиданно предлагает мне от имени бупати заняться организацией музея в этой деревне. Идея неплохая. Поработать месяца три, поездить по деревням — за счет ЮНЕСКО, разумеется. Пока даю кое-какие общие советы. Рекомендую создать три отдела: исторический, природоведческий и этнографический, предлагаю вариант основного каталога. На меня смотрят как на какое-то чудо: вот так, сразу создать организационную схему музея! Если бы я сейчас вынул из уха кролика, они удивились бы меньше.

Я узнал очень интересные вещи о местном наречии. Существуют, оказывается четыре варианта языка: язык, на котором молятся и разговаривают со священниками, общеупотребительный язык, детский язык и язык, на котором следует обращаться к слугам и детям. Местный оранг пендек, естественно, не использует всего лексического богатства языка сасак, а лишь его наиболее упрощенный вариант.

Перед сном умываюсь у колодца около мечети. Молодец Мухаммед, придумавший омовения. Пополоскался — и спать. Мы проведем нынешнюю ночь в той самой хижине, где ужинали, только сейчас ее со всех сторон завесили саронгами. Я спал как убитый, даже храп соседа не мешал.

Как быть с походом в горы? Пораненная на коралловом рифе нога болит все сильнее. Решаю идти. Собралась большая компания: я, три мои спутника, кепа-ла деса и еще человек пять.

На вершине горы стоит небольшой храм, похожий на тот, который я осматривал вчера. Над алтарем висят таблички с изображением каких-то индуистских символов. Сбоку находится часовня, украшенная свастиками¹⁷ и надписью крупными буквами: ПЕЛИТА (пятилетний план). Название пятилетнего плана на часовне. Забавно. Возможно, это означает, что она была построена согласно пятилетнему плану. Вешают же у нас на стенах храмов доски с именами их строителей.

¹⁷ Свастика — в индуизме традиционный символ здоровья и процветания. — *Примеч. ред.*

Приходят заинтригованные нашим появлением жители ближайшего кампунга, населенного orang пендек, низкорослыми людьми, с кожей более темной, чем у тех, кого мы до сих пор видели. Эта народность малочисленна. Говорят на самом примитивном наречии сакского языка, исповедуют древнюю индо-буддо-анимистическую религию. По их летосчислению в году 345 дней. Раз в год они отмечают праздник кербау, во время которого жрец убивает буйвола. На этот праздник в качестве гостей приходят мусульмане.

Осматриваем небольшую сахароварню, расположенную в шалаше за деревней. Ее хозяин в большом котле варит туак. На земле лежат бамбуковые ведра для хранения сахара. Помощник непрерывно подносит все новые порции туака.

Основным оружием местных жителей является лук-чубуб. Стрелы хранятся в бамбуковых колчанах. Наконецники часто обмазывают ядом, который, как говорят, за полминуты убивает крупную обезьяну. Сельский староста организует соревнования по стрельбе из чубуба и сам в них участвует.

По возвращении сразу отправляюсь к бупати и довольно долго беседую с ним за чашкой кофе. Бупати коллекционирует произведения старинного балийского искусства. Мне особенно понравился большой деревянный барельеф с изображением красного льва, из пасти которого растут две ветви, усыпанные крупными цветами, покрывающими всю поверхность барельефа. Это символ быстротекущего времени. Прощаясь, бупати неожиданно дарит мне другой прекрасный барельеф: Рама, восседающий на Гаруде.

Хочу напоследок побродить по Матараму, по улочкам, заглянуть в балийские храмы-пуры. В одной из них настоятельница ибу пура (мать храма) совершает обряд. Держа в руках поднос с разноцветными стаканами, наполненными водой, она обходит алтари и окропляет каждый из них, затем входит в маленький храм, раскладывает дары, молится. Горят ароматические палочки.

На улице Бали ко мне подошли подростки, с которыми я разговорился о пурах. Мы вместе зашли в одну из них. Девочка принесла на подносе (конечно, на голове) стаканчики с водой. В каждом плавали цветы.

Затем кто-то принес корзину с кусочками благовонной древесины, скорлупой кокосового ореха и кадиллом.

Мой вылет на Бали, как и следовало ожидать, не обошелся без приключений. Когда я появился в аэропорту, мне сообщили, что я, к сожалению, полечу не тем рейсом, которым рассчитывал, а другим, то есть на четыре часа позже. Соглашаюсь. Я последний в списке пассажиров, и, если в рейс идет самолет с меньшей, чем предполагалось, грузоподъемностью, мне ничего не остается, как ждать. Однако, узнав истинную причину отсрочки, я разозлился. Оказывается, явилась какая-то привилегированная особа, а таких в Индонезии немало.

— Такова Индонезия,— объяснили мне, любезно улыбаясь и безнадежно разводя руками.

— Но позвольте,— возразил я, доставая паспорт,— я не индонезиец. По отношению ко мне должно соблюдаться международное соглашение о перевозке пассажиров. Ведь Индонезия подписала конвенцию! Ваша авиалиния обязана взять на себя все заботы обо мне и обеспечить меня всем необходимым. Я имею право требовать гостиницу и еду за ваш счет.

Чиновники буквально остолбенели, особенно после того, как один из присутствующих, юрист, подтвердил мою правоту. Нечего и говорить о том, что я отказался от своих прав — зачем мне гостиница и еда? — и поехал осматривать пуру Сагара (храм моря), построенный военными год назад. Пура Сагара произвела на меня впечатление старинной, недавно отремонтированной постройки. Лишь вблизи стало видно, что украшения и барельефы выполнены из искусственного камня (падаса), а надписи сделаны на современном индонезийском языке. Среди барельефов храма я обнаружил один, который был как бы иллюстрацией к индонезийской басне о цапле, рыбе и раке, известной нам по Лафонтену.

НА ОСТРОВЕ БОГОВ И ТУРИСТОВ

Летим над Бали. К моему великому огорчению, собираются тучи, видимости никакой, и фотографировать не удастся. Из аэропорта с несколькими случайными попутчиками еду на такси в Денпасар. Желая оказать

мне особую честь, шофер просит за проезд тысячу рупий. Нет, так не пойдет, двести — более чем достаточно. Первый визит — конечно, в музей, но он еще закрыт: рано. Беру рюкзак и иду искать лосмен. Не взять ли извозчика? Пятьсот рупий? Пожимаю плечами. Иду дальше. Вскоре слышу за спиной цоканье копыт.

— Туан, два ратус (двести).

Я ни слова.

— Туан, сератус (сто).

В итоге поехал за пятьдесят.

По пути захожу в антикварный магазин. Продавцы, приятные молодые люди, знают, что я ничего не куплю, однако показывают все охотно. Когда же я определяю, что стоящие в углу трости — не балийские, а с Ломбока, ко мне проникаются уважением. Нетрудно быть специалистом, имея точно такую трость у себя в рюкзаке! Узнаю, что сегодня в гостинице «Бали» состоится выступление танцовщиков.

В гостинице меня приветствуют поклонами слуги в ливреях. Ничего удивительного: я европеец, и они считают меня своим постояльцем. Сцена размещается в саду, в крытом павильоне без стен. Дышится легко, а крыша защищает от дождя. Танцы, однако, меня разочаровывают. Яванские, на мой взгляд, куда интереснее. Технически эти, правда, более виртуозны, но холодны, не зажигают. Лица настолько бесстрастны, что порой перестаешь воспринимать исполнителей как живых людей. Кажется, что это не танец, а гимнастические упражнения. Зато оркестр великолепен.

С утра отправляюсь в музей и в отдел культуры. Музей закрыт. Все правильно: понедельник — выходной день для музейных работников, отдыхающих после тяжелых воскресных трудов. Отдел, как мне удастся выяснить в результате расспросов и блужданий, находится в Сингарадже, расположенном в семидесяти километрах от Денпасара. Сингараджа — один из центров балийской культуры, к тому же еще не забит туристами, поэтому, отбросив все сомнения, я поспешил туда и после полудня был на месте.

Поскольку отдел культуры был уже закрыт, я решил навестить директора музея у него дома. Мой неожиданный приход вызвал небольшое замешательство, но вскоре мы уже пили кофе и строили всевозможные пла-

ны относительно музея. После кофе отправились на джипе в пура деса (главный храм). Основной вход был закрыт, но мы отыскивали боковой и вошли.

В храме совершаются жертвоприношения, ибу пура окропляет жертвенные предметы водой, какая-то женщина дает своему ребенку пить эту воду. Беседую со стариком-жрецом. Храму около двухсот лет, его ремонт осуществляется не за счет государства, а на средства общины или религиозных обществ.

Заходим в другой небольшой храм, где жрец, подпоясанный широким мягким поясом, с головой, покрытой чем-то вроде полотенца, воскуряет благовония. Это храм келуарга бесар (т. е. принадлежащий роду, клану). Есть храмы еще меньших размеров — семейные. Неподалеку находится храм князя, который пользуется здесь большим уважением, о чем говорят цветы, лежащие на капоте автомобиля, предназначенные для духа машины.

Сегодня я не поеду в Денпасар, а переночую в гостинице «Сентраль». Чистая комната, предупредительная прислуга. Однако я не видел самого главного: обещанных директором лонтаровых книг. Возвращаюсь пешком к начальнику отдела культуры и вместе отправляемся на другой конец города.

В коллекции насчитывается 3 тысячи книг, из которых 2647 внесены в каталог. Книги аккуратно сложены в металлические ящики, расклассифицированы по отделам. На каждом ящике — опись содержимого. Кому-то это может показаться обычным явлением, но человеку, знающему Индонезию... Откровенно говоря, я не ожидал увидеть такого порядка.

Страницы из листьев лонтаровой пальмы, как правило, исписаны с обеих сторон; у некоторых на одной стороне рисунок, на другой — текст, который всегда имеет отношение к рисунку. Эта коллекция, возникшая в 1928 году по инициативе голландского научного общества, сейчас принадлежит государству. Самые древние рукописи относятся к XV веку. Имеются также копии, с большой точностью воспроизводящие старинные рукописи. Письмо, конечно, балийское, ныне вышедшее из употребления и замененное латинским.

Прекрасно выславшись под москитной сеткой, еду в Денпасар. Меня сопровождают начальник отдела

культуры и его заместитель. По пути любуюсь красотой горного озера и всей панорамой, открывшейся перед нашим взором.

Вторая половина пути представляет для меня большой интерес как для этнографа. Вот, например, деревня Банджар Саджан. Сколько здесь пур! Чтобы осмотреть их, нужно было бы потратить полдня, а у меня на весь Бали несколько дней.

В середине пути делаем остановку. В маленьком ресторанчике «Ислам» выпиваем по чашечке кофе и съедаем по булочке с яйцом. Стены в ресторане увешаны плакатами с изречениями из Корана. Беседуем о балийской кухне. Приверженцы индуистско-балийской религии едят все, лишь брахманы исключают говядину. В гостях у иноверцев мусульмане позволяют себе только кофе, отказываясь от каких-либо закусок под предлогом того, что недавно ели. Поэтому существует такая практика: перед большим праздником, на котором должны присутствовать мусульмане, хозяева заранее просят кого-нибудь из приверженцев ислама забить скот так, как этого требует их религия, чтобы все могли есть мясо в соответствии со своей верой. Вообще же отношения между сторонниками различных вероисповеданий на Бали зачастую довольно сложные. Бывали, например, осложнения с погребением по христианскому обычаю, когда индуисты не позволяли хоронить христиан на деревенских кладбищах. Однажды покойника целую неделю возили из одной деревни в другую, пока в конце концов не оставили на поечение бупати (в таком-то климате!). А ведь это позор для семьи — не похоронить человека в своей деревне. Когда обратились за помощью к бупати, на похороны было прислано воинское подразделение. Однако ночью останки были выкопаны и выброшены.

Руководитель отдела культуры — молодой художник, который уже все обо мне знает. Он живо набрасывает план моего пребывания на Бали, договаривается о машине и гиде. Осмотрев небольшую выставку, организованную при отделе (немного керамики, несколько картин), еду в музей. Его коллекция, несомненно, самая интересная из всего, что я до сих пор видел в здешних музеях. Обращаю внимание директора музея на способ хранения: экспонаты в витринах лишь прикрыты занавесками.

весками — их ничего не стоит похитить. Кроме того, необходимо принять профилактические меры для защиты экспонатов от разрушения и повреждений. Посетители трогают предметы руками, керамические изделия стоят на полу и легко могут разбиться. Рассказываю об опыте польских музеев; обещаю прислать рецепты предохранения древесины от поедания жуками-древоточцами; хвалю экспозицию балийской живописи. Она хоть и напоминает скорее склад, чем музей, но все-таки картины не портятся так, как в Джокье. Они просто-напросто висят на стенах в хорошо проветриваемом помещении. Памятники материальной культуры лежат на полках. Все перемешано: предметы, относящиеся к ткачеству, оружие для охоты, земледельческие орудия. Музей имеет консультанта-этнографа, хранитель — тоже этнограф, преподаватель этнографии в местном университете. Всюду чисто — это тоже немалое достижение. Рассматриваю астрологические календари, один такой календарь есть у меня дома. С его помощью гороскоп составляется очень просто: достаточно наложить дни семидневной недели на пятидневку. Но как установить, в какой день балийской недели вы родились?

Побродив по магазинам и съев на ужин сате-бали¹⁸ с рисом, отправляюсь в лосмен. Едва не засыпаю над своими записками, но все-таки заканчиваю их.

На следующий день выступаю в университете с лекцией о современной польской этнографии, методах и системе обучения. Мои слушатели — профессор, ассистент и семь студентов старших курсов, из них один американец. В Индонезии этнография развита слабо. Соответствующие кафедры есть в трех университетах — в Джакарте, Джокье и Денпасаре. В последнем имеется один преподаватель со званием магистра (он же — директор музея), четыре ассистента и около пятидесяти студентов. Курс обучения рассчитан на пять лет. В настоящее время большинство студентов на каникулах, остались только старшекурсники. Из пяти лет обучения три года посвящаются учебе, один — отведен написанию

¹⁸ С а т е — маленький шашлычок. Сате-бали — по убеждению балийцев, это единственное сате, заслуживающее такого названия. Отличается от сате, приготовляемого в других районах Индонезии, тем, что делается из свинины. — *Примеч. ред.*

работы на степень бакалавра и один или два года — на подготовку диссертации на степень магистра. Мои слушатели удивлены тем, что в Польше существует множество научных и учебных учреждений с различной методикой работы. Мне же было приятно узнать, что индонезийцы — последовательные сторонники функционального метода, созданного известным польским этнологом Брониславом Малиновским.

Вместо запланированной поездки в Убуд, которая сорвалась из-за поломки автомобиля, идем осматривать Денпасар. Прежде всего заходим в большой красивый магазин общества балийских художников. Неподдалеку строится новое здание городской библиотеки. Задумано с размахом: на первом этаже предполагается разместить читальные залы и кабинеты сотрудников, на втором — книгохранилище. Основную работу — каменщиков, каменотесов и т. п. — выполняют мужчины; женщины растирают в порошок кирпичи. Характерная особенность строительства на Бали — промежутки между кирпичами заполняют кирпичным порошком, смешанным с кладочным раствором. Неровности заглаживают руками, так что стена производит впечатление монолитной.

Идем в мастерскую по изготовлению крестов. На стене висит образец — большое распятие. Работают двое — отец и сын. Отец, уже пожилой мужчина, вчерне обрабатывает кусок древесины, сын, вооруженный многочисленными мелкими резцами, заканчивает изделие. Этот лишенный творческого элемента ремесленнический труд состоит в точном воспроизведении образца. Здесь же выполняется барельеф, изображающий сцену из «Махабхараты». Хотя местные жители в основном приверженцы балийского индуизма, торговля крестами идет хорошо, их охотно покупают туристы.

В соседней мастерской тоже работает резчик, но его уже можно назвать скульптором. Он создает не простые копии с образца, в них присутствует творческий элемент, каждое произведение чем-то отличается от других. Скульптор работает для расположенного по соседству общества балийских художников, которое очень хорошо платит.

Однако в три часа у меня в гостях должен быть директор музея. Прекрасно, до трех еще уйма времени, а я ни разу не побывал в настоящей балийской деревне.

— Хотите увидеть настоящую деревню? — спрашивает директор.

Идем на автобусную станцию. И вот мы уже в пути. Проезжаем одну, другую деревню с таким количеством храмов, что я готов поминутно выскакивать на ходу. Мой спутник везет меня в какую-то определенную деревню. Наконец выходим. Первые же встречные здороваются с гидом — видно, его здесь хорошо знают. Оказывается, это родная деревня его жены, и мы идем в гости к его тестю и теще.

Увидев нас, пожилой мужчина откладывает в сторону металлическую пластинку, которую обрабатывал на маленькой наковальне. Он туканг — специалист по изготовлению масок для фигурок предков. Работает для односельчан, а не для туристов. Пластинка на первый взгляд не похожа на золотую, на самом же деле из чистого золота. Головки — мужские и женские — делаются из дерева, а затем покрываются тонкими золотыми пластинками. Мужские головки отличаются от женских формой ушей, кроме того, на женских обозначена большая серьга. Одну такую фигурку кладут на кремационный помост в соответствии с полом покойного.

Снимаю на кинолентку художника за работой, беседую с ним. Он с гордостью показывает мне семейную реликвию, переходящую по наследству, — копьё времен балийских войн. Под острием копья имеется оковка, куда закладывается цветной флажок.

Нас приглашают к столу. Появляются чай с пирожками, бананы, бутылка с мутноватой белой жидкостью. Не хочу ли я отведать настоящего балийского пива? «Пиво» оказывается обычным туаком, правда более приятным на вкус, чем то, каким нас угощали в Вангке. Оно действительно скорее напоминает пиво, чем самогон. Мне достаточно одного стаканчика, чего не скажешь о хозяине, который, потихоньку пробравшись в комнату, где стоят еще две такие бутылки, быстро опрокидывает стаканчик. Судя по тому, что туак для нас принесла его жена, он не всякий день имеет возможность доставить себе такое удовольствие.

Однако надо осмотреть деревню. По улице, между двумя рядами глинобитных стен с воротами, доходим до места, где ремонтируют дорогу. Девушки носят на

головах корзины с землей. Немного дальше идет подготовка к жертвоприношению. Домашняя пура празднично разукрашена. Плакат возвещает, что вечером будет представление и выступление танцоров.

В Денпасаре, в гостинице, меня ждет директор музея, с которым мы отправляемся посмотреть небольшую художественную выставку. Войдя в ворота, находящиеся в стене напротив гостиницы (сколько раз я ходил мимо и не обратил на них внимания), оказываемся перед дворцом раджей Бадунга, чьей столицей был Денпасар. Проходим в еще одни, внутренние ворота и перед третьими обнаруживаем небольшую семейную пуру современной постройки, украшенную статуями из искусственного камня. Ворота охраняют оригинальные каменные стражи. Вывеска «Art gallery» («Картинная галерея») приглашает посетителей зайти внутрь. В первом от входа помещении разместились выставка живописных работ племянника раджи Гуси Нгурах Геде. Здесь представлены фотокопии работ, выставившихся в США, и многочисленные полотна с отпечатками пальцев, смоченных в различных красках. Должен признаться, это выглядит совсем неплохо. «Руки Бали», как выразилась одна из американских газет, несомненно, одарены талантом.

После выставки директор музея торжественно пригласил меня к себе домой. Судя по тону, мне оказана большая честь. Что ж, пожалуйста, я готов отдать должное великодушию и любезности моего нового друга! Пьем чай, беседуем об этнографии. Хозяин спрашивает, не увлекаюсь ли я шведской и датской порнографической литературой. Поскольку я не выражаю особого интереса к этому жанру, он приносит японский журнал, выходящий на английском языке и посвященный одному из японских музеев искусств. Я разглядываю журнал, а хозяин, извинившись, ненадолго выходит. Слышу шум воды. Через минуту он возвращается освеженный (принял ванну) и приглашает меня в машину. Вместе с нами едет его жена, фармацевт. Я было подумал, что намечается какое-то вечернее развлечение. Ничего подобного. Директор подвозит жену к аптеке, в которой она работает, меня — к гостинице, и — спокойной ночи. Перед тем как проститься, еще раз повторили программу на завтрашний день: в пять визит у раджи, в семь он

приезжает за мной на машине и мы едем в Убуд, в двенадцать возвращаемся, в тринадцать я еду в Сурабаю.

Вечером брожу по базару, где идет распродажа сувениров. Покупаю кое-какие мелочи, торгуясь при этом, как прирожденный индонец. Забавно наблюдать, как падают цены, едва я с английского языка перехожу на индонезийский. На лице торговца изумление:

— Мистер... бичара бахаса Индонесиа? (Господин говорит по-индонезийски?)

И то, что секунду назад стоило триста рупий, предлагается за двести. Тоже, конечно, много, но ничего не поделаешь: Бали живет за счет туристов.

Проснувшись около пяти, живо одеваюсь и спешу в пуру. Тишина, спокойствие. А как же праздник жертвоприношения? Да, будет, но позже, и не в пять, а в четыре, и не утра, а вечера. Увы, зрелище для меня пропало: не могу отложить отъезд.

Жду в гостинице машину с директором. Приезжает, но не в шесть, а без четверти восемь. Прежде всего направляемся к месту археологических раскопок. Там действительно много интересного, однако я никогда не увлекался археологией.

Убуд, куда мы потом поехали, действительно древний культурный центр, но то, что мне показали, говорит скорее о скудости, чем о богатстве: всего две более или менее интересные пуры, неплохой магазин сувениров, где продаются также картины местных художников (некоторые полотна я с удовольствием повесил бы у себя дома), и музей современного искусства, размещившийся в недавно построенном в старобалийском стиле здании. Музей называется «Пура лукисан» («Храм живописи»). Он принадлежит местному, кажется, обществу художников. Несколько мелких скульптур, типично балийские картины. В целом — неплохая экспозиция. И — о чудо! — каталог, единственный заслуживающий этого названия из всех, что я видел в различных музеях. И это — все, что я увидел в Убуде.

В Денпасаре собираю вещи и еду на автобусную станцию Дамри, откуда в Сурабаю идут автобусы-экспрессы. До отправления автобуса остается еще немного времени, и я хочу погулять по городу.

— Наш автобус, — сказал мне чиновник, у которого я покупал билет, — отправляется строго по расписанию,

точно в назначенное время. Здешние автобусы отходят не по индонезийскому, а по польскому времени.

— Прекрасно,— засмеялся я,— польское время, правда, не столь растяжимо, как индонезийское, тем не менее мои сородичи не отличаются особой пунктуальностью.

И что же? Пока я фотографировал, автобус отошел. Мое вторичное появление на станции вызвало переполох. Но автобус должен был отойти по польскому времени, а это не значит, что прежде времени! До отправления оставалось десять минут!

— Нет, только семь!

— Разве этого недостаточно?

Среди суматохи один из служащих принимает смелое решение — выводит мотоцикл, и мы мчимся вдогонку за автобусом, оставив персонал станции обсуждать вопрос о том, как он мог отправиться, не имея полного комплекта пассажиров.

Когда мы настигли автобус, все объяснилось очень просто: на моем месте сидел человек без билета, и кондуктор, видя, что все места заняты, дал сигнал к отправлению. Не очень-то хотелось виновнику пересаживаться от окна на деревянную скамеечку, стоящую в проходе. Но я неумолим — хочу ехать до Сурабаи с комфортом.

ПРОЩАЙ, ИНДОНЕЗИЯ!

В Джакарту я приехал полный тревог и опасений. Предусмотренное властями время моего пребывания в Индонезии истекло, и я должен первым же теплоходом отправляться в Польшу. А столько еще не сделано! Счастье, что теплоход «Новотко» задерживается; и я могу, хоть и в спешке, закончить комплектование экспонатов для своего музея. Все счета оплачены — они, кстати, оказались более скромными, чем я ожидал.

Выполняя свое обещание показать мне нечто сверхинтересное, Анджей ведет меня в некий дом, заставленный разнообразной мебелью. Я рад, что попал в этот дом. Чего стоит хотя бы изумительный мадурский сундук с великолепной оковкой! Владелица отдала бы его за 2 тысячи рупий. Но весит он... двести пятьдесят ки-

лограммов. Таковую вещь мне никак не разместить в моем багаже. Есть еще два щелевых барабана, но 7500 рупий за каждый — дорого.

В Джакарте ничего дешево не купишь. Однако Анджей, который всех знает и во всем разбирается, помог мне приобрести несколько интереснейших экспонатов. Когда к нам однажды забрел шашлычник, Анджей обратил внимание на его жаровню. Мало того, что она прелестно отделана, с ее помощью мы могли бы на вернисаже продемонстрировать приготовление оригинального сате. Будем торговаться! Назначаем цену — 3 тысячи рупий. Жаровню возьмем не сегодня, когда у него остался запас непроданных шашлычков, а немного позднее. Шашлычник, в котором нетрудно узнать мадурца, задумывается. Как он может продать жаровню, за счет которой живет? Сделай себе другую! Хорошо, он придет завтра. На завтра жду, но он не идет. Вечером его встречает на улице жена Анджея пани Ирена. Нет, за 3 тысячи он не продаст. 7 тысяч, не меньше. Старые люди сказали, что она стоит 20 тысяч.

— Хорошо, а эти «старые люди» готовы заплатить двадцать тысяч? Нет? А я заплачу наличными.

Да, но он не может, потому что...

— Ну ладно, шашлычников в Джакарте много... До свидания.

Да, но он будет в убытке, если продаст так дешево.

Вижу, что нужно прибавить. Если бы жаровня не была украшена замечательной мадурской резьбой, ни за что не пошел бы на такие расходы. Бог с ним, даю харга мати (буквально: смертельную, то есть крайнюю цену) — 3500.

Нет, его «харга мати» 6500.

В таком случае нам не о чем говорить. Пусть себе идет домой, а я хочу спать.

Встаю, ухожу в дом, запираюсь на ключ.

Через несколько минут — стук. Хорошо, он согласен за 5 тысяч рупий.

— Я сказал: три пятьсот.

— Ну ладно — четыре.

— Нет.

Медленно и словно бы неохотно собирает приготовленные для жарки шашлыки. Может быть, я куплю и шашлыки? Видимо, парень принял всерьез шутку Анд-

жѣя насчет того, что я на корабле буду жарить и продавать сате.

Теперь нужно проследить за тем, чтобы все детали остались на месте. Торговец сате охотно взял бы себе лампочку и столик, но я твердо стою на своем: я заплатил за все и желаю получить все целиком. Когда наконец закончилась процедура купли-продажи, был уже, кажется, час ночи. Моя покупка не встретила понимания у здешней польской колонии. Узнав о моем приобретении, поляки катались от смеха и требовали, чтобы я жарил сате. Ну как втолковать им, что я покупаю не произведения искусства и хлопочу не о пополнении коллекции музея искусств, а об экспонатах для этнографического музея. А жаровня — это интереснейший памятник материальной культуры. В общем я доволен покупкой, и пусть мои сородичи смеются сколько их душе угодно. Жаль только, что я не записал на магнитофонную ленту текст моей беседы с торговцем сате! А в двух словах вот что он сказал нам: он мадурец; сколько ему лет, не знает — наверное, около двадцати пяти («когда меня делали, еще не было электричества»); не женат; и конечно же, «сате умеют делать только на Мадуре».

На улице Сурабая на базаре покупаю трубочки для батикования тканей, о которых давно мечтал. Они очень пригодятся в музее. Остальные инструменты, необходимые для производства батиков, приобретаю в мастерской.

Между тем наступил канун Нового года. Кора, собака, охраняющая нашу виллу, уже днем начала нервничать: бедняжка не переносит стрельбы, а денег на фейерверки здесь не жалеют. Праздник в посольстве затянулся. Домой на Телук Бетунг возвращаюсь лишь в пять утра.

Все прекрасно, но мне так хотелось побывать в новогоднюю ночь где-нибудь в китайском квартале, посмотреть, как встречают Новый год китайцы. Но ничего, может быть, удастся наверстать упущенное в Сингапуре, где китайский Новый год приходится на 27 января. Здесь китайцам не разрешают праздновать их Новый год, и они это делают 31 декабря.

В китайский район отправились днем. Проходим мимо руин бывшего посольства КНР, разрушенного во

время известных волнений¹⁹. Поражает огромное количество киосков с китайскими товарами. Минуем лавочку, вдоль стены которой стоит ряд игровых автоматов. Темнеет. Продолжавшаяся весь день стрельба ракетами усиливается. Стреляют сплошными очередями, как из автоматов. Гремят выстрелы, сыплются искры. Кажется, сейчас взлетит на воздух вся Джакарта.

Китайцы в Индонезии — это особая проблема. О финансовом могуществе китайцев я получил представление в Сурабае, когда, улучив немного свободного времени, принялся просматривать телефонные книги. Это на первый взгляд скучное занятие оказалось весьма интересным. Прежде всего я обратил внимание на обилие китайских фамилий, которому, казалось, не соответствует число китайцев, встречающихся на улицах. Дело в том, что у кули и бечаков телефонов, разумеется, нет. Когда я просмотрел две рубрики — магазины и врачи, — передо мной возникла довольно ясная картина социально-экономического положения китайского меньшинства. Под рубрикой «магазины» фигурирует 469 магазинов, имеющих телефоны, из них в 182 случаях фамилия ничего не говорит о национальной принадлежности его владельца, в 40 случаях владельцами магазинов являются индонезийцы, европейцы или арабы и в 247 случаях — китайцы. К этому надо добавить, что китайцы нередко носят европейские фамилии (после падения Сукарно многие из них взяли себе новые фамилии), так что, если в приведенных цифрах имеется ошибка, то только в пользу китайцев. Что же касается врачей, то на 103 индонезийских и европейских врача приходится 87 врачей-китайцев. Закусочные, столовые, кафе тоже в основном принадлежат китайцам. Цифры говорят, что владельцами ресторанов и кафе в Сурабае являются: один индонезиец, одиннадцать лиц, о национальности которых по фамилиям судить трудно, и двадцать два китайца.

Однажды мы с друзьями поехали ужинать в какой-то неприглядный кабачок, грязный и мрачный, этакое сочетание деревенского трактира в наихудшем варианте с буфетом на заброшенной железнодорожной станции. Однако там готовят лучшую во всей Джакарте еду. Гол-

¹⁹ Речь идет о событиях осени 1965 г., когда в Индонезии была предпринята поддержанная Пекином попытка совершить государственный переворот. — *Примеч. ред.*

ландцы, которым после завоевания Индонезией независимости пришлось покинуть эту страну, до сих пор вспоминают этот кабачок.

Итак, прихватив столовые приборы, выпивку и скатерть (чистой скатерти в этом кабаке не получишь), вшестером едем ужинать. Обслуживают нас сыновья хозяина. Составив два столика, мокрой тряпкой пытаются стереть с них грязь и жир. Стол накрывают нашей скатертью. Анджей долго изучает меню длиной с километр. Заказывает. Через минуту еда на столе. Боже, какие изысканные блюда! Омлет из креветок, что-то еще и еще, название чему я подобрать не в состоянии. Ем с удовольствием, съедаю даже куриные потроха, к которым отношусь без особого восторга. Вообще же стараюсь не выяснять, из чего приготовлено то или иное блюдо — боюсь испортить аппетит. Запиваем виски с содовой и льдом.

Объевшись деликатесами, начинаем внимательно разглядывать соседей. Рядом с нами сидит компания индонезийцев, которые, видимо, прекрасно себя здесь чувствуют — все разулись и едят с явным удовольствием. Наблюдаю, как один из них, взяв рукой горсть риса, скатывает из него шарик, макает его в различные соусы, после чего с аппетитом съедает и облизывает пальцы. Люди ведут себя сдержанно, благовоспитанно, чинно. Никаких скандалов, ссор.

Побывал я и на Пасар икан (Рыбном рынке). Сфотографировал забавные мостки, принадлежащие одному торговцу. За удовольствие пройти по этим мосткам пришлось заплатить пять рупий. Торговля идет бойко. На улице возле базара — что-то вроде рулетки. Играют с большим азартом. Чему удивляться — кругом китайцы. А вот движется процессия: мальчика ведут на обрезание. Нарядно одетый, в праздничной шапочке, в окружении родителей и музыкантов, он вместе с другими детьми едет на рикше. Впереди молодой человек, гордо несущий индонезийский флаг.

На берегу у уличного торговца хотел купить плетеную шляпу, о какой давно мечтал, да тот, решив, видно, что у иностранца денег полно, запросил такую цену, что я и торговаться не стал. В итоге бедняга не заработал и сена (сен — одна сотая рупии — фактически не используется в обращении).

Вечером приглашают на богатую индийскую свадьбу. Женится член семьи одного из ведущих торговых агентов. «Дута индонесиа» — гостиница, воздвигнутая еще при голландцах и до тех пор, пока японцы не построили «Индонесиа», самая роскошная гостиница в Джакарте, — тонет во тьме. Испорчено электричество. Здесь это довольно часто случается. Лестница при свечах выглядит романтично. Записавшись в книгу гостей, входим в полупустой зал. Торжество назначено на восемь вечера, уже почти половина девятого, однако ни гостей, ни хозяев нет. Опоздать меньше чем на полчаса в Индонезии считается чуть ли не дурным тоном.

Оглядываю зал. Расставленные рядами стулья заполняют почти все пространство. Их нет лишь на широкой веранде и просцениуме, где стоят столики и стулья по обеим сторонам красного диванчика. Это места для молодых и членов семьи. Вверху транспарант с надписью: «God bless couple Mokini with Gope» («Да благословит господь чету Мокини и Гопе»). Эти же слова выложены из цветов, образующих венки диаметром больше двух метров. Вокруг и по краю просцениума масса цветов, венков, посеребренных, согласно индонезийской моде, листьев. Официанты разносят кока-колу, апельсиновый сок, соленые орешки и маленькие поджаренные лепешки.

Около девяти часов зал начинает понемногу наполняться. Прибывают все новые гости. Вижу, что нам пора позаботиться о сидячих местах, иначе ничего не увидим. На столик, который стоит около нас, ставим побольше рюмок, чтобы официанту было куда подливать напитки.

В зале много мужчин в европейских костюмах. Лишь у одного тюрбан на голове. Много красивых и нарядных дам. Белые сари, отделанные белой же вышивкой, сари цветные, расшитые или расписанные золотом. Самое роскошное сари, конечно, у хозяйки дома. С головы до пят дамы увешаны украшениями, богатство которых не поддается описанию. Однако должен заметить, что сари — прелестный наряд для девушек и молодых женщин — не слишком подходит для зрелых матрон. К сожалению, индийские женщины довольно быстро обрастают жирком, складки которого колышутся под тонкими прозрачными тканями, не говоря уже о том, что этот

наряд оставляет открытыми часть спины и живота. Очаровательны девочки-подростки в коротких платьицах и такого же цвета узких брючках. На плечи наброшены прозрачные шарфы в тон всему костюму.

В половине десятого начинается торжество. Слуги торопливо накачивают воздухом карбидные лампы, расставленные по обеим сторонам сцены. В зал торжественно вступают жених и невеста. Точнее, их вводят, держа за руки. Они передвигаются как манекены, стараясь не сделать ни одного лишнего движения. Невеста увешана драгоценностями, пальцы унизаны кольцами так, что шевельнуть ими почти невозможно. В носу — кольцо. Жених — с небольшой лысиной, явно довольный собой и жизнью, обвешан белыми и красными тканями. Новобрачных торжественно усаживают на упомянутый выше диванчик, разувает. Сидящие на просцениуме дамы босы, а мужчины в одних носках. Потом на молодых оправляют одежду, красиво укладывают складки сари на невесте, заботясь о том, чтобы ей легче дышалось. Стоящая за их спинами девушка помахивает веером. На стульях по обеим сторонам диванчика располагаются родственники: родители жениха с его стороны, мать и отец невесты ближе к ней. Уселись. И тут началась страшная суматоха и беготня. Оказалось, полуторачасового опоздания, чтобы закончить все приготовления, не хватило. Только сейчас приносят, расставляют и передвигают какие-то столики. Руководит всей суетой одетый в белое пожилой господин — то ли распорядитель церемонии, то ли индуистский жрец. Теперь он приступает к исполнению своих обязанностей. Сначала подпоясывается белым полотнищем, затем вынимает из портфеля какие-то предметы, завернутые в газеты, достает большие ложки и горшочки. Все это расставляется в каком-то странном порядке, производящем впечатление полного беспорядка. Вообще на протяжении всей церемонии царит бестолковщина и неразбериха. Жрец зажигает ароматические палочки и бросает их в сосуд, стоящий на треножнике перед молодыми. Из сосуда вырывается пламя. Жрец, а затем жених подливают в горшок масла. Жрец что-то монотонно поет. Все это тянется нескончаемо долго. В какой-то момент к нам подсаживается отец жениха, который объясняет смысл происходящего. Новобрачные, говорит он, соединяются на всю

жизнь, на горе и радость. Священный огонь, охватив все, очищает. Он очищает пищу, одежду и, наконец, души людей, которых после смерти сжигают на костре. Совсем недавно преданные жены шли за мужьями на костры. Сейчас этот обычай ушел в прошлое, хотя в некоторых деревнях в Индии вдов все еще сжигают вместе с останками мужей.

Между тем церемония продолжается. Теперь жена, хранительница домашнего очага, бросает в огонь остатки пищи. Жених следует ее примеру. Затем молодая пара обходит стол, точнее, их ведут вокруг стола, на котором стоит сосуд с огнем. По традиции жених и невеста должны обойти вокруг огня семь раз. Сколько же это займет времени? К счастью, оказывается, что первый круг был самым продолжительным. Дальше дело пошло быстрее, речи жреца стали короче. Затем он достает пластиковые мешочки с рисом, сыплет его в ладони жениха, под которые подставила ладони невеста. Жених пересыпает рис в ладони невесты, а та бросает зерна в огонь. Новобрачные еще несколько раз обходят стол, после чего садятся, поменявшись местами: она рядом — с родителями мужа, он — около ее родителей. Теперь сари невесты связывают с накидкой жениха, и жрец вручает им венки из цветов и разноцветных листочков бумаги. Жених надевает венок на голову невесты, та — на его голову. Последние круги вокруг огня, еще несколько венков, и новобрачных (по-прежнему связанных) уводят со сцены, а гости подходят с поздравлениями — мужчины к мужу, женщины к жене. Бракосочетание совершилось.

До недавнего времени новобрачные встречались друг с другом впервые только во время свадебной церемонии. В данном случае, как сообщил нам по секрету брат жениха, неофициальное знакомство будущих жениха и невесты с братьями и их женами состоялось раньше, хотя вопрос о браке решили родители.

Анджей едет в Богор. Он должен договориться об установке в ботаническом саду мемориальной доски, посвященной одному из выдающихся исследователей яванской природы, Мариану Рациборскому, жившему во второй половине XIX века. Я еду с ним. Хочу познакомиться с господином Мубирманом, автором книги о яванском национальном театре. Мы много говорили о

литературе, посвященной ваянгу. Я дал господину Мубирману фотографии кукол ваянг кулит из нашего музея с просьбой оформить на них документацию, получил от него в подарок экземпляр его книги в английском издании. Еще большее значение для меня имела встреча с господином Сурьябратом, прочно осевшим в Индонезии голландцем, влюбленным в театр (в его доме трудится целая артель мастеров, изготавливающих куклы для театра). Поскольку яванский театр — моя страсть и главный предмет исследований, мы быстро нашли общий язык и много часов провели в беседе о разных формах ваянга, о его значении в прошлом и настоящем. Этот разговор дал мне гораздо больше, чем работа в библиотеке Центрального музея. Во время первого визита к господину Сурьябрату он организовал концерт гамелана, показал ваянг голек²⁰ и великолепные танцы. После этого его бывшая студентка, очаровательная девушка, американка, изучающая индийскую музыку в Мадрасском университете, играла для нас на скрипке. Нам очень понравились танцы, которые обычно исполняются в костюмах и масках. На сей раз юноши и девушки, а затем только две девушки танцевали не в костюмах, а в слендангах, повязанных на талии. Поскольку танцы происходили во дворе, девочки, возвращавшиеся из школы, включились в них, довольно удачно подражая движениям танцовщиц. Те сначала внимательно следили за детьми, потом немного потанцевали вместе с ними, пару раз изменив что-то в положении их рук. Прошло еще несколько минут, и в танец включилась девочка лет шести-восьми. Девчушке не все хорошо удавалось, ее движения отставали от движений взрослых, но те наблюдали за ней, то и дело показывая и поправляя. Так вот как здесь поставлено дело: танцовщиц готовят буквально с младенческих лет!

Само собой разумеется, что я не только беседовал о ваянге и искал литературу о нем в библиотеках, но и старался всюду, где только можно, смотреть представления.

В отдельных местах, например, в Палембанге, под влиянием ортодоксально настроенных мусульманских

²⁰ Ваянг голек — яванский традиционный театр объемных кукол. — *Примеч. ред.*

кругов представления ваянга, тематика которого преимущественно связана с индуистскими верованиями, прекратились. Зато в других районах великолепный живой театр настолько сросся с яванской традицией, что принятие ислама не только не привело к исчезновению театра кукол и теней, но, наоборот, обогатило его новым содержанием, которое влилось в старые формы.

В столице Индонезии раз в две недели на площади перед Центральным музеем дают представления даланги (кукловоды) со всей Явы. При первом моем посещении ваянг голек показывал фрагменты из «Махабхараты». У меня создалось впечатление какого-то дикого сумбура. Во время представления зрители ходят, перекрикиваются с далангом, требуют, чтобы убрали тех или иных персонажей, которые им не нравятся, свистят, едят, пьют оранжад. Реагируют громко, темпераментно. Поистине народный театр! Я не смог ничего понять, поскольку спектакль шел на родственном яванскому сунданском языке. Однако соседи охотно объясняли мне происходящее на сцене.

Стоящий на сцене гунунган (символ древа жизни) олицетворяет собой лес, горы и прочее, что может понадобиться по ходу дела. Даланг после небольшого музыкального вступления произносит короткую речь. Потом убирают гунунган, и представление начинается. Оно длится с девяти вечера до утра. В четыре часа я едва сижу, делая нечеловеческие усилия, чтобы не заснуть. К счастью, шум, который поднимает даланг, разбудит и глухого. К четырем часам почти все персонажи погибают, тем не менее над сценой продолжают летать стрелы и военные топоры. Снова выносят гунунган. Это значит, что можно идти домой. Ухожу смертельно усталый, но весьма довольный собой: уверен, что я единственный на земле поляк, которому удалось выдержать такой длинный спектакль.

Удалось мне побывать и в театре теней (ваянг пурва)²¹. Ставили сцену из «Рамаяны». Публика вела себя гораздо спокойнее и сдержаннее, чем на предыдущем спектакле, однако реагировала достаточно живо и непо-

²¹ В а я н г п у р в а — традиционный яванский театр плоских пергаментных кукол. Представления устраивались таким образом, что одна часть зрителей наблюдала за самими куклами, а другая — за их тенями, отбрасываемыми на специальный экран. — *Примеч. ред.*

средственно. К сожалению, впечатление разбивали современные детали вроде электрического прожектора, который светил вместо традиционной масляной лампы.

Строго говоря, это не был театр теней: зрители сидели с освещенной стороны экрана, той, где движутся куклы. Перед экраном, несколько отступя от него, находился даланг. Позади расположились оркестр и хор. Мужчины-оркестранты одеты в саронги и темные куртки. На головах — платки. Они то играли на инструментах, то, ударяя себя руками по бедрам, вторили хору, состоящему из шести женщин. Этот даланг говорил гораздо лучше того, которого я слышал две недели назад. Зрители поминутно разражались смехом — видимо, кукловод шутил. Отдельные отрывки текста пели все вместе — даланг, женский хор, оркестр и даже кое-кто из зрителей. Пока поет хор, даланг дымит сигаретой. Курьезов предостаточно. Когда утомленный Рама просит, чтобы его освежили, один из демонов обмахивает его тем же веером, каким только что пользовался даланг.

Между прочим, открываю новый музыкальный инструмент в гамелане: обычный спичечный коробок, по которому ударяют пальцем.

Домой возвращаюсь пешком. Бечаки, наперебой предлагающие свои услуги, поражены: туан идет пешком! Но я отказываюсь от их помощи.

— Туан джалан каки (Господин гуляет), — говорю им с улыбкой.

Позднее я посетил представление ваянг оранг²². Это было в Таман Марзуки. Билеты стоят от 50 до 500 рупий. Покупаю за 150 (дешевле нельзя — неудобно!). Однако, войдя в зал, обнаруживаю, что с того места, на которое я приобрел билет, не будут видны многие важные детали — мимика, костюмы и т. п. Пришлось сказать распорядителю, что я не могу сидеть на месте и что мне необходимо делать снимки, ходить по залу. Служащий решил, что я репортер, и посадил меня в первый ряд, на места для прессы.

Представление длится с восьми вечера до половины первого ночи. По здешним меркам недолго. Но это лишь

²² В аянг оранг — театр, в котором играют не куклы, а люди. — *Примеч. ред.*

часть большого цикла. Сегодня показывают отрывки из «Махабхараты» и «Рамаяны». Я смотрю лишь одно представление. Остальные части цикла отличаются от того, что я увидел, содержанием и балетными номерами.

Сегодняшний лакон (драматическая постановка) заканчивается, как в опере: смертельно раненный Бима без конца говорит и поет. Вот он уже умирает, но продолжает говорить и петь. Хорошо, что он не делает этого после смерти!

Много времени уделяю организации выставки польской гравюры на дереве. Она состоялась, и ее посетило более семидесяти человек. Для Индонезии немало. В Джакарте считается, что, если на выставке побывало тридцать человек, это большой успех.

Вечером, наскоро поужинав, иду с пани Иреной и Магдой к нашему милому соседу, одному из самых симпатичных людей, каких я встретил в Индонезии, господину Тони. Сегодня по поводу тридцать пятого дня с момента появления на свет его дочери состоится торжество, во время которого девочке дадут имя. Обряд напоминает польские пострижины. Мать пронесит новорожденную через комнату, и каждый из гостей обрезает у ребенка немного волос. На подносе лежат небольшие ножницы, оплетенные лентами, и сосуд для волос.

Обряд сопровождается пением. На циновках сидят девять мужчин — кто в брюках, кто в саронгах, и все в одинаковых красных шапочках; перед каждым — чашечка кофе. В центре — сосуд с благовониями. Мужчины поют молитвы, очень, кстати, красиво, хором или соло. Если поет солист, остальные громко вторят ему, повторяя одно слово: аминь. Молитвы перемежаются вздохами — видно, что молящиеся в трансе.

В последний момент перед моим отъездом появляется представитель польских океанических линий с сообщением о том, что, согласно новым предписаниям, пассажир может взять с собой не более 125 килограммов багажа. Моя коллекция весит во много раз больше!

К счастью, на корабле служат милые, сердечные люди. Они быстро и ловко погружают мой багаж, невзирая на его вес. Итак, в коллекции Краковского этногра-

фического музея прибавится 130 экспонатов, из которых самые мелкие я храню в конвертах, а самые крупные с трудом размещаются в автомашинах.

В ГОРОДЕ ЛЬВА

Сингапур встретил меня землетрясением. Честно говоря, если бы не газеты, сообщившие об этом на следующий день, я ничего бы не знал. Газеты писали не только о землетрясении, но и об ущербе, которое оно принесло.

Пятого февраля мы наконец стали на якорь на сингапурском рейде. Невозможно передать, как живописно выглядел со стороны моря этот город!

Проверка паспортов прошла легко и быстро. Сразу видно, что Сингапур — крупный порт, где дорожат временем и стараются как можно меньше задерживать суда и людей.

Рано утром, когда я уже доедал завтрак, в офицерскую столовую вошли двое.

— Можем ли мы повидать пана Камоцкого? — спросили они по-польски.

Знакомимся. Один из них — представитель польских океанических линий в Сингапуре, другой — муж моей давней знакомой. Прощаюсь с капитаном, офицерами и командой, матросы относят мои вещи в моторную лодку, и мы плывем к берегу. Вблизи берега курсируют небольшие военные корабли. Их задача — патрулировать прибрежные воды и задерживать контрабандистов.

Подъезжаем к «Хилтон тауэру», красивому многоэтажному зданию, со всех сторон окруженному зеленью. Меня проводят в комнату для гостей. Какая роскошь: ванна, теплая вода! В Индонезии мне пришлось видеть ванну только однажды, в Нусантара.

Брожу с друзьями по городу и, конечно, прежде всего захожу в музей, расположившийся в двухэтажном здании старой постройки. Позади музея — Национальная библиотека. Формально музей состоит из двух отделов — этнографического и природоведческого, фактически же их четыре. Помимо названных двух есть еще зал, посвященный археологии, а также помещение, где хранятся старинные карты и иллюстрации, отражающие историю Сингапура.

При осмотре экспозиции создается впечатление, что ее основали в тот период, когда Сингапур был частью Федерации Малайзия, а может быть, даже раньше, в колониальные времена, и что с тех пор здесь ничего не изменилось, если не считать коллекции гербов Сингапура или подаренного президентом Никсоном куска лунной породы.

Уже при беглом осмотре города становится ясно, что большинство населения Сингапура составляют китайцы. Европейские вывески тонут в море китайских афиш, рекламных плакатов и т. п.

Официальные языки в Сингапуре — малайский, китайский, английский и тамильский, но в ходу в основном английский и китайский. По-китайски говорит 76% населения, при этом, как ни странно, обиходными разговорными языками считаются английский и малайский, последний — язык бедняков, первый — состоятельных людей, чиновников, полиции и т. п. На китайском языке говорят китайцы, на тамильском — тамильцы, малайский же имеет особые привилегии, считаясь родным языком жителей этого района. Власти всячески стараются подчеркнуть малайский характер Сингапура: текст государственного гимна составлен на малайском языке, в гербе имеются малайские слова и пр. На здании министерства труда я видел табличку на четырех языках в такой очередности: английский, китайский, тамильский и лишь в конце малайский. Над входными же дверями прикреплена дощечка только с малайской надписью.

Когда я говорю, что английского языка вполне достаточно, чтобы объясняться с жителями Сингапура, не следует забывать, что он в устах сингапурских китайцев весьма своеобразен и что люди, прекрасно владеющие английским, не всегда в состоянии понять китайцев, говорящих на этом языке. Чтобы овладеть местным вариантом английского, нужно время. Сингапурские китайцы все говорят на путунхуа — китайском литературном языке, возникшем на основе пекинского диалекта. Этому же диалекту, которому отводится роль общекитайского языка, учат в здешних школах. Тем не менее в Сингапуре нередко можно увидеть двух людей, объясняющихся друг с другом посредством записок. Они говорят на разных диалектах. В названиях улиц могут входить как английские обозначения («роуд», «стрит»),

так, и малайские («джалан»). Вторая табличка, с переводом названия на китайский язык, есть далеко не всегда. Китайские наименования встречаются главным образом на маленьких улочках, населенных китайской беднотой. Это либо перевод с английского, либо транскрипция. Малайские названия в подобных районах встречаются крайне редко.

На дорогах можно увидеть только английские надписи, например, «keep left» («держись левой стороны») и другие, исключение составляет малайское «awas» («внимание»). Таблицы возле крупных строительных объектов (жилые дома, гостиницы и т. п.) обычно составлены на английском и китайском языках. Китайский — чаще всего родной язык предпринимателей и большинства рабочих. Объявления в магазинах нередко на китайском или на китайском и английском, реже — на одном английском. Тамильские надписи с переводом на английский встречаются редко, малайские — еще реже. Зато по-малайски названы президентский дворец, пожарная команда, полицейские посты.

Второй день моего пребывания в Сингапуре совпал с одним из главных мусульманских праздников. С утра иду в мечеть. Сегодня день милосердия, и подаяния обильно сыплются в протянутые кружки. Фотографирую с большой осторожностью, стараясь это делать незаметно: мусульмане не любят, чтобы кто-нибудь, кроме Аллаха, наблюдал за ними, когда они подают милостыню. Такая скромность делает им честь. Однако в том же Сингапуре я видел по телевидению репортаж из Малайзии: женская мусульманская организация раздавала беднякам красиво упакованные в пластиковые мешочки подарки. Мероприятие было хорошо продумано и четко организовано: каждый человек, получивший подарок, вручал своим благодетелям карточку, которая незадолго до спектакля была ему выдана.

Пользуясь тем, что сегодняшний день официально считается праздничным, договариваюсь с супругами Лычевскими (он — инженер-градостроитель, работает в Сингапуре, она с дочерью приехала к нему на несколько месяцев) о походе в ресторан, где можно увидеть выступление танцоров.

Купив билеты и рекламные проспекты, входим в зал, заполненный туристами настолько, что не осталось ни

одного свободного столика. Начинается выступление — девушки танцуют китайский танец, два парня — малайский, изображающий поединок на крисах; потом на сцену выходит заклинатель змей с множеством корзинок. Играя на дудке (или свирели), он выманивает из корзины змей, и те обматываются вокруг него. Не желает ли кто-нибудь посмотреть на змей вблизи? Дама хочет потрогать змею? Пожалуйста. В ту же минуту одна змея оказывается у нее на руке, другая на плече. Дама смеется, но, видно, ей не до смеха. Наконец заклинатель освобождает ее от своих питомцев, и та облегченно вздыхает.

После очередного танцевального номера танцовщицы разошлись по залу и стали приглашать мужчин. Пришлось и мне с моей медвежьей грацией попрыгать возле своей дамы.

Когда выступления закончились, мы отправились в другую закусочную, расположенную у самого моря и славящуюся крабами. Надо сказать, что крабы действительно необычайно вкусны. Неловко себя чувствует лишь дочь пана Лычевского, хорошо воспитанная девочка, которая непременно хочет складывать объедки на тарелку. Я же, преодолев первоначальную скованность, перехожу на китайский метод: бросаю их прямо на стол. Родителям девочки тоже приходится идти на крайние меры — они сбрасывают все с ее тарелки на середину стола, сказав ей, что того требует обычай. Если гость не насорил, значит, ему не понравилась еда.

Покинув кафе, идем в «Парк тигрового бальзама», построенный на средства предпринимателей, производящих тигровую мазь. Большие рекламные щиты утверждают, что этот бальзам помогает от всех существующих и несуществующих недугов.

Кончаем день в Луна-парке. Бегаем по маленьким магазинчикам, играем во всевозможные игры, стреляем в тире. Пневматические ружья заряжены пробками. Поскольку служащий-китаец закладывает эти пробки не совсем правильно, они все время летят не туда, куда целится стрелок. В итоге проигрываем три сингапурских доллара (один американский).

В воскресенье отправляемся на лодочную прогулку. Приехав в порт, пытаемся нанять лодку. В небольшом внутреннем бассейне стоит больше десятка крытых мо-

торок, на чьих крышах выписаны регистрационные номера и названия одного из ближайших островков. Поторговавшись, берем лодку на три часа. Плыдем мимо островков, где стоят большие нефтяные баки.

Наше суденышко, как и все другие, в праздники возит купальщиков на острова, а в будни доставляет людей на службу.

Вначале мы подплываем к маленькому песчаному островку. Какие-то кустики, небольшие деревца, корзины для мусора, но мусор тем не менее разбросан повсюду. Объявление, запрещающее сорить на острове и грозящее штрафом в пятьсот долларов, никого не смущает.

Находим незанятое дерево, складываем под ним свои вещи — и в море. Плыву к ближайшему островку. Потом, немного отдохнув, к следующему, на нем расположен малайский кампунг. Выступающий в море деревянный помост окружен сваями, к которым привязаны лодки. В одной из них — жестяные сосуды с пресной водой: на острове нет ни одного колодца.

В деревне как-то странно переплетается новое со старым. Некоторые лодки оснащены моторами; старинной застройки малайские дома часто крыты рифленым железом. В деревне есть небольшой клуб и полицейский пост.

Население острова живет в основном работой в промышленности (главным образом нефтяной) и рыболовством. Между деревьями развешаны для просушки сети. Однако рыболовство не приносит больших доходов: рыбы в этих местах мало, ходить за ней приходится далеко. Кое-что деревня имеет от туризма.

Наш лодочник сказал, что на ближайших островках имеется пять таких кампунгов. В одном из них есть мечеть.

После обеда гуляю по городу. Откуда-то доносятся звуки военного марша — шагает военный оркестр, состоящий примерно из тридцати музыкантов, следом — отряд из двадцати солдат. В белых куртках, в синих шапках с красными околышами, синих брюках с красными лампасами. Оркестранты подпоясаны красными поясами, солдаты — белыми с красными краями. Отряд подходит к воротам парка, где стоят два стражника. Здесь находится резиденция президента республики, ко-

торую тут называют кратоном. Оркестр останавливается, солдаты выстраиваются вдоль дороги. В это время со стороны кратона идет точно такой же отряд с оркестром во главе. Начинается сложная церемония смены караула. Офицеры отдают команды, щелкают каблуки, взлетают сабли, оркестр играет, возможно, государственный гимн, выходит патруль для смены караула, сержант бежит вокруг солдат. Его движения напоминают танец — назад, вперед, на месте. Чеканя шаг, перед шеренгами маршируют командиры с саблями в руках. Дойдя до конца шеренги, стукнув каблуками, поворачиваются и шествуют назад. Минут через десять возвращается патруль. Оттанцевав свой «номер», солдаты возвращаются в строй. Теперь гремят оба оркестра одновременно и при этом очень сложно передвигаются, чтобы расступиться и дать возможность пройти тому оркестру, который пришел на смену. В конце концов один из отрядов во главе с оркестром уходит. Церемониал смены караула позаимствован индонезийцами у англичан, но здесь он удивительно похож на игру.

Я миную армянскую церковь, самую старую христианскую церковь в Сингапуре, построенную в 30-х годах XIX века, масонский клуб и выхожу на Нью-Бридж-стрит, за которой тянутся такие же, как она, маленькие улочки. Заглядываю в китайские лавочки и рестораны; перед ними прямо на мостовой колют предназначенный для лимонада лед.

Утром еду в посольство ПНР, разместившееся в огромном здании, принадлежащем китайскому банку, а в десять часов — в Управление польских океанических линий. Нужно оформить документы и забронировать место на теплоходе «Хель».

После обеда иду с друзьями в нефритовый дом, стоящий в саду, напоминающем «Парк тигрового бальзама», где я был позавчера. Коллекция изделий из нефрита собрана одним из предпринимателей, разбогатевших на производстве тигровой мази. Сокровища разложены в шкафах с зеркальными стеклами, которые, отражая свет, делают невозможным осмотр.

В музее недавно наведен порядок: витрины протерты, прекрасная нефритовая ваза перестала выполнять роль урны.

Сокровища музея доступны для осмотра не каждо-

му. За вход вы не платите. Посетить выставку можно по специальному приглашению, действительно только на один день.

После ужина иду смотреть на первое шествие, которым начинается главный праздник тамилы — тайпусан. Напоминаю, что тамилы — это одна из четырех крупных народностей, населяющих Сингапур.

В извечной борьбе небесных сил с демонами, как гласит одна из легенд, однажды наступил критический момент, когда, казалось, силы зла побеждают. Однако всемогущий Шива, вняв молитвам, помешал их окончательной победе. Он раскрыл третий глаз, расположенный в середине лба, из него вылетело шесть искр, из которых возник Субраманиам. По приказу отца молодой бог явился в золотой колеснице перед армией добрых духов, повел их на бой, и они победили. Правда, эта победа не привела к полному исчезновению сил зла. Борьба добра со злом вечна, она идет внутри каждого из нас, и каждый должен принять в ней участие. Но после победы Субраманиама силы добра окрепли, и людям стало легче жить. Вот почему Субраманиама чтут как символ добродетели, красоты, мужества и молодости.

Итак, в полнолуние, приходящееся на месяц тай (вторая половина января — первая половина февраля), когда луна находится на одной линии со звездой Пусан, храм Субраманиама готовится к приему паломников. Накануне этого дня статуя Субраманиама наносит визит статуе старшего брата этого божества, Ганеши, находящейся в храме на улице Кеонг Сайк. Почему Субраманиам в канун своего праздника посещает именно Ганешу? Может быть, этим хотят подчеркнуть, что мужество и добродетель всегда, а в трудной борьбе со злом особенно, должны идти рука об руку с разумом?

Стою в толпе тамилы, разглядываю празднично одетых людей и дома, увитые растениями. Поперек улицы от одного дома к другому протянуты веревки с гирляндами разноцветных лампочек. Время от времени эти веревки кто-то раскачивает, и лампочки, сверкая, летают по воздуху. Приняв гирлянды за обычные праздничные украшения, я ошибся. Позднее мне стал ясен их подлинный смысл.

Бесконечно тянется ожидание. Процессия едва пол-

зет. Однако никто не волнуется, не спешит: времени достаточно.

Но вот слышится музыка. Процессия приближается. Впереди в сопровождении небольшого оркестра кружатся в танце большие куклы, среди которых пляшет и подпрыгивает кукла, как две капли воды похожая на краковского лайконика²³. Сходство усиливается оттого, что она украшена павлиньими перьями. Павлин считается священной птицей Субраманиама.

За «лайкоником» снова идут музыканты, далее запряженная двумя белыми быками движется огромная, великолепно украшенная повозка, на которой установлена модель храма со священной статуей. Повозка должна напоминать ту, на которой явился перед своими воинами Субраманиам. Она то и дело останавливается, чтобы к ней могли подойти люди с дарами — полными фруктов подносами. Полуобнаженный жрец принимает подносы и передает другому, стоящему ближе к часовенке, а тот подносит фрукты к статуе, которая их «благословляет». После этого поднос с освященными фруктами возвращается к верующему. Время от времени жрец поднимает вверх сосуд с огнем. Люди протягивают к нему светильники с мелко наколотым сахаром, который воспламеняется, и они поспешно несут домой священный огонь.

Кроме плодов верующие дарят божееству цветы — статуя почти не видна из-за венков. Жрец поминутно вешает на нее все новые венки, снимая старые и кладя их около часовни. Иногда он бросает венки в толпу, восторженно принимающую священные реликвии. Кроме того, венки вешают на веревки с цветными лампочками. Для этого молодые люди, высунувшись из окон домов, опускают вниз гирлянды, так что они преграждают путь процессии. После того как жрец благословит гирлянду и украсит ее венком, веревку подтягивают вверх, освобождая путь шествию. Быки трогаются с места, верующие подталкивают колеса. Сверкающая пирамида движется вперед, чтобы, проехав несколько метров, снова остановиться перед следующей гирляндой или очередным дарителем.

²³ Л а й к о н и к — фигура традиционного народного карнавала в Кракове, одетая в широкую юбку, к которой прикреплены деревянные передняя и задняя части туловища коня. — *Примеч. ред.*

Повозку, как в давние времена, тянут быки, но следом на грузовике везут генератор, связанный с нею кабелем. Генератор обслуживают техники-китайцы. Присутствие на тамильском празднике китайского технического персонала великолепно иллюстрирует положение отдельных национальных групп, населяющих Сингапур. Тамилы заняты на низкооплачиваемой работе, а техника и бизнес целиком находятся в руках китайцев.

Процессия будет двигаться еще много часов, но мне пора уходить. Сворачиваю в одну из боковых улочек, ловлю такси и возвращаюсь в Хилтон-тауэр, чтобы отдохнуть перед главной, наиболее интересной, с точки зрения этнографа, частью празднества. В Сингапуре наряду с защитниками есть и противники некоторых ритуалов данного обряда. В одном из здешних индуистских изданий, выходящих на английском языке, говорится: «В Индии этот праздник проводится иначе, чем в Сингапуре. Там правительство запретило прокалывание тел. В Сингапуре же, где свободно сосуществуют различные религии, каждая имеет полную возможность отправлять свои богослужения и обряды так, как желают верующие».

На следующий день едем в храм Вишну — Перумаль. Вишну не имеет отношения к обрядам, связанным с почитанием Субраманиама, все дело в том, что двор его храма очень удобен для грешников, готовящихся к самоистязанию, и имеет выход на широкий проспект. Кроме того, он расположен на достаточном, но не слишком большом расстоянии от храма на Тэнк-роуд. А это важно, потому что шествие самоистязующихся должно быть не слишком продолжительным, чтобы они могли дойти до конца, ни разу не лишившись чувств.

В храме сильно пахнет ладаном. Непрерывно грохочут барабаны. Настроение у всех праздничное, приподнятое. Суется продавцы напитков и сладостей, среди них — одетые в белое мужчины, продающие павлиньи перья.

Между тем в разных концах храмового двора готовятся к шествию кающиеся грешники, которые две недели перед этим, настраиваясь на определенный лад, размышляли и постились, чтобы спокойно вынести боль. Друзья и близкие героев сегодняшней церемонии воскуряют благовония, бьют в барабаны, танцуют, что-то

Выкрикивают, молятся — делают все, чтобы поддержать их силы. Жрец осыпает их священным порошком, который представляет собой смесь трав и составной частью которого является высушенный коровий помет. Во всяком случае, каков бы ни был сакральный смысл этого порошка, он имеет свойство останавливать кровь и делать кожу менее чувствительной. Жрец проводит вдоль тела грешника горящим благовонным факелом, затем ставит этого человека на две утыканые железными гвоздями дощечки, после чего на него надевают широкий пояс с торчащими металлическими стержнями, на которых держится громоздкая конструкция — кавади.

Полукруглой формой кавади должны напоминать колеса повозки Субраманиама. Само слово «кавади» восходит к старотамильскому названию жертвы, которую несут на плече. Кавади чаще всего деревянные, тяжелые, их украшают цветами, фигурками, священными картинками и особенно павлиньими перьями. Сегодня самоистязующиеся будут нести их на плечах, что соответствует первоначальному значению слова. Те кавади, которые сейчас под наблюдением жреца готовят и украшают к празднеству, — иные. Они сделаны из металла и напоминают две поставленные рядом половины велосипедных колес. Помимо павлиньих перьев, статуэток и картинок они украшены, если можно так выразиться, бесчисленными длинными металлическими, заостренными на концах иглами, символизирующими копьяди воинов Субраманиама. Иглы, снабженные цветными флажками на концах, продеты в специальные отверстия в металлической конструкции кавади. Ими прокалывают оттянутую двумя пальцами кожу на груди и спине. Число игл увеличивается, и человек становится похожим на огромного ежа; жрец посыпает раны желтым порошком. Порой губы мученика сводит судорога, тогда шествие приостанавливается. Громче гремят барабаны, ритмичнее движется круг друзей, резче звучит похожее на крик пение. Жертва успокаивается и указывает, куда следует воткнуть очередную иглу. Но это еще не все. В руки и ноги вонзают крючки, на которых подвешены какие-то зеленые плоды величиной с лимон; кроме того, специальными иглами прокалывают губы.

Разносится запах благовоний, со всех сторон грохочут барабаны. Атмосфера становится гнетущей. Туристы

фотографируют как одержимые, словно весь этот обряд совершается специально для них. Я стараюсь держаться в стороне, не мешать. Многие иностранцы, не выдержав, уходят. Не упасть в обморок от этого зрелища действительно трудно. Долго еще меня будет преследовать запах ладана. Он присутствует во всех храмах, но нигде не бывает таким сильным, как здесь.

Наконец первые самоистязующиеся приготовились. Начинается шествие. Полиция приостанавливает движение: люди, несущие кавади, должны иметь перед собой открытую дорогу. Каждый из них окружен друзьями, которые следят за тем, чтобы никто не толкнул кавади. Малейший толчок может еще больше поранить кожу.

С треском разлетается на куски брошенный в воротах храма кокосовый орех, обрызгав всех находящихся поблизости соком.

Человек, несущий кавади, идет медленно, его глаза закрыты. Временами он переходит на танец, тогда над ним колышется все искусно построенное сооружение. Кружатся, сверкают среди флажков, игл и павлиньих перьев золотые и серебряные фигурки. Вокруг грешника, пригнувшись, танцуют его друзья. Один из них с книгой (или рукописью), продвигаясь спиной вперед, непрерывно поет. Когда кончается строфа, танцующие подхватывают рефрен. Певцы время от времени сменяют друг друга, порой среди них появляются женщины. Песнопение не приостанавливается ни на минуту.

Временами человек, несущий кавади, теряет силы. Тогда друзья заботливо его поддерживают, массируют ему ноги. Барабан гремит сильнее, а пение переходит в общий крик: «Лэль, лэль, лэль, лэль, лэль, лэль!» Этот крик и ритмичные прыжки производят некое магнетическое действие, возбуждая зрителей, и это возбуждение в конце концов передается ослабевшему. Он подхватывает ритм и опять начинает танцевать.

Сегодняшнее шествие не носит такого организованного характера, как вчерашнее. Каждая группа движется отдельно, останавливаясь всякий раз, как с храмового двора выходит очередной носитель кавади и его друзья. У одних проколоты тела иглами, у других щеки — длинными, более чем двухметровыми шпагами, у третьих проткнуты иглами только губы.

По сообщениям газет, в шествии 1970 года в Син-

гапуре участвовало рекордное число людей — пятьсот человек, вдвое больше, чем во время предыдущего праздника. Среди носителей кавади есть и дети. Рядом идут родители, которые легонько поддерживают сооружение, чтобы тяжесть не слишком сильно давила на детские плечи. Некоторые ребяташки, сгибаясь, несут кавади сами. У иных проколоты губы. Очень редко среди искупающих грехи можно увидеть женщину. Со спутанными волосами, с проколотыми щеками, губами, носом, иступленно танцует, время от времени вскидывая вверх руки. Полностью сознания не теряет и, заметив нацеленные на нее фотоаппараты, оживляется, движения становятся дикими, подбегает к объективу, потом отступает...

Если туристы относятся к шествию как к экзотическому зрелищу, то жители Сингапура смотрят на него серьезно и с большим пониманием. Иногда кто-нибудь из китайцев, обремененный, по-видимому, заботами и печалью, дает носителю кавади, точнее, кому-нибудь из его окружения (сам носитель не в состоянии протянуть руку) несколько долларов с просьбой помолиться за него. Среди индийцев, составляющих основную массу носителей кавади, вижу двух китайцев. Один из них несет кавади уже пятый раз.

Так они переходят с одной улицы на другую — весь этот путь, около четырех километров, можно пройти меньше чем за час. Носители же кавади проходят его за несколько часов. Под лучами тропического солнца через город с двухмиллионным населением тянется мрачная процессия, пляшут, согнувшись под тяжестью громоздких сооружений, измученные люди.

Храм на Тенк-роуд окружен толпой индийцев. Вечером я пойду туда, чтобы посмотреть, как закончится праздник. Сейчас даже не пытаюсь пробиться. Толпа разнолика: среди нарядно одетых женщин можно увидеть полунагого паломника. Он неистово молится, став лицом к храму, потом вдруг исчезает. Многие зрители пришли сюда часов в пять утра и будут стоять, несмотря на жару, до вечера. Все хотят попасть в храм. Приходится ждать. Ждут даже сами носители кавади. Иногда можно увидеть, как друзья подставляют кому-нибудь из них стул, чтобы тот мог отдохнуть и набраться сил перед последним танцем в храме и поклонением божест-

ву. Эта, главная, часть обряда — впереди, она состоит-ся вечером.

Впускать в храм будут по специальным приглашениям. Говорят, что будут съемки для телевидения. При свете телевизионных прожекторов и я хотел бы снять фильм.

У меня есть приглашение, полученное через дипломатический корпус, поэтому вечером, надев пиджак и повязав галстук, еду в храм. Костюм и белый клочок бумаги, оформленный, впрочем, не на мое имя, дадут мне возможность снимать. Мимо моего такси проезжает окруженный мотоциклетным эскортом автомобиль с флагом Сингапура на крыле — это президент спешит на окончание празднества.

Вот носители кавади, танцуя, окружили храм, их друзья тоже танцуют — пляска вприсядку похожа на нашего «казачка». Поскольку здесь чрезвычайно тесно, они пляшут, почти не разгибаясь. Кроме того, в образовавшейся давке им гораздо труднее охранять своего друга — защитный круг, который они образуют, смыкается плотнее, и они уже танцуют не вокруг, а под кавади.

Наконец наступает кульминационный момент празднества — поклонение алтарю бога. Жрец благословляет паломников, теперь можно в боковом нефе вынуть из тела иглы и посыпать раны свежим порошком. Тем временем друзья занимаются кавади — снимают с него украшения, разбирают. После этого, если вы подойдете к балюстраде, вас посыплют порошком или дадут освященный банан.

Мои гимнастическо-фотографические манипуляции обратили на себя внимание жрецов. Когда толпа немного поредела и официальные лица уехали, меня пригласили выпить бутылочку лимонада.

Вокруг меня собралась небольшая группа жрецов, началась оживленная беседа на английском и малайском языках. Посыпались вопросы: кто я, откуда, турист, дипломат, журналист? Их необычайно удивило, что я ученый-исследователь из далекой Польши, человек, которого привело в их страну не праздное любопытство, а желание понять и изучить здешние обычаи и культуру. А может быть, их тронуло то, что я понял смысл праздника, не счел обряд варварским, а пытался его осмыслить, так же как другие обряды?

Один из моих собеседников сказал что-то по-тамилски своему соседу, тот вышел, и вскоре вокруг меня собралось человек десять. Возникло какое-то движение, все встали, чтобы приветствовать пожилого мужчину в белом жреческом одеянии. Я тоже поднялся, и настоятель храма под аплодисменты повесил мне на шею венки из цветочных лепестков и вложил в руку маленькие четки.

Когда я с этим венком возвращался домой, в глазах прохожих-индийцев читалось уважение. Назавтра слуги-китайцы очень удивлялись при виде этого венка, однако, узнав, что я получил его в храме, сказали, что мне оказана большая честь и что теперь, получив благословение богов, я буду очень счастлив. На следующий день я отправился в музей, а оттуда в редакцию малайской газеты «Мингу берита», где договорился о встрече в двенадцать часов с одним журналистом. Дом прессы, в котором разместилось несколько редакций, находится близко от моего дома, на соседней улице. Человека, с которым у меня договоренность, нет на месте. Беседую с его заместителем, индонезийцем, очень обрадовавшимся тому, что я был в Индонезии. Разговариваем о моих исследованиях, об этнографии вообще. В конце беседы мой новый знакомый звонит в министерство культуры с просьбой о встрече с заместителем министра господином Мухаммедом ибн Измаилом.

В министерстве приходится довольно долго ждать: у заместителя министра конференция. Поскольку он — один из немногих малайцев — член правительства, его просят бывать на всякого рода открытиях, приемах и пр. Убедившись, что в служебное время нам не удастся спокойно поговорить, господин министр приглашает меня в пятницу в двенадцать часов на ленч в небольшой, но весьма изысканный малайский ресторан.

Под вечер отправляюсь в китайский квартал, хочу посмотреть окончание празднования китайского Нового года. Китайцы отмечают это событие весьма основательно. Я, хоть и не попал на праздник и пропустил красочный танец дракона и многое другое, кое-что интересное все-таки увижу.

Последний день торжества по случаю Нового года немного напоминает наш сочельник. Это прежде всего семейный праздник, но перед вечерним застольем, на

котором присутствуют лишь члены семьи, все идут в храм, чтобы принести жертвы и взять освященные апельсины.

На улице Рейс Корс-роуд много китайских храмов. Один даже помечен на маленьком плане города в числе тех мест, которые я должен посетить за неделю пребывания в Сингапуре. К сожалению, сегодня храм закрыт. Его могут открыть специально для меня, но я отказываюсь — приду потом, ведь меня интересуют не храмы сами по себе, а совершаемые там обряды.

На той же улице имеется один частный храм, перед которым светится огнями елочка, и один общественный. Иду во второй. Внутри много народа, главным образом женщин. На столах — груды апельсинов, горы шкатулок с ароматическим веществом и бумажных «денег духов». Люди покупают коробочки, встают на колени (в центре храма имеются две специальные скамеечки) перед большой чашей, в которой горит масса свечей и слабо тлеют ароматические палочки, кланяются, потом распрямляются и, делая руками вертикальные взмахи, стараются, чтобы палочки, пучки которых они держат в руках, разгорелись ярче.

Второе место для жертвоприношений — это чаша, стоящая перед входом в храм; боковые алтари тоже иногда служат этой цели.

Время от времени то у одного, то у другого из посетителей храма появляется желание поворожить. Взяв высокую круглую коробку, из которой торчат бамбуковые палочки, исписанные всевозможными значками, и стоя на коленях, трясут коробку до тех пор, пока не выпадет одна из палочек. Тогда берут две деревянные таблички и тоже бросают их на землю. По расположению знаков судят о том, исполнится предсказание или нет. Если предсказание должно исполниться, уточняют, какое именно предсказание соответствует номеру палочки, выпавшей только что из коробки.

Перед храмом стоят две большие корзины для жертвенных «денег». Храмовой служитель — «истопник» — ворошит огонь в печи и подбрасывает туда все новые пачки «банкнотов». Духи предков будут довольны — благодаря этим «деньгам» они смогут получше устроиться на том свете.

Все это объясняет девушка, пришедшая в храм вме-

сте с семьей. Когда я спрашиваю, не малайская ли музыка исполняется перед храмом, она сердится. Ну что вы, это настоящая китайская музыка! Скрипки безусловно не малайские, но за то, что подвешенные к стойке гонги — китайские, я бы не ручался — на мой взгляд, это самые настоящие индонезийские гонги.

Домой возвращаюсь пешком, в сопровождении молодого человека, который рассказывает о китайских обычаях. Через открытые двери заглядываем в дома — всюду видны освещенные алтари.

В одном доме совершается траурная церемония. Перед домом стоит масса венков. Возможно, это венки погребальные (хотя такие же венки могут быть и свадебными). В распахнутых дверях стоит гроб (значит, венки действительно погребальные), отгороженный чем-то вроде царских врат. Вокруг висят красные и черные занавеси с вышитыми китайскими иероглифами и изображениями птиц.

По одну сторону ворот едят и пьют прохладительные напитки, по другую — группа провожающих покойного вращает по кругу нечто вроде небольшой карусели, подвешенной на бамбуковом шесте. Карусель оклеена красной папиросной бумагой и украшена белой бахромой. Я думаю, вращение карусели должно каким-то образом облегчить душам умерших пребывание на том свете, а может быть, оно поможет установить согласие между живыми и мертвыми.

Рядом с каруселью сидит старуха и громко причитает. Не похоже, что она искренне страдает, скорее всего это профессиональная плакальщица.

Некоторые участники траурной церемонии одеты в костюмы из мешковины с капюшонами. Под ними рубашки, выпущенные поверх белых брюк, на ногах шлепанцы. Это выглядит довольно-таки комично: шлепанцы, надетые на модные носки, нарядные рубашки, выглядывающие из-под траурной одежды... На головах белые платки, поверх которых повязаны веревки. Один из участников церемонии все время держит на плече палку с привязанным к ней голубым фонарем, обшитым белыми ленточками и украшенным белыми бумажными цветами.

Жаль, что нельзя фотографировать: такова просьба провожающих.

Начинает играть оркестр, состоящий из пискливой флейты и барабанчика, по которому музыкант ударяет ладонью. Барабанчик, похожий на толстую сковородку с ручкой, торчит у него под мышкой, а сбоку висит латунный гонг, в который он бьет палочкой.

От алтаря отделяются трое мужчин и, сняв пиджаки, облачаются в накидки; тот, что в центре — в оранжево-золотую, двое других — в оранжевую. Помолившись у алтаря, мужчины идут к центральным «вратам», у которых стоит гроб. Начинается богослужение. Те двое, что стоят по бокам, бьют в гонги, в руках у третьего — колокольчик с символическим знаком, предназначенным отгонять демонов. Мужчина, прохаживаясь, бьет в гонг, другой держит сложенную гармошкой китайскую книгу, а третий, стоящий в центре, читает по ней тексты каких-то молитв или заклинаний. При всех передвижениях мужчин сопровождает человек с лампионом. Через некоторое время все трое возвращаются в боковой алтарь, где снимают с себя накидки.

Плакальщица опять начинает причитать, безостановочно кружится карусель, люди едят. Однако мне пора домой.

По дороге захожу в индуистский храм, где совершается жертвоприношение. Жрец в скорлупе кокосового ореха разносит освященную воду, которой окропляют себя верующие и которой матери поят младенцев. Сбоку висит табличка: «Плоды для жертвоприношения — 20 центов. Кокос для жертвоприношения — 50 центов».

Сумма взноса вносится в специальную книгу. Жертвователи стоят сложив руки; через какое-то время к ним выходит жрец, который молился в часовенке, и каждому вручает по половинке скорлупы ореха, в которых лежат по два небольших банана и щепотка какого-то порошка.

Потом все ходят вокруг алтаря. Я тем временем рассматриваю картины, в основном мадрасского производства. Сцены из жизни богов — вместе, попеременно с фоторепродукциями с портретов Елизаветы II и президента Сингапура.

Стоя у выхода, читаю объявление о ближайших храмовых праздниках. Вдруг рядом со мной раскалывается кокосовый орех, брошенный одним из жертвователей. Хорошо, что кокосовое молоко почти бесцветно.

Понаблюдав еще некоторое время за молящимися — одни стояли прямо или откинувшись назад и сложив приподнятые вверх руки, другие падали перед алтарем, — я подумал, что в китайских храмах, где тоже падают ниц, все-таки легче, потому что там молятся на коленях. Здесь же устремляются вниз с высоты человеческого роста.

Следующий пункт моей программы — аквариум. Он находится в специальном здании недалеко от театра. Каких только там нет рыб и земноводных! С большим интересом разглядываю пираний и маленьких сухопутных крокодилов.

На другой день после полудня отправляюсь погулять по самым глухим улочкам Сингапура. Иду без фотоаппаратов. В тех районах Сингапура, куда я направляюсь, можно остаться не только без фотоаппарата, но и без одежды. Сингапур не относится к числу спокойных городов, здесь постоянно шныряют китайские бандитские шайки, с которыми полиция справиться не в состоянии. К пойманым бандитам нередко применяется смертная казнь, но ловят их не часто. В газетах что ни день появляются заметки о нападениях, однако очевидцы предпочитают ни о чем не рассказывать, ибо боятся мести.

У ворот одного из домов я натолкнулся на сторожевые будки. Напротив — открытый гараж, в котором наготове стояли две машины, на крыше одной из них — красная лампочка. Я замедляю шаги, желая получше рассмотреть охрану, находящуюся в будках. Она состоит из трех человек. Одеты они в обычные полицейские мундиры, какие носят в Сингапуре, только на головах не фуражки, а светло-коричневые шляпы, украшенные государственным гербом. Позднее я узнал, что это гуркхи, доставшиеся Сингапуру в наследство от англичан и пользующиеся репутацией надежной стражи. Некоторые из них сейчас охраняют английские базы. На доме нет никакой таблички. Возможно, что это своеобразное подразделение охраняет владения какого-нибудь сановника.

Многие частные дома в Сингапуре похожи на настоящие дворцы. Однажды я забрел во двор одного из таких дворцов. Ворота были открыты, и я вошел. Поскольку у входа висели точно такие же фонари, какие я видел у китайских храмов, я объяснил удивленной

хозяйке виллы свое неожиданное вторжение тем, что принял ее дом за храм. Однако пора прощаться с Сингапуром. В порту уже стоит «Хель», корабль, на котором я поплыву в Польшу.

Погрузив вещи в машину, спешим в порт. Каюту мне предстоит делить с одним англичанином. Сейчас моего спутника нет. Оставив багаж, иду представляться капитану Анджею Драпелле, веселому, статному поляку.

Пообедать решили в индийском ресторане «Омар Хайам». Стены и «меню» исписаны изречениями персидского философа и поэта, именем которого названо заведение. «Меню» оформлено великолепно — там и стихи, и цветные репродукции. На последней странице сказано: если дорогие посетители хотят взять «меню» как сувенир на память, то они должны заплатить восемь сингапурских долларов. «Меню» выглядит очень красиво, но такую сумму на него тратить не хочется. Обед типично индийский — буду знать национальную кухню еще одной страны.

До отплытия есть время, потому решили покататься по городу и осмотреть храмы. Сегодня открыт храм Будда Гайя. Внутри, как и во всех буддийских храмах, огромная статуя Будды, в нижней части которой в нише устроена часовенка. Наш гид — очень красивая девушка родом из Таиланда; когда ее спросили, не китаянка ли она, обиделась. Оказывается, для уроженок Таиланда, славящегося красотой своих женщин, сама мысль о том, что их могут сравнить с китаянками, кажется оскорбительной.

Снаружи храм охраняют два огромных чудовища. Не пойму, почему этот храм, построенный в 1927 году, один из наименее интересных храмов, включен в список достопримечательностей, которые показывают туристам. Ведь из пятисот храмов Сингапура можно было бы выбрать такие, которые действительно достойны внимания. Например, стоящий напротив частный храм какого-то могущественного клана.

Капитану «Хеля» хотелось бы испытать ворожбу, но он не умеет правильно бросать палочки. Тогда это делает наш проводник. Удивительно — точно такое же предсказание ему выпало много лет назад в Пекине. В частности, там содержится совет выйти из лодки, если та будет плыть по бурным волнам. Любопытно, что бу-

дет, если нашему капитану выпадет нечто подобное? К счастью, в его предзнаменование не входит совет покинуть корабль.

В том храме, где я был на праздновании Нового года, мы столкнулись со знаменитой прорицательницей. Предсказания этой старой женщины, как говорят, время от времени сбываются. О ней говорится даже в путеводителе для туристов. Так и сказано: «иногда сбываются»... Окруженная толпой женщин, гадалка полулежит на столе и что-то невразумительно бормочет, рисуя иероглифы на бумажках, которые ей подсовывают. Эти иероглифы потом расшифровываются храмовыми интерпретаторами, переписываются на листки с печатью храма и вручаются клиенткам. На вопрос, о чем чаще всего тревожатся женщины, нам отвечают: о замужестве, выборе профессии, домашних делах.

Рядом с алтарем стоит ваза с желтыми и красными разрисованными флажками. Флажки надорваны. Это вотивные флажки, каждый из которых содержит просьбу или благодарность за исполнение желания.

Храм улыбающегося Будды посвящен Будде Будущего — Майтрейе, притом будущего счастливого, когда добро одержит победу над злом. Символ этого будущего — толстый, довольный Будда.

Немного отдохнув, едем в китайский ресторан «Большой Шанхай». Вытерев руки горячими полотенцами и отведав всевозможных китайских деликатесов, снова вытираем руки такими же полотенцами, а потом принимаемся за чай.

Осталось совсем мало времени, и мы решили поехать на одну из самых мрачных улиц Сингапура — Саго Лейн. Не похоже, чтобы европейцев здесь резали на каждом шагу, хотя вести себя нужно осторожно и всякую минуту помнить, что ты — гость. Чтобы фотографировать, нужно иметь специальное разрешение полиции и... солидный эскорт. Иначе и разрешение не поможет.

Печальная это улица, а то, что она подлежит разрушению, придает ей отпечаток безнадежности. Кругом развалины и груды камней, усиливающие атмосферу умирания. На втором этаже полуразрушенных домов видны комнаты, разделенные на крошечные клетушки с двухъярусными нарами. Иные поселяются здесь лишь на несколько дней, но многие — навсегда.

В подобные «дома» попадают не только умирающие, но и больные и даже еще вполне жизнеспособные люди. Иногда сюда приходят одинокие, всю жизнь проработавшие старики. Скромное питание и место на нарах дают им возможность дожить как-нибудь свой век. Смерти, думаю, на этой улице ждут недолго.

Первые этажи заняты магазинчиками, среди которых часто попадаются лавки, торгующие гробами. Покупателей на этот товар хватает. Вот и сейчас мы видим на улице траурную церемонию.

Вместе с тем и на этой улице, где царствует смерть, надо жить. Рядом с группой людей в трауре устроился со своим цирком фокусник. Рисунки на огромном экране рассказывают прохожим о том, что они могут здесь увидеть. Сам актер ложится на утыканную гвоздями доску, а помощники на его груди разбивают камни. К удовольствию зрителей, он демонстрирует массу всевозможных чудес. В его кружку попадает не только мелочь, но и банкноты. А ведь самая мелкая купюра здесь — сингапурский доллар, равный одной трети американского.

Наутро принимаем на корабле репортеров. На «Хеле» среди прочих пассажиров присутствуют две женщины-польки. Хоть Сингапур, а тем более журналисты, посетившие нас, вполне современные, пани Ирена и Барбара представляют собой необычайно загадочное явление. Пани Ирена Рейняк — председатель Народного совета города Хель, женщина-бургомистр, а Барбара Попроцка — инженер-электроник, проверяющая достоинства и недостатки установленного на корабле радара нового типа. Журналисты долго беседуют с ними, а сотрудница местного женского журнала, получив интересующую ее информацию о положении женщин в Польше, задает последний вопрос: что такое радар?

В двенадцать часов мы выпиваем по стопке и прощаемся с немногочисленной сингапурской польской колонией. После обеда выхожу на палубу, чтобы сделать несколько снимков. Фотографирую подметающих набережную китайок. Вот по трапу спускаются последние сингапурцы, вот поднимают трап и подходят буксирные суда, и полоса воды между набережной и кораблем начинает расширяться. Буксирные суда отдают швартовы — мы прощаемся с Азией.

Путевые заметки сотрудника Краковского этнографического музея Януша Камоцкого о его путешествии по Индонезии имеют черты как бесхитростного и даже слегка наивного рассказа туриста-фотографа, стремящегося увековечить достопримечательности в своем семейном альбоме, так и этнографического труда о малоизвестных индонезийских районах. Заинтересовавшись у себя на работе знаменитым яванским театром плоских кожаных или пергаментных кукол — ваянгом, автор что называется вытащил выигрышный билет. Ему удалось совершить длительную поездку по островам Малайского архипелага и побывать в местах, лежащих в стороне от обычных туристских маршрутов. Профессиональная же подготовка в качестве этнографа-индонезиста, о чем откровенно и не без юмора пишет сам Я. Камоцкий, не предшествовала путешествию, а, по сути дела, началась вместе с ним. В море по пути на Яву он пытается освоить индонезийский язык, на Яве тратит много времени на ознакомление с вещами, достаточно хорошо известными любому специалисту. Автор повсеместно удивляется очевидным для любого индонезийца и индонезиста явлениям и все время фотографирует, фотографирует... Он фотографирует все, что видит: и тысячи раз отснятые и опубликованные яванские храмы и бычьи гонки на Мадуре, и совершенно уникальные сцены из жизни кубу или жителей отдаленных островов Восточной Индонезии.

Такая подготовка недостаточна, конечно, для того, чтобы написать исследование, однако ее вполне хватило на создание небольшой очерковой книги. Рассказ Я. Камоцкого весьма живой и непосредственный, как рассказ человека, впервые познающего страну, неожиданно открывающего для себя много удивительного вокруг и не утерявшего умения восторгаться увиденным. Поэтому портрет Индонезии, огромной, пятой в мире по количеству населения страны, нарисованный в этой книге, подобен любительскому снимку, запечатлевшему, несмотря на техническое несовершенство, подлинную суть виденного. Автор может просто ошибаться, может многого не заметить, наконец он может легкомысленно и наивно осмыслять происходящее, но несмотря на это, Индонезия предстает перед нами во всей своей реальности такой, какой она обрушивается на приезжего — многоцветной, многоостровной, многокультурной, многоэтничной. Как в калейдоскопе мелькают величественные памятники индо-яванской цивилизации VIII—X вв. — храмы Каласана, Прамбанана, Боробудура сменяются вычурным «водным дворцом» Тамансари-Таманледоком, построенным для джокьякартского султана по европейским образцам в середине XVIII в., и другими более поздними памятниками. Древний ваянг разыгрывается на фоне современных оте-

лей; традиционные батик и икатированные ткани украшают дам на дипломатических приемах; изнывающие от жары волокиты-чиновники требуют все новые и новые сураты, в то время как буквально в двух шагах от них господствует едва ли не каменный век; на склоне вулкана в море с экзотическим названием Флорес островитяне танцуют, радуясь языческому жертвоприношению, не ведая о том, что через несколько лет лава сметет их налаженную жизнь и все придется начинать сначала; недалеко от них, на соседнем острове бушуют чуждые нам страсти, религиозная и племенная вражда...

Да, действительно, Индонезия такова. Не всем известно, что индонезийцы — это лишь название граждан Республики Индонезии, которую населяют более двухсот народов. У каждого свой язык и своя культура, отдельная территория, оригинальная традиция. Среди этих народов есть такие, которые насчитывают около 70 миллионов человек — яванцы, один из крупнейших этносов мира, а наряду с ними — маленькие, по несколько сот или тысяч человек народности и племенные группы, типа описанных в книге палуенцев. Одни из индонезийских народов имеют двухтысячелетнюю письменную историю — таковы, например, суматранские малайцы (в книге они названы оранг-сини, т. е. здешние люди, или местные жители); другие — хотя бы непосредственные соседи малайцев — кубу — продолжают вести едва ли не первобытный образ жизни в тропических лесах. Контрасты наблюдаются и в сфере хозяйства, материальной культуры, фольклора. На территории Индонезии крупные историко-этнографические области соседствуют друг с другом. Пересекая глубокое море Банда, мы попадаем из Азии в Океанию, периферией которой является Восточная Индонезия, где на первый взгляд все другое.

И тем не менее у этого пестрого многообразия есть и общие черты. Не случаен лозунг на государственном гербе Индонезии: «Единство в многообразии». Единство до некоторой степени определяется генетическим родством большинства индонезийских народов, говорящих на языках аустронезийской языковой семьи. Но гораздо в большей степени оно создано общностью исторических судеб, сложившейся на протяжении последнего тысячелетия. Малайский язык (его литературная норма, принятая в Индонезии, называется сейчас индонезийским языком — бахаса индонесиа), уже в средневековье ставший языком-посредником, связывавшим различные части архипелага, стал предпосылкой государственного единства страны. Национально-освободительное движение, в 1945 г. положившее конец 350-летнего голландского колониального господства, с самого начала провозгласило лозунг образования единой индонезийской нации. Об этом существенном принципе государственной политики и идеологии автор неоднократно упоминает на страницах книги. Следует, однако, сказать, что под словом «нация» индонезийцы понимают не совсем то, что понимаем мы. Нация для них — это, в первую очередь, государственный организм, воплощение государственного единства. Если же говорить о нациях в том смысле, в каком принято понимать этот термин в советской этнографической науке, то вернее будет сказать, что сейчас в Индонезии идет формирование ряда национальных организмов, в том числе яванской нации.

Однако Индонезия — это давно уже не белое пятно на карте мира, и советскому читателю эта страна хорошо известна, о ней написано множество как оригинальных, так и переводных работ, освещающих разнообразные аспекты жизни индонезийцев. Поэтому, если

бы книга Я. Камоцкого ограничивалась только характеристикой страны и заметками о храмах, батике, бычьих гонках, экскурсиях на яванские вулканы и т. д., ее не стоило бы предлагать вниманию читателя. На самом деле, в ней есть нечто большее — сюжеты, описание которых больше, пожалуй, не встретишь нигде.

В 1906 г. научный мир облетела сенсационная новость. Не чуждый интереса к этнографическим изысканиям голландский колониальный администратор Г. Й. ван Донген нашел в девственных лесах Южной Суматры группу людей, уровень развития которых был ниже, чем у любого другого народа земли. Особенно удивляло то, что кубу (так называлось это племя) с реки Ридан, казалось не имели никаких верований, ничего похожего на религию. Многие поспешили заявить об открытии первобытного атеизма у подлинно первобытного человека, дожившего до наших дней. Вскоре было опубликовано еще несколько специальных этнографических работ о других группах кубу, изученных немецкими учеными Б. Хагеном, В. Фольцем, П. Шебестой. Выяснилось, что, хотя этот маленький народ действительно обладал весьма архаичной культурой и занимался преимущественно охотой и собирательством, вера в сверхъестественное была ему все же знакома. Некоторые группы имели шаманов, у других — существовали мифы, например, о происхождении людей от близнечной пары, совершившей инцест. Сенсационные выводы относились, как оказалось, только к кубу с Ридана, которых ни до, ни после ван Донгена никто не видел. И сам он, умный и тонкий наблюдатель, встретился с ними случайно и беседовал только в течении нескольких часов. Причем эти люди были настолько напуганы появлением европейца, что по словам ван Донгена, дрожали от страха на протяжении всего разговора, по их телам струился пот от ужаса и нервного напряжения. Конечно, принципиальный вывод о первобытном атеизме нуждался в более солидном обосновании, которое могли бы дать только настоящие этнографические исследования. В начале же XX века их методика была еще совершенно не разработана. Но, увы, с тех пор никто ни разу не приступил к изучению кубу. А те ученые, которые к ним наведывались, предсказывали, что пройдет немного времени, и кубу исчезнут, будут полностью ассимилированы малайцами, и заниматься исследованием их традиционной культуры станет невозможно. После 20-х годов сведения о кубу в специальной литературе практически отсутствуют.

И вот почти через 70 лет после ван Донгена у кубу побывал Я. Камоцкий. Он конечно не разрешил спора о верованиях кубу с реки Ридан: он там не был. Сведения о том, что кубу Баньюлинчира, среди которых он прожил какое-то время, знают множество духов, которых они называют «рох», ни о чем не говорит. «Рох» — это малайское слово арабского происхождения и значит оно «дух», и кубу заимствовали его у своих соседей палембангцев. Кстати, кубу, даже самые отсталые и не вступавшие в контакт с другими группами, говорят на малайских диалектах, т. е. на том же языке, что и оранг-сини. Но и несмотря на это, наблюдения Камоцкого над жизнью кубу несомненно представляют интерес. Мы, прежде всего, убеждаемся в том, что пророчества оказались неверными, и кубу не исчезли. Сохранились даже так называемые настоящие, т. е. бродячие кубу, ведущие образ жизни первобытных охотников и собирателей. На первый взгляд кажется, что так оно и есть, но присмотримся повнимательнее. Что собирают кубу? Ценную лиану ротан, широко

применяемую в индонезийской легкой промышленности. Но что они с ней делают? Продают ее малайским скупщикам. Тем самым первобытное хозяйство оказалось далеко не столь первобытным, наоборот, оно стало товарной отраслью — и как следствие этого в лагере бродячих кубу вместо каменных ножей и кремневых наконечников стрел Камоцкий находит современные вещи, например, электрические фонари. Кубу уже не дрожат от страха, они познакомились с окружающим миром, они контактируют с ним, но по-прежнему не хотят переселяться в него. Единственный бродячий кубу, отправившийся в свое время учиться в школу, Чучик, вернулся в лес к соплеменникам, собственным примером помогая отстоять свой образ жизни. В то же время кубу, перешедшие к оседлости, принявшие ислам, занимающиеся земледелием, быстро поглощаются палембангскими малайцами, отношения с которыми у них как были, так и остались очень сложными.

Попутно наш автор сообщает, что ему удалось обнаружить письменность кубу! Он даже скопировал ее, но к сожалению, не привел рисунка и фотографии. Будь эти рисунки, можно было бы определить, что это за письмо, а также установить, что оно принадлежит не кубу. Либо все описания кубу более или менее адекватно отражают жизнь и в этом случае уровень развития их культуры не предполагает существования письма; либо письмо у них есть, и тогда все, что о них написано неверно. О чем же писал в таком случае Камоцкий? Возможны несколько вариантов. Скорее всего это был какой-то документ, написанный распространенным на Южной Суматре древним алфавитом «ка-га-нга», бытующим до сих пор у реджангов и других народов горной части острова. Но возможно, что это была одна из грамот, пожалованная кубу в XVII в. правителями Палембанга. О них сообщает в своей книге ван Донген и добавляет, что кубу сохраняют их.

Проблема кубу — это проблема судеб малых народов в современном мире. Повсеместно народы с архаичной культурой и с присваивающей системой хозяйства отступают перед натиском индустриальной цивилизации. Но отступая, трансформируясь или исчезая, они уносят с собой свою неповторимую культуру, свой единственный и уникальный опыт, не раз спасавший иноплеменников, попадавших в экстремальные условия. Чего же могут ожидать такие племена? Как могут они приспособиться к двадцатому веку? Есть ли у них шансы сохранить самобытность? Ответы на эти вопросы неоднозначны и зависят от конкретных условий той или иной страны. Небезынтересно, что в последние десятилетия в разных частях света — в Австралии и в Америке — малые народы пытаются, правда, весьма безуспешно, возродить кажущийся им традиционным примитивный образ жизни, снова вернуться в леса и пустыни, отказаться от благ современного мира, чтобы обрести таким образом независимость. Руководит движениями новая, появившаяся у этих народов интеллигенция. Отдаленно напоминает нам это и суматранских кубу с их единственным пока «интеллигентом» Чучиком.

В связи с кубу можно сказать, что вообще для берегового жителя и даже для земледельца внутренних областей крупных индонезийских островов лес — это неведомый и страшный мир, противополоственный знакомому и доступному морю. Этот мир населен странными и жуткими существами, среди которых неизменный оранг пендек, т. е. маленький человек — получеловек, полуобезьяна, не знаю-

щий жилища, одежды, орудий, но передвигающийся с места на место с быстротой молнии и обладающий незаурядными способностями к волшебству. Рассказы об оранг пендеке отличаются множеством бытовых деталей, что порой смешно контрастирует со сказочным характером самого повествования. Такой жанр в фольклористике принято называть быличкой. Жители Восточной Индонезии рассказывали, например, мне, что на острове Серам оранг и пендеки регулярно летают в Сингапур, чтобы таскать из одного из лучших китайских ресторанов фирменное блюдо из яиц со свининой (фуюнгдай).

Я. Камоцкий встретился с рассказами об оранг пендеке на Флоресе, одним из крупных восточноиндонезийских островов. Своеобразный мир Восточной Индонезии вообще очень слабо знаком советскому читателю, и рассказ о нем хотя бы по одному этому интересен для нас. На Малых Зондских островах, к которым относится и Флорес, живет около пятидесяти народов, на одном Флоресе их более десяти. Характерно, что этот район Индонезии в течение многих столетий настолько был оторван от основных центров развития Малайского архипелага, что там сохранились до сих пор (на соседних с Флоресом островах Тимор, Алор и Пантар) коренные народы, говорящие на языках, близких к папуасским. Во многом отличен и антропологический облик жителей этой части Индонезии — там существуют самые различные типы, переходные между монголоидной и австралоидной расами. В 20-х годах один этнограф сфотографировал трех друзей-односельчан с острова Алор: один был настоящий негритос, другой напоминал аборигена Австралии, а третий мало чем отличался от яванца. В Восточной Индонезии, в отличие от Западной слабо развито рисоводство, и чем дальше на восток, тем меньше и меньше шансов увидеть заливное рисовое поле, составляющее отличительный элемент пейзажа почти всей Юго-Восточной Азии. На Малых Зондских островах рис заменен кукурузой и просом, а на Молуккских островах, на крайнем востоке страны, основной продукт питания — саговый крахмал. Зато Малые Зондские острова — единственный в этой части мира район коневодства. Низкорослая порода лошадей издревле разводится на Флоресе, Тиморе, Кисаре, оттуда лошадки попадали на расположенный севернее остров Сулавеси. Здесь же на соседнем с Флоресом Ломблене существуют две уникальные деревни китобоев, подобных которым нет во всей акватории Индийского океана. Они забивают больше китов; чем все эскимосы вместе взятые.

По мере продвижения от Явы на восток ослабевает и влияние ислама, основной религии Индонезии, которую исповедуют 84% индонезийцев. Еще в конце прошлого столетия в Восточной Индонезии бытовало множество племенных верований, среди которых встречались христианские и мусульманские островки. С тех пор христианство сильно потеснило анимистические верования, хотя приверженцы таковых кое-где все же остались. Камоцкий еще успел застать их на маленьком островке Палуе (на картах это название можно встретить и в форме Палу или Палоз) возле Флореса. Страницы с описанием обряда жертвоприношения молодых буйволов относятся, на мой взгляд, к числу лучших в книге — да и сам материал редок и оригинален. Однако Флорес относится к тем районам Индонезии, где христианство в своем католическом варианте закрепилось уже давно. До 1859 г. остров считался колониальным владением Португалии, и при передаче его Нидерландской Индии было оговорено, что

Новая администрация должна учитывать интересы местных католиков, которых, впрочем, в то время было еще не очень много. Это привело к тому, что голландская администрация, не поощрявшая развитие католицизма в Индонезии (до начала XIX в. католические миссионеры не допускались в страну), была вынуждена все же разрешить основание миссии на востоке Флореса, которая вскоре попала под контроль иезуитов. Примерно в то же время на острове были основаны и первые католические монастыри, в частности — монахинь-урсулинок, о которых упоминает Я. Камоцкий. С тех пор христианизация острова пошла полным ходом, и к 30-м годам более половины жителей Флореса были обращены в католицизм. Восточная часть Малых Зондских островов до сих пор остается оплотом этой религии в Индонезии.

Судить о степени усвоения данными народами христианского учения довольно трудно. По этому поводу высказываются самые противоположные мнения: от утверждения, что христианство представляет собой только поверхностный тонкий слой, едва прикрывающий традиционные племенные верования, до заявлений о том, что оно полностью регулирует все бытие католических народов Индонезии. Истина, как это часто бывает, где-то посередине. Христианство, конечно, проникло в быт жителей Палуэ и Флореса, о чем говорят соответствующие главы книги Камоцкого, но длинные уши анимистических представлений и обрядов часто вылезают из-под католической митры. Впрочем, смешение религий, синкретизм, наслоение их друг на друга — свойство общее для разных религий в этой стране — и для ислама, и для балийского индуизма, и для протестантизма.

Остается сказать еще несколько слов о миссионерах. В своих записках Я. Камоцкий упоминает о них неоднократно. Объясняется это, в основном, тем, что во многих местах сейчас голландских миссионеров сменили польские, земляки автора, которые оказали ему помощь в поездке. О миссионерах написано немало, больше плохого, чем хорошего. Это в достаточной степени справедливо, если учесть их роль в разрушении многих самобытных культур, их причастность в прошлом к колониальной политике европейских держав и т. д. Поэтому марксистская наука в целом оценивает миссионерскую деятельность негативно. Из этого не следует, однако, что миссионеры не принесли в Индонезию ровным счетом ничего положительного. В ряде случаев они были первыми врачами и учителями в глухих труднодоступных районах, при их помощи были изжиты некоторые действительно вредные обычаи прошлого, такие, например, как охота за головами или каннибализм и др. Многие миссии занимались широкой благотворительностью, вели строительные работы, старались помочь благосостоянию общин, среди которых проповедовали.

Встреча Я. Камоцкого с Индонезией произвела на него глубокое впечатление, настолько глубокое, что он решил поделиться им с читателями. И мы, читая его книгу, ощущаем, насколько нестандартна, своеобразна и потрясающе красива эта экваториальная страна, сколь много еще в ней неизвестного и удивительного. Поэтому сочинение Камоцкого, при всех его очевидных слабостях все же может представлять несомненный интерес для любознательного советского читателя.

М. А. Членов

СОДЕРЖАНИЕ

Прыжок в Джакарту	3
Первые шаги по земле	9
Пятое лицо Брахмы	19
Неприветливая Суматра	29
В джунглях у друзей	39
У жителей рек	58
Потомки Маджапахита	69
По пути на Флорес	81
На безводном острове	87
По Флоресу	109
На Малых Зондских островах	132
На острове богов и туристов	144
Прощай, Индонезия!	153
В городе льва	165
М. А. Членов. Послесловие.	186

Януш Камоцкий

ВСТРЕЧИ С ИНДОНЕЗИЕЙ

Утверждено к печати редколлегией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор *Р. Г. Стороженко*. Младший редактор *М. И. Новицкая*. Художник *Н. П. Ларский*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *Г. А. Никитина*. Корректор *И. И. Чернышева*

ИБ № 14511

Сдано в набор 20.04.82. Подписано к печати 10.09.82. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,29. Уч.-изд. л. 10,65. Тираж 30.000 экз.
Изл. № 5053. Зак. № 284. Цена 1р. 10 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе. 28